

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Лаури МЯЛКСОО

профессор международного права, Университет г. Тарту (Таллинн, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**Анна Ивановна ЕФИМОВА**

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

Олег Николаевич ХЛЕСТОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 28.09.2021 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 1063

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2021

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey A. Kostin

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Ivan I. Kotlyarov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Oleg N. Khlestov

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «Moscow Journal of International Law» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

INTERNATIONAL SECURITY LAW

Иванов Д.В., Корженяк А.М., Лапихина Е.С.
Смертоносные автономные системы вооружений и
международное право

6 *Dmitry V. Ivanov, Anastasia M. Korzhenyak,
Ekaterina S. Lapikhina*
Lethal Autonomous Weapons Systems and
International Law

Чахор Рафал
Институт постоянного нейтралитета государства в
современном международном праве

20 *Rafal Czachor*
The Actuality of the Permanent Neutrality of a State in
Contemporary International Law

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

HUMAN RIGHTS

Лазутин Л.А., Лихачев М.А.
Права человека: взаимодействие российского и
международного права, конкуренция решений судов

31 *Lev A. Lazutin, Maxim A. Likhachev*
Human Rights: Integrity of the Russian and International
Law, Competition of Courts Decisions

Толстых В.Л.
COVID-19 и международное право: общие вопросы

45 *Vladislav L. Tolstykh*
Covid-19 and International Law: General Issues

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Турланов Д.А., Турланова И.М.
Международно-правовые аспекты внешнеторговой по-
литики Евразийского экономического союза

63 *Daniil A. Turlanov, Irina M. Turlanova*
International legal aspects of the Eurasian Economic
Union Foreign Trade Policy

Мысливский П.П.
Исполнение решений и консультативных
заключений Суда Евразийского экономического
союза

78 *Pavel P. Myslivskiy*
Execution of Judgments and Advisory Opinions of the
Court of the Eurasian Economic Union

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-6-19>

Research article
Received 17 May 2021
Approved 14 August 2021

Dmitry V. IVANOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Anastasia M. KORZHENYAK

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

Ekaterina S. LAPIKHINA

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskaya-Sennaya ploshchad', Moscow, Russian Federation, 119200
l_katherine@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9250-7455

LETHAL AUTONOMOUS WEAPONS SYSTEMS AND INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *This research paper presents the authors view on the essence of the problems of modern international law regulation of lethal autonomous weapons systems (LAWS) and international arms circulation. The authors dwell upon various aspects of new technologies in the field of creating LAWS, outline the prospects for the solution of the current challenges, as well as give a legal assessment of the legality of new types of weapons, methods and means of warfare from the perspective of contemporary international law. The system and mechanisms of international law regulation of the military purpose products circulation are also analyzed in this scientific work.*

MATERIALS AND METHODS. *The subject of this study comprises international treaties, international customs, general principles of international law and national legislation of states. The study also includes the analysis of international acts of different nature, reports and other documents of international organizations, national authorities, scientific and educational*

literature. The methodological basis of this study is a wide range of research methods, namely: formal-legal, formal-logical, comparative-legal and historical-legal. In addition, the researchers apply system, structural and functional methods, as well as methods of analysis and generalization.

RESEARCH RESULTS. *The result of the study is the conclusion about the perspectives of developing a universal definition of LAWS, as well as a common approach to understanding their characteristics and parameters of human control, and also about the advantages of LAWS in the course of military operations and solving national security problems of states, primarily in terms of compliance with IHL rules, which all military personnel are required to strictly observe. It is also necessary to take into account the crucial role of the issues of secrecy and national security, while Article 36 of Additional Protocol I does not contain criteria for distinguishing new types of weapons from other types of weapons, for example, from those that have undergone multi-stage*

modernization. It can be stated that at present there are only separate and insufficiently effective mechanisms of international law regulation due to their voluntary basis. Therefore, national export control mechanisms are of paramount importance for the process of regulating the circulation of military purpose products, which is an essential element of national sovereignty.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The authors come to the following conclusions: the existing provisions of IHL are fully applicable to LAWS; responsibility for the use of LAWS should be borne by the person who manages the robotic complex or «programs» and gives the order to use LAWS, but the specific forms and methods of human control should remain at the discretion of states; Article 36 of Additional Protocol I provides extremely limited opportunities to prevent the creation of new weapons systems, does not require any reporting and control format; research and development of new types of weapons are secret, and the acquisition or adoption of obviously or presumably indiscriminate weapons systems are not a violation, but rather a preparation for a violation or an activity of a controversial nature; fur-

ther improvement of the international law regulation of arms circulation should be developed by creating mandatory universal mechanisms of international law regulation that would prevent the uncontrolled circulation and illegal distribution of weapons, including their sale to terrorists.

KEYWORDS: lethal autonomous weapons systems, Inhumane Weapons Convention, new types of weapons, methods and means of warfare, military purpose products circulation, international arms trade and transfers, international humanitarian law, international security law, international economic law

FOR CITATION: Ivanov D.V., Korzhenyak A.M., Lapikhina E.S. Lethal Autonomous Weapons Systems and International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 3. P. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-6-19>

The authors declare the absence of conflict of interest.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-6-19>

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Анастасия Михайловна КОРЖЕНЯК

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

Екатерина Сергеевна ЛАПИХИНА

Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., д. 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
I_katherine@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9250-7455

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 17.05.2021
Принята к публикации: 13.08.2021

СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ ВООРУЖЕНИЙ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВВЕДЕНИЕ. В данной статье представлен авторский взгляд на сущность актуальных проблем в сфере современного международно-правового регулирования смертоносных автономных систем вооружений (САС) и международного оборота оружия. Авторы рассматривают различные аспекты новых технологий в области создания смертоносных автономных систем вооружений, определяют перспективы их решения, а также дают правовую оценку законности новых видов оружия, методов и средств ведения военных действий с точки зрения современного международного права. В статье также анализируются система и механизмы международно-правового регулирования оборота продукции военного назначения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Предметом настоящего исследования выступают международные договоры, международно-правовые обычаи, общепризнанные принципы международного права, национальное законодательство государств. В предмет исследования также входят международные акты рекомендательного характера, доклады и иные материалы международных организаций, национальных министерств и ведомств, научная и учебная литература. Методологическую основу данного исследования составил широкий круг исследовательских методов, а именно: формально-юридический, формально-логический, сравнительно- и историко-правовой. Кроме того, авторами применены системный и структурно-функциональный методы, а также методы анализа и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Результатом проведенного исследования является заключение, во-первых, о целесообразности разработки универсального определения САС, общего подхода к пониманию их характеристик, возможностей боевого применения и параметров человеческого контроля, во-вторых, о наличии преимуществ САС в ходе проведения военных операций и решения задач национальной безопасности государств, прежде всего с точки зрения соблюдения норм международного гуманитарного права (МГП), которые все вооруженные силы обязаны строго соблюдать даже в случае

ведения боевых действий с применением САС. Необходимо также учитывать первостепенное значение вопросов секретности и национальной безопасности, при том, что ст. 36 Дополнительного протокола I не поясняет, подпадают ли вооружения, прошедшие модернизацию, под предусмотренные ею правовые обзоры. Она также не содержит критериев отличия новых видов оружия от таких вооружений. Поэтому важное значение в процессе регулирования оборота продукции военного назначения играют национальные механизмы экспортного контроля.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе исследования авторы приходят к следующим выводам: существующие положения МГП полностью применимы к САС; ответственность за применение САС должно нести лицо, которое управляет роботехническим комплексом или «программирует» и отдает приказ на применение САС, но конкретные формы и методы контроля со стороны человека должны оставаться на усмотрение государств; учитывая, что особенностью САС является задействие в них новых технологий, важное значение отводится статье 36 Дополнительного протокола I, которая, однако, сформулирована общо и не предполагает какой-либо отчетности и процедур верификации; приобретение или принятие на вооружение очевидно или предположительно неизбежных систем оружия не является существенно нарушением, а могут расцениваться как действия по подготовке к нарушению; в дальнейшем международно-правовое регулирование оборота оружия следует развивать в направлении создания обязательных универсальных механизмов международно-правового регулирования, которые предотвратили бы неконтролируемый оборот и незаконное распространение оружия, включая продажу его террористам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смертоносные автономные системы вооружений, Конвенция о «негуманном» оружии, новые виды оружия, методы и средства ведения военных действий, оборот продукции военного назначения, международная торговля и поставки оружия, международное гуманитарное

право, право международной безопасности, международное экономическое право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Д.В., Корзеньяк А.М., Лапихина Е.С. 2021. Смертоносные автономные системы вооружений и международное

право. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-6-19>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

Throughout history and at the present time wars and armed conflicts have been an unavoidable companion of people that entails death, suffering, violence and disaster to a huge number of people.

In view of the global transformations of the modern world the increasing pace of the scientific and technological progress, as well as changes in the economic and political environment the system of agreements in the field of strategic stability and non-proliferation has become subject of fundamental changes. In the context of the current political situation we observe: 1) the lowering of the threshold for the use of nuclear weapons; 2) the withdrawal of the US from the INF Treaty¹; 3) their refusal to ratify the CTB²; 4) the collapse of the Iran «Nuclear Deal»; 5) the refusal to negotiate in order to prevent the deployment of weapons in outer space and the creation of the US Space Force (USSF); 6) the presentation of the new Space Defence Strategy of France³; 7) the ongoing military operations in the east of the Ukraine, in Iraq, Afghanistan, Yemen, Libya and many other armed conflicts. The combination of all these facts does not let us forget about the inhumanity of war and its irreversible and irreparable consequences. Therefore, such questions are not removed from the agenda as the necessity of strict and faithful observance of the existing provisions of international humanitarian law (IHL), the achievement of the balance between the national security issues and humanitarian considerations, as well as joint responsibility of all states for the maintenance of international peace and strengthening the global security and strategic stability.

With the beginning of 2020 the world community has entered a qualitatively new stage. In 2020–2021 the review cycles of the fundamental international documents are being completed (the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, 1968 (NPT), the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction, 1972 (BTWC), the Convention on Certain Conventional Weapons (the Inhumane Weapons Convention), 1980 – CCW). The prospects for strengthening the non-proliferation regimes of weapons of mass destruction (WMD) and the future of global security will depend on the results of the joint work.

2. The issue of new technologies including LAWS in the modern international law

Over the past decades the world has accelerated the emergence of technologies that can give unique capabilities to traditional weapons. Artificial intelligence, machine learning, image recognition programs, algorithms for analyzing large amounts of data, network interaction technologies, broadband communications, satellite navigation and new ultra-sensitive sensors create conditions for replacing soldiers on the battlefield and affect the course of armed conflicts.

Nowadays one of the most relevant issue in the context of acceptable means and methods of warfare are **lethal autonomous weapons systems** (LAWS). The debate and opinions about LAWS continue to evolve. After several rounds of informal discussions in 2014–2016 under the auspices of the CCW a Group of Governmental Experts (GGE) was established at

¹ Treaty Between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on the Elimination of their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles dated December 8, 1987.

² Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty dated September 24, 1996.

³ See also: Military Program Act 2019–2025. URL: [https://www.defense.gouv.fr/content/download/523961/9053454/file/MPL%202019-2025%20-%20Synopsis%20\(EN\).pdf](https://www.defense.gouv.fr/content/download/523961/9053454/file/MPL%202019-2025%20-%20Synopsis%20(EN).pdf) (accessed 26.02.2021).

the 5th Review Conference of the (CCW)⁴ on 21 December 2016. The GGE has a mandate to discuss further the questions related to emerging technologies in the area of LAWS in the context of the objectives and purposes of the CCW.

In spite of the fact that GGE has been working since 2016 this issue remains controversial. There is no consensus among the States Parties to the CCW on the need to create a new regulation. The authors believe this is reasonable to restrain from reaching any legally binding agreements due to the lack of prototypes of such systems, difficulties of establishing definitions and drawing a clear «watershed» between military and civilian use of emerging technologies in the development of autonomous systems. At the same time, it is necessary to take appropriate measures in order not to harm scientific and technological progress in the field of information technology, artificial intelligence, peaceful robotics⁵, etc. [Chun, Papanikolopoulos 2016:1605-1626].

There is a consensus among states that the existing provisions of international humanitarian law (IHL) are fully applicable to LAWS (agreed by the GGE⁶). At the same time states continue to have different views on whether the existing regulation is sufficient. Some of them believe that due to the unique capabilities of new technologies LAWS potentially can go beyond human control which will bring the world to catastrophe. Therefore, a group of states insists on starting negotiations towards a legally binding ban of LAWS. Other states have a position that a political declaration or a kind of «code of conduct» are needed to prevent potential breach of IHL by using LAWS. At the same time the practical development in the sphere of emerging technologies including weapons with autonomous functions demonstrates no indication that an additional or new legally binding regulation is necessary. IHL provides the necessary framework for the development and application of LAWS⁷ (AP-I⁸,

Art. 36). So, the development of any legally and even politically binding document to this effect is impractical and counterproductive, including the introduction of various moratoriums on the development and use of technologies which have been developed to create such systems, and discussions on the «code of conduct» on LAWS are also premature.

No doubt that the development of the definition of the «meaningful human control» will face serious difficulties due to the absence of more or less universally recognized criteria as to what degree of such control should be considered meaningful. At the same time, it is obvious that, human control is a fundamental condition and constraint for the use of LAWS in conformity with IHL. Consequently, the responsibility for the use of LAWS should be imposed on the person who operates or programs an autonomous system, but the development of universal criteria for determining the appropriate level of «significance» of human control over the machine is almost impossible and far from the reality. At the same time, it would be more logical and realistic to leave specific forms and methods of human control to the discretion of the states, which in practice will rely on their own standards in this area [Riebe, Schmid, Reuter 2020:36-51].

The United Kingdom, Germany, Israel, Russia, France, the United States, South Korea and Japan are against a total ban on LAWS, i.e. those countries that conduct large-scale and significant R&D (research and development) in this area and actively finance innovative weapons. A number of these countries have established temporary moratoriums on the creation of fully autonomous LAWS, but the possibility of their creation in the future is not excluded. 26 countries (for example, Austria, Argentina, Brazil, Bolivia, etc.) [Nash 2015:118] and the only member state of the UN Security Council – China – insist on a complete ban [Roff 2015: 47, 50-51].

⁴ See also: Sandoz Y. Introductory Note to the Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons which may be deemed to be Excessively Injurious or to have Indiscriminate Effects (with Protocols), 1980. (In Russ.). URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprccc/cprccc_r.pdf (accessed 28.02.2021).

⁵ Vorontsov K. Talking points. – *Rio Seminar on Autonomous Weapons Systems*. February 20, 2020. P. 187-190. URL: http://funag.gov.br/biblioteca/download/laws_digital.pdf (accessed 26.01.2021).

⁶ In 2018 and 2019 were adopted two significant GGE Reports that contain 11 guidelines for LAWS. See: UN: Background on LAWS in the CCW. URL: <https://www.un.org/disarmament/the-convention-on-certain-conventional-weapons/background-on-laws-in-the-ccw/> (accessed 26.01.2021).

⁷ Potential opportunities and limitations of military uses of lethal autonomous weapons systems. Submitted by the Russian Federation. Geneva, 25-29 March 2019. Item 5 of the provisional agenda. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCW%2FGGE.1%2F2019%2FWP.1&Language=R&DeviceType=Mobile> (accessed 26.02.2021).

⁸ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) dated June 8, 1977. By the way, it has not been ratified by the United States and such states as Israel, India, Iraq, Iran, Turkey, etc., on the territory of which there are ongoing armed conflicts.

At the same time, it is important to encourage the development of a common definition of LAWS and to maintain a dialogue on the characteristics of LAWS, their military application and human control. Otherwise, each state will have its own understanding of the LAWS and its own guidelines, which can lead to unpredictable consequences and misunderstandings. Moreover, that can result in a subjective division of weapons into permissible and prohibited, «good» and «bad», on the basis of **political preferences**. In addition, as a substantive remark can be considered the inapplicability to the work on LAWS of such a frequently cited example as the CCW Protocol IV on Blinding Laser Weapons⁹, since this document, as is well known, prohibited not the laser weapon itself, but the extremely specific case of its use – **for causing «permanent blindness» to human organs of vision**.

The Russian Federation¹⁰ believes that potential LAWS can demonstrate greater efficiency than a human operator in solving tasks, can reduce the likelihood of errors and significantly diminish the negative consequences of using weapons in the context of IHL which are related to the mental and physiological state of the operator, his moral, religious, ethical attitudes [Umbrello, Torres, De Bellis 2020:273-282]. The use of highly automated technologies can improve the accuracy of targeting weapons aimed at military targets as well as help reduce the likelihood of unintentional attacks on the civilian population and civilian objects [Mull 2018:461, 498]. Along with the destruction of military facilities and protection of the civilian population, the potential areas of the use of LAWS are defence and protection of strategically important objects (nuclear power plants, dams, bridges, etc.), as well as elimination of terrorist groups, fight against mine hazards, etc. Existing military systems with a high degree of automation should not be classified as a «special» category that needs immediate restrictions and prohibitions. This level of automation allows such systems to operate in dynamic combat conditions and in various environments with a high degree of efficiency which is often not available to humans, thereby ensuring an

appropriate degree of selectivity and enhancing the accuracy of weapons directed against military objectives, and, as a result, enabling their compliance with the core principles and rules of IHL [Combe II 2019:35-68].

The discussions in the GGE on LAWS are limited to fully autonomous systems, according to the mandate of the Group. They are proposed to be understood as «unmanned technical means that are not ammunition and are designed to perform military and supportive tasks without any operator involvement». In this regard, it is unacceptable to discuss the subject of unmanned aerial vehicles in the context of LAWS in the framework of the CCW, since they are a special case of highly automated systems and do not belong to the LAWS.

At this stage the main problem with the work on LAWS is the speculative nature of the discussions, which is due to the lack of both actually operating LAWS and a common understanding of their working definition and basic functions [Wood 2020:220-240]. There are states that include into LAWS classification semi-autonomous and automated systems and believe that such elements already exist and are widely used. Others believe that there are no such systems and that real LAWS with a high level of artificial intelligence is a matter of the future [Skuratova, Korol'kova 2019:24-26]. For example, the **Ministry of Defence of the Russian Federation** uses such working definitions as «autonomous weapons system», «semi-autonomous weapons system», «autonomous unmanned underwater vehicle», «autonomous spacecraft», but none of them applies to unguided ammunition; ammunition controlled by a human operator (for example, laser-guided or wire-guided ammunition); mines, unexploded ordnance. **The definition of the LAWS only through the function of selecting the target and the command to kill is not appropriate**, since this will signal that these functions of machines are exclusively reserved for humans, whereas these missions are better conducted by machines in certain conditions. And then we will have to include already existing highly automated combat systems in the concept of LAWS.

⁹ Protocol on Blinding Laser Weapons (Protocol IV to the 1980 Convention) dated October 13, 1995. URL: http://www.weaponslaw.org/assets/downloads/1995_CCW_Prot_IV.pdf (accessed 26.02.2021).

¹⁰ Potential opportunities and limitations of military uses of lethal autonomous weapons systems. Submitted by the Russian Federation. Geneva, 25-29 March 2019. Item 5 of the provisional agenda. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=CCW%2FGGE.1%2F2019%2FWP.1&Language=R&DeviceType=Mobile> (accessed 26.02.2021).

3. Legal regime of new types of weapons, methods and means of warfare from the perspective of contemporary international law

Since LAWS are based on emerging technologies, they must be capable of being used in compliance with IHL. Article 36 of Additional Protocol I of 1977 (AP-I) is of great importance in this regard. It provides that each State Party is required to determine whether the employment of a new weapon, means or methods of warfare that it studies, develops, acquires or adopts would, in some or all circumstances, be prohibited by international law. Legal reviews of new weapons, including new technologies of warfare, are a critical measure for states to ensure respect for IHL. At the same time Article 36 contains neither criteria for distinguishing new types of weapons from other types of weapons, such as those that have undergone multi-stage modernization, nor provides any specific reporting format. The determination of new types of weapons, methods and means of warfare remains at the discretion of the participating states. Those provisions of the Article that relate to the research, development and creation of new types of weapons are not subject to control and verification, since these stages of creating weapons are strictly confidential. In turn, the acquisition or adoption of apparently or presumably indiscriminate weapons systems does not constitute a violation in itself, but rather can be seen as a preparation for a violation or an activity of a controversial nature, since a violation involves precisely the use of these weapons in an armed conflict. Because of the general character of Art. 36 AP-I, it seems to be problematic to assess whether this article can provide enough opportunities to prevent the creation or acquisition of new or high-tech upgraded weapons systems. There is no generally accepted and universally recognized practice in this area. The question whether the obligation to conduct a legal review reflected in Art. 36 should be qualified as a State's obligation under customary international law remains open and requires further discussion [Jevg-levskaja 2018:186-221].

At the same time Art. 35 of AP-I states that the right of the Parties to the conflict to choose methods and means of warfare is not unlimited.

All the principles and restrictions of modern IHL are fully applicable to LAWS. In practice it means that such systems, their technical characteristics and capabilities determined by autonomation as well as their use during armed conflict must comply with the principle of protection of the civilian population against the effects of hostilities, the principle that prohibits the employment of weapons of a nature to cause superfluous injury or unnecessary suffering, must not cause widespread, long-term and severe damage to the natural environment (CCW, preamble).

Modern IHL is based on the balance between minimizing the negative consequences of warfare, i.e., its «humanization» and the need to ensure national security. A shift towards one of them may cause insufficient level of protection of civilians in armed conflict or infringement of legal security interests.

For example, the US administration is currently giving priority to the development of high-tech weapons following the implementation of the US Department of Defense directives on maintaining competitiveness and ensuring global military dominance [Wyatt 2020:1-20; Nash 2015:115-122]. The Pentagon plans to implement «artificial intelligence» technologies widely in the activities of the US Armed Forces¹¹. In turn, over the past decade a practice of «*pre-emptive self-defence, which is incompatible with the laws and customs of warfare*» has been developed by the counter-terrorism operations in the United States, which means the use of armed drones in case of an alleged or anticipated terrorist attack.

Due to the lack of the definition of lethal autonomous systems in international law, many analysts often rely on the functional concept of weapons system autonomy that was put forward by the United States and the International Committee of the Red Cross (ICRC). It is based on a «target selection cycle» without human participation «targeting cycle» (or F2T2EA – find, fix, track, target, engage, assess)¹². Such vague assumptions in the definition already raise a number of questions: 1) How can the distinction between «autonomous» and «highly automated» weapons be legally defined? 2) How can «automatic execution» of functions be distinguished from the

¹¹ «Smart systems», such as, for example, «*Project Maven*», which develops computer vision algorithms for analyzing video recordings from drones to support the US military operations against IS in Iraq and Syria, explaining this by the need to improve the effectiveness of national security.

¹² F. Sauer is a Professor at the Bundeswehr University of Munich. Based on the materials of the Russian Embassy in Germany «To discussions on the regulation of lethal autonomous weapons systems in Germany», 2018.

artificial intelligence? Which of these are clearly defined and predictable algorithms, and which include independent decision-making about carrying out a fire attack? 3) Can we say that the algorithm of machine behavior, which was laid down by the developer of the program, means human control?

Despite the fact that LAWS are now seen as weapons of the future with a strike effect and highly mobile platforms and given the fact that the United States are not in favor of developing a legally binding document prohibiting the use of LAWS, they will act in the interests of their own foreign policy, national security and a favorable strategic position, strengthening their influence and leverage on the world stage¹³. In general, the US arguments are similar to the position of the most developed countries in scientific, technical and military-strategic terms (including Russia). In particular, they emphasize that automation of functions can be used both to improve the accuracy of the weapon itself, and for the correctness and timeliness of human decision-making in stressful and urgent situations¹⁴.

The proposed definitions include already existing military air defense systems (for example, the «Patriot» used by the Bundeswehr of Germany) [Alwardt, Polle 2018:133-139] or systems for suppressing enemy radar stations (for example, the Israeli «Harpy»). Some hypersonic and space vehicles¹⁵, which are being developed today, may potentially belong to LAWS, that is, some time later, in the absence of clear definitions, but only vague and unnecessarily broad concepts, most weapons may fall under the definition of LAWS. As a result, any remotely controlled vehicle can potentially be called an autonomous combat robot. However, at the same time, it is also necessary to pay attention to the following key aspects of the problem under study:

1) **IHL describes in detail the rules of warfare**, and all military personnel are required to strictly comply with these rules and principles of IHL, even in the case of combat operations with the use of LAWS. International law also makes it possible to identify the person responsible for the war crimes, including those committed with the use of autonomous robots. Modern management and control tools allow to record the entire process of using a combat robot that may simplify in the future the issue of responsibility for possible violations.

2) **Issues of secrecy and national security** will always dominate for each state, so an effective control over the weapons systems software of the armies of various countries in the world is impossible for both political and technical reasons. In addition, you need professional expertise in order to identify LAWS, meanwhile, the use of autonomous weapons can be hidden or classified. It is important to maintain the balance between the considerations of humanity and national security interests.

4. International law aspects of international circulation of military purpose products (MPP)

In the context of the subject matter of this study it is important to keep in mind that before the formation of the UN international law regulation of the circulation of military purpose products (MPP) was mainly carried out in the field of international humanitarian law and was associated with the introduction of prohibitions and restrictions on the use of certain types of weapons. This trend was continued after the Second World War, as evidenced by the adoption of such fundamental instruments as the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, 1968 (NPT), the Convention on the Prohibition

¹³ U.S. working papers to the CCW GGE: Implementing International Humanitarian Law in the Use of Autonomy in Weapon Systems, March 28, 2019, CCW/GGE.1/2019/WP.5, URL: <https://undocs.org/CCW/GGE.1/2019/WP.5>. Human-Machine Interaction in the Development, Deployment and Use of Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems, Aug. 28, 2018, CCW/GGE.2/2018/WP.4, URL: <https://undocs.org/CCW/GGE.2/2018/WP.4>; Humanitarian benefits of emerging technologies in the area of lethal autonomous weapon systems, March 28, 2018, CCW/GGE.1/2018/WP.4, URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/CCW/GGE.1/2018/WP.4>; Autonomy in Weapon Systems, Nov. 10, 2017, CCW/GGE.1/2017/WP.6, URL: <https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.6>. Characteristics of Lethal Autonomous Weapons Systems, Nov. 10, 2017, CCW/GGE.1/2017/WP.7, URL: <https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.7> (accessed 08.03.2021).

¹⁴ A number of international experts, in particular, Professor Ron Arkin, a roboticist from the Georgia Institute of Technology, admit that LAWS can more effectively comply with the provisions of IHL and the principles of the use of force, since they are not subject to stress, their sensors are often more accurate than human senses, and software based on artificial intelligence allows to limit the use of weapons with specified parameters.

¹⁵ In particular, Boeing X-37B Orbital Test, Vehicle X-43A Hypersonic Experimental Vehicle, stationary combat robots, for example, Katlanit robotic machine gun towers in Israel, Samsung SGR-A1 in South Korea or Common Remotely Operated Weapon Station (CROWS) in the United States.

of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction, 1972 (BTWC), the Inhumane Weapons Convention, 1980 – the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW) and its five Protocols (two prohibitive ones – on Non-X-ray Detectable Fragments and Blinding Laser Weapons – and three restrictive ones, but the state must agree to be bound by at least two protocols and not all of them); the Paris Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction, 1993 (the Chemical Weapons Convention – CWC).

In general, the circulation of MPP before the formation of the UN and during the Cold War was not limited in any way, although some attempts were made to establish common criteria for the weapon transfers. For instance, some hypotheses were put forward for the introduction of a ban on the weapon transfers to a state that launched military operations against another independent state. In other words, it is the question of aggression, the definition of which was unanimously adopted at the XXIX session of the UN General Assembly in 1974. Hence, an act of aggression on the part of an arms-importing state should be considered as the main factor in addressing the issue of weapon transfers, and thus any arms transfers to an aggressor state should be stopped.

However, the attempts to define common criteria for the weapon transfers were doomed to failure, since states could not reach a consensus due to the imbalance of forces in the world and the desire of states to ensure their security by all available means. The idea of limiting the weapon transfers was not implemented to a large extent due to the confrontation between the USSR and the United States. The instrument «On Practical Ways to End the Arms Race. Proposals of the Soviet Union», which was presented at the UN General Assembly session on Disarmament in 1978¹⁶, is significant and historically important in this regard, because it emphasized the need to develop reasonable and precise political and international law *eligibility criteria for the international arms trade and transfers*.

In the 1990s, the priorities changed, and the international community began to strive not for the direct restriction of the arms trade, but for the increase

in the *sales transparency* [Bothe, Marauhn 1993:23]. In this area, a number of regimes have been developed to regulate the circulation of certain types of weapons, but in general this position also reached an impasse due to the *lack of political will and mandatory control mechanisms*. Many states were not ready to provide relevant reports on a voluntary basis.

At present we can say that the international law regulation of the MPP circulation is possible only in terms of certain issues where the interests of particular states within the international system coincide. The main objectives of international law regulation in this area consist in the regulation of the MPP transfer and circulation, including the establishment of restrictions or prohibitions on the distribution of certain types of MPP, the implementation of which is carried out through the national export control mechanisms.

At the same time, the main source of international law in this area are international treaties that provide for the obligations of states to limit the transfers of MPP, as well as the responsibility to the international community for non-compliance with the assumed obligations. They should be distinguished from the contracts between states for the supply of military purpose products since the latter establish specific private obligations between the subjects of emerging legal relations and cannot be considered as a source of international law.

In the context of the *international economic law*, we can distinguish two groups of international treaties in the field of MPP circulation: 1) general normative ones – i.e., *trade agreements* in the sphere of arms circulation, agreements on the organization of arms supply and exchange; 2) agreements in the area of *military-technical cooperation*. At the same time, it should be noted that in fact most of the existing principles, on which the international law regulation of the MPP circulation is based, exist in the form of the *international custom*, which is also the main source of international law.

As the object of the international law regulation of the MPP circulation should be considered a system of *economic relations of a public-law nature between the subjects of international law in the sphere of the MPP circulation*. Economic relations in the area of the MPP circulation include *trade relations* in which a state satisfies its needs for weapons and

¹⁶ UN: Resolutions and Decisions adopted by the General Assembly during its Tenth Special Session. 23 May-30 June 1978. URL: <https://www.un.org/disarmament/wp-content/uploads/2017/05/A-S10-4.pdf> (accessed 08.03.2021).

military equipment by purchasing them from another state¹⁷.

There are two areas of the legal impact on the MPP circulation in international law:

1) *the establishment of restrictions and prohibitions on the circulation of certain types of weapons*¹⁸, which is regulated by such branches of international law as *international security law and international humanitarian law* (herewith, most international treaties in this area apply only to such categories of weapons, *the rapid increase of which poses a higher threat to the security of states than the proliferation of conventional weapons*, thus, the withdrawal of certain types of MPP¹⁹ from the foreign economic turnover prevents a potential threat to the international security and stability) [Hayashi 2017:127-137]. It is necessary to consider that the establishment of restrictions and prohibitions on the supply of certain types of weapons does not imply a total ban on the supply of other categories of weapons. The eligibility of the MPP circulation generally corresponds to the basic principles of international law, including the inalienable right of states to individual or collective self-defense in case of an armed attack (Article 51 of the UN Charter is based on this natural right) [Dinstein 2001:140-146, 157-169, 183-192, 213-226].

2) *the regulation of economic relations between the subjects of international law regarding the supply and transfer of the allowed for circulation MPP*, which is regulated by the norms of *international economic law* (IEL)²⁰. Two key conclusions follow from this:

- about the application of the *principles of IEL* to this sphere (such as the development of international economic and scientific-technical relations between states, the principle of economic non-discrimination, the principle of freedom of organizational forms of foreign economic relations, etc.);

- about the predominance of *regional norms*²¹ in the regulation of these relations due to the specifics of the MPP as an object of circulation and due to the manifestation of the consequences of globalization and internationalization of the economy precisely within the framework of specific socio-economic systems, *regional entities* or even *megaregional entities* in the context of the new integration processes.

Nevertheless, it should be noted that the legal regulation of the MPP circulation is not exclusively, but still mainly carried out by *domestic law*. International law regulates in this area only relations concerning general issues which affect the international interests as a whole or the interests of a group of states [Nayan 2019:9-54]. International law regulation of the circulation of conventional arms is limited only by the general organizational principles, thus providing the subjects with the opportunity to determine the procedure of their interaction independently, which is reflected in Article 5, Paragraph 2 of the Arms Trade Treaty.

The system of interstate relations in the sphere of the MPP circulation is determined not only by economic patterns and the need of states to ensure their own interests through the MPP circulation, but also by the need to ensure the security of peaceful coexistence and to reduce international tension [Shvydun 2019:736-748].

The consensually willful establishment of international relations in the sphere of military purpose products circulation is characterized by the **dominance of state interest** and is considered as an important means of ensuring the national security of the country. Military purpose products can function both as a guarantor of security maintenance and as a means of peace and security destabilization in certain states, regions or on an international scale. Nonetheless, the method of agreement within the

¹⁷ Serov I.B. *Sovremennye mezhdunarodno-pravovye voprosy mezhdunarodnogo oborota oruzhiya*: diss.... kand. yurid. Nauk [Modern international law issues of international arms circulation: candidate thesis]. Moscow. 2018. P. 71-77. (In Russ.).

¹⁸ International law regimes for disarmament, arms reduction and limitation, including the international regime for the non-proliferation of nuclear weapons (NPT) and other weapons of mass destruction, the regime for the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological), toxin (BTWC) and chemical (CWC) weapons and their destruction.

¹⁹ Namely: 1) capable of causing excessive damage; 2) causing unnecessary suffering; c) being excessively injurious or having indiscriminate effects; d) capable of causing extensive, long-term and serious damage to nature.

²⁰ See, e.g., the Arms Trade Treaty (ATT), which establishes common international standards for the import and export of conventional weapons and forms the basis of the conventional mechanism of the system of international law regulation of the MPP circulation. URL: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/2013/06/English7.pdf> (accessed 26.02.2021).

²¹ See, e.g., the European Convention on the Control of the Acquisition and Possession of Firearms by Individuals dated June 28, 1978.

system of international law regulation of the MPP circulation is characterized by a combination of general authorization for the supply of military purpose products, on the one hand, and prohibitions related to the supply of MPP for certain purposes, for certain subjects and to certain territories, on the other [Hayashi 2017:127-137].

At present there are several *universal mechanisms of international law regulation of the MPP circulation*²²:

1) **the UN Register of Conventional Arms (UNROCA)**, established by the Resolution adopted by the General Assembly, 9 December 1991 (A/RES/46/36L), according to which the states undertake to provide information on their imports and/or exports of weapons²³, which is used to assess the limit beyond which arms transfers can become «excessive and destabilizing» for international security in the global dimension²⁴, although only a small number of states provide such reports.

2) **the Wassenaar Arrangement on Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies**, signed in 1996²⁵, according to which the states parties shall endeavour to ensure that the supply of goods enumerated in the lists of equipment and technologies does not contribute to the development or enhancement of military capabilities that undermine security and stability, and is not used to support such capabilities. This Arrangement does not create an institutional body with the authority to make binding decisions. The agreements reached within its framework are implemented through national export control mechanisms.

3) **Bans on the supply of weapons imposed by the decisions of the UN Security Council** (embargo)²⁶.

A number of mechanisms of international law regulation of certain categories of weapons can also be identified within the framework of the international export control system: the Nuclear Exporters Committee, or the Zangger Committee (ZAC), the Nuclear Suppliers Group (NSG), the Australian

Group (AG), the Missile Technology Control Regime (MTCR) [Sultan 2019:63-83].

The arms trade control system involves the creation of methods for ensuring compliance with treaty obligations, established to prevent the prohibited for circulation MPP from transferring to other states or falling into the hands of non-state actors, to provide the states parties with the information on the fulfillment of the obligations by other states parties, to prevent and detect cases of violations.

The creation of an effective mechanism for the legal regulation of the circulation of conventional arms is a necessary part of national sovereignty, so the MPP circulation is one of those areas in which there is no well-established and developed international law framework and no effective mechanism for international law regulation [Mussington 1993:44-45]. States are responsible for using their national control systems regulating the transfer of conventional arms in order to comply with the ATT provisions.

The International code of conduct on Arms Transfers 2000 tried to codify general principles common for the regulation of transfer of MPP including dual-use technologies. According to this document such transfers may be conducted if the recipient observes such principles as compliance with international human rights standards and IHL, respect for democratic rights, respect for international arms embargoes and military sanctions, participation in the UN Register of Conventional Arms, commitment to promote regional peace, security and stability, opposition to terrorism, promotion of human development. The Code is not a legally binding act, does not create for states any obligations under international law. Principles mentioned above are not always of a consensual character. However, the compliance with IHL and the obligation to follow the decisions of the UN Security Council under Chapter VII on military embargo can, in our view, be considered as universally recognized and can serve as a basis for a potential transfer regime for LAWS including domestic regulation.

²² Serov I.B. Op. cit. P. 93-105.

²³ These categories are: I. Battle tanks; II. Armoured combat vehicles; III. Large-calibre artillery systems; IV. Combat aircraft and unmanned combat aerial vehicles (UCAV); V. Attack helicopters; VI. Warships; VII. Missiles and missile launchers. See: United Nations Register of Conventional Arms: Categories of major conventional arms. URL: <https://www.unroca.org/categories> (accessed 26.02.2021).

²⁴ Serov I.B. Op. cit. P. 96.

²⁵ See: The Wassenaar Arrangement. URL: <https://www.wassenaar.org> (accessed 26.02.2021).

²⁶ In recent years the UN Security Council has adopted decisions on arms embargoes on Sierra Leone, Eritrea and Ethiopia, Iraq, Liberia and a number of other states. See also: [Yihdego 2007:115-132].

5. Conclusions

The significant contribution of states to the codification and progressive development of IHL and international security law is obvious, but against the current political background it is necessary to faithfully comply with the existing international law rules in order to achieve the balance between humanitarian issues and national security interests.

The issue of LAWS remains controversial due to the lack of prototypes of such systems, the complexity of developing definitions and drawing a clear distinction between military and civilian technologies, the importance of preventing from harming the scientific and technical progress in the field of information technology, artificial intelligence, and peaceful robotics. It is necessary to underline that the existing provisions of IHL are fully applicable to LAWS, and there is no indication that it is necessary to adapt the new legal rules to the «specifics» of these weapons systems: the issue rather concerns the effective enforcement and implementation of IHL rules and principles at the national level (where an effective enforcement and control mechanism is possible) and the political will on this subject of the states themselves. There are obvious advantages of LAWS in terms of their military application and solving national security problems of states, including compliance with IHL rules. Responsibility for the use of LAWS should be borne by the person who manages the robotic complex or «programs» and gives the order to use LAWS, but the specific forms and methods of human control should remain at the discretion of states. It is also important to keep in mind that the need to consider humanitarian concerns (and often far-fetched ones) cannot be used as the only sufficient condition for the introduction of restrictive and prohibitive regimes for specific types of weapons: thereby it is necessary to take into account the legitimate interests of national security of states (primarily defence security).

Furthermore, Article 36 of the Additional Protocol-I to the Geneva Conventions does not contain criteria for distinguishing new types of weapons from other types of weapons and does not require

any reporting and control format, so this is left to the discretion of the participating states. Research and development of new types of weapons are secret, and the acquisition or adoption of obviously or presumably indiscriminate weapons systems are not a violation, but rather a preparation for a violation or an activity of a controversial nature, since only the use of these weapons in an international armed conflict by a prohibited method is regarded as a violation. At the same time Article 36 of the AP-I should be considered as an important prerequisite for fair compliance with IHL. It is necessary, first of all, to proceed from the fact that international humanitarian law describes in detail the rules of warfare, and all military personnel are required to strictly observe these rules and principles, even in the case of combat operations with the use of LAWS. Secondly, issues of secrecy and national security should not be cast aside, because will always dominate for each state (and a ban on LAWS actually means a ban on software), and therefore it is apparent that no state will allow to control its electronic equipment on the grounds of national security.

Finally, levelling the problems in the field of arms circulation is one of the activities of the UN and the international community as a whole. Such problems include the increase in illegal arms trafficking, the expansion of non-state-controlled channels of arms sales and supply to terrorist and extremist organizations. At present, we can talk about the existence of separate mechanisms of international law regulation of the military purpose products circulation. However, the effectiveness of such mechanisms is insignificant since they are implemented by the states on a voluntary basis. National export control mechanisms play a leading role in the process of regulating the MPP circulation, which is due to the specifics of MPP as an object of regulation. It seems that the further improvement of the international law regulation of the MPP circulation should be developed from the point of view of creating mandatory universal mechanisms of international law regulation that would prevent the uncontrolled circulation of weapons, their illegal distribution and sale to terrorists.

References

1. Alwardt C., Polle J. Internationale Rüstungskontrollbemühungen zu autonomen Waffensystemen: Definitionen, Technik und sicherheitspolitische Implikationen. *Security & Peace. – Sicherheit und Frieden*. 2018. Vol. 36. Issue 3. P. 133-139. DOI: <https://doi.org/10.5771/0175-274X-2018-3-133>
2. Bothe M., Marauhn T. The Arms Trade: Comparative Aspects of Law. – *Revue Belge de Droit International*. 1993. Vol. 26. Issue 1. P. 20-42.
3. Chun W.H., Papanikolopoulos N. Robot Surveillance and Security. – *Springer Handbook of Robotics*. Ed. by B. Siciliano B. and O. Khatib. Cham: Springer. 2016. P. 1605-1626. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-32552-1_61

4. Combe II P.C. Autonomous Doctrine: Operationalizing the Law of Armed Conflict in the Employment of Lethal Autonomous Weapons Systems. – *St Mary's Law Journal*. 2019. Vol. 51. Issue 1. P. 35-68.
5. Dinstein Y. *War, Aggression and Self-Defence*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 301 p.
6. Hayashi M. Export Control in the Arms Trade Treaty: Can It Have an Impact on the Prevention of Serious Violations of International Humanitarian Law?. – *Theory and Practice of Export Control*. Ed. by D. Tamada and P. Achilleas. Singapore: Springer. 2017. P. 127-137. DOI: 10.1007/978-981-10-5960-5_11.
7. Jevglevskaia N. Weapons Review Obligation under Customary International Law. – *International Law Studies*. 2018. Vol. 94. P. 186-221.
8. Mull N.W. The Robotization of Warfare with Lethal Autonomous Weapon Systems (Laws): Mandate of Humanity or Threat to It?. – *Houston Journal of International Law*. 2018. Vol. 40. Issue 2. P. 461-530.
9. Mussington D. The International Control of the Arms Trade. – *Revue Belge de Droit International*. 1993. Vol. 26. Issue 1. P. 43-57.
10. Nash T. The Technologies of Violence and Global Inequality. – *Sur: International Journal on Human Rights*. 2015. Vol. 12. Issue 22. P. 115-122.
11. Nayan R. *Global Strategic Trade Management*. New Delhi: Springer. 186 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-81-322-3926-0>
12. Riebe T., Schmid S., Reuter C. Meaningful Human Control of Lethal Autonomous Weapon Systems: The CCW-Debate and Its Implications for VSD. – *IEEE Technology & Society Magazine*. 2020. Vol. 39. Issue 4. 2020, pp. 36-51. DOI: 10.1109/MTS.2020.3031846.
13. Roff H.M. Lethal Autonomous Weapons and Jus Ad Bellum Proportionality. – *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2015. Vol. 47. Issue 3. P. 37-52.
14. Shvydun S. Influence of Countries in the Global Arms Transfers Network: 1950–2018. – *Studies in Computational Intelligence*. Vol. 882. Cham: Springer. 2019, P. 736-748. DOI: 10.1007/978-3-030-36683-4_59.
15. Skuratova A.Yu. Korol'kova E.E. Smertnosnye avtonomnye sistemy vooruzhenii: problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [Lethal Autonomous Weapon Systems: problems of international law regulation]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2019. No. 1. P. 22-30. (In Russ.)
16. Sultan A. *Universalizing Nuclear Nonproliferation Norms*. Cham: Palgrave Pivot. 2019. 169 p. DOI: 10.1007/978-3-030-01334-9
17. Umbrello S., Torres P., De Bellis A.F. The future of war: could lethal autonomous weapons make conflict more ethical?. – *AI & Society*. 2020. Vol. 35. Issue 1. P. 273-282. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-019-00879-x>
18. Wood N.G. The Problem with Killer Robots. – *Journal of Military Ethics*. 2020. Vol. 19. Issue 3. P. 220-240. DOI: <https://doi.org/10.1080/15027570.2020.1849966>
19. Wyatt A. Charting great power progress toward a lethal autonomous weapon system demonstration point. – *Defence Studies*. 2020. Vol. 20. Issue 1. P. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/14702436.2019.1698956>
20. Yihdego Z.W. The Role of Security Council Arms Embargoes in Stemming Destabilizing Transfers of Small Arms and Light Weapons (SALW): Recent Developments and Challenges. – *Netherlands International Law Review*. 2007. Vol. 54. Issue 1. P. 115-132. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0165070X07001155>

About the Authors

Dmitry V. Ivanov,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Anastasia M. Korzhenyak,

Student at the Master Program "International Economic Law", Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Иванов,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Анастасия Михайловна Корженяк,

студент магистерской программы «Международное экономическое право», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

mihkor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7162-2785

Ekaterina S. Lapikhina,

Counselor at the Legal Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskaya-Sennaya ploshchad', Moscow, Russian Federation, 119200

I_katherine@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9250-7455

Екатерина Сергеевна Лапихина,

советник Правового департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации

119200, Российская Федерация, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34

I_katherine@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9250-7455

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-20-30>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 20.02.2021
Принята к публикации: 10.08.2021

Рафал ЧАХОР

Краковская Академия им. А. Фрича Моджевского
Г. Герлинга-Грудзинского ул., д. 1, Краков, 30-705, Польша
rczachor@afm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-5929-9719

АКТУАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ПОСТОЯННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. *Постоянный нейтралитет государства является институтом международного права, в состав которого входят нормы обычного и договорного права. В то же время часто понятие «нейтральность» используется как определение типа внешней политики, которая регулируется исключительно внутригосударственными правовыми актами и не относится к сфере международного права. Динамическое развитие международных отношений, наращивание сотрудничества в рамках интеграционных структур и правовое регулирование международной безопасности способствуют постановке вопроса о нынешнем состоянии и будущем института постоянного нейтралитета государства. Цель данной статьи – определить международно-правовой характер института постоянного нейтралитета, рассмотреть его современное содержание, возможности сохранения и потенциальную роль в развитии международных отношений. Автор статьи оспаривает некоторые мнения доктрины, уделяя особое внимание вопросу постоянного нейтралитета Туркменистана.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Материалом для статьи послужили международно-правовые акты, обзор практики приобретения и соблюдения постоянного нейтралитета, а также труды ученых, касающиеся данной проблематики. Используются исторический, сравнительно-правовой и различные методы интерпретации.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В статье определяются юридический характер постоянного нейтралитета и отличительные черты политики нейтралитета. Далее кратко представлен процесс эволюции данного института и аргументы в пользу тезиса о его «устаревании». Анализ прав и обязательств, связанных с постоянным нейтралитетом, и их сопоставление с нормами Устава ООН позволяют сделать вывод о необходимости наполнить новым содержанием институт постоянного нейтралитета государства.*

На примере Туркменистана указаны возможные способы приобретения статуса постоянно нейтральной страны: признание международными организациями, главным образом ООН, и уже существование «мягкого» права (резолюций Генеральной ассамблеи ООН). В заключение предлагаются новые задачи и функции стран, обладающих таким международно-правовым статусом.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Запрет использования силы в международных отношениях и принятие Устава ООН ставят под сомнение смысл дальнейшего функционирования постоянного нейтралитета как института международного права. Основной целью постоянного нейтралитета является защита суверенитета постоянно нейтрального государства, что на современном этапе развития международного публичного права регулируется нормами *iuris cogentis*. Неко-*

торые представители доктрины посчитали это поводом для утверждений об «устаревании» данного института. Несмотря на это, после окончания холодной войны интерес к нейтралитету (как к международно-правовой, так и к политической категории) проявляли такие страны, как Беларусь, Молдова, Туркменистан, Сербия.

На современном этапе постоянный нейтралитет остается институтом международного права, нет доказательств того, что этот факт отрицается субъектами международного права. Характер этого института определяется как договорным, так и обычным правом на основании казуса Швейцарии. Для приобретения статуса постоянно нейтральной страны необходимо признание со стороны других государств. Случай Туркменистана может открыть новый путь приобретения данного статуса – вследствие признания международной организацией. Таким

образом, постоянный нейтралитет сохраняет ценность для международного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, международная безопасность, постоянный нейтралитет, постоянный нейтралитет Швейцарии, постоянный нейтралитет Австрии, постоянный нейтралитет Туркменистана, Устав ООН

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чахор Р. 2021. Актуальность института постоянного нейтралитета государства в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-20-30>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-20-30>

Rafal CZACHOR

Andrzej Frycz Modrzewski Cracow Academy
1, ul. G. Herlinga-Grudzińskiego, Kraków, Poland, 30-705
rczachor@afm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-5929-9719

Research article
Received 20 February 2021
Approved 10 August 2021

THE ACTUALITY OF THE PERMANENT NEUTRALITY OF A STATE IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *The permanent neutrality of a state is an institution of public international law that embraces both treaty and customary norms. Despite its legal character, the term 'neutrality' is also employed in a political context as a kind of foreign policy of a country. Recent developments in international relations, incremental cooperation within integrational structures raise a question about the current state and future perspectives of the permanent neutrality of a state. The goal of the following paper is to discuss contemporary legal status, the content and the possible future role of the*

permanent neutrality of a state under international law. The author critically discusses different opinions already presented in the doctrine, especially in regard to the case of Turkmenistan.

MATERIALS AND METHODS. *The paper analyzes international legal acts, the customary law of permanent neutrality, including the acquisition of this status, duties and rights as well as the doctrine – works of prominent legal scholars. The research was conducted upon general scientific methods, including comparative and formal-legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *The paper tackles the issue of the legal character of the permanent neutrality of a state and its distinctive features from the policy of neutrality. Subsequently, it discusses the problem of the evolution of permanent neutrality and provides arguments in favour of the thesis of its 'obsolete' nature. The analysis of the rights and obligations that stem from the permanent neutrality and their compatibility with the UN Charter's norms brought the author to the conclusion regarding the necessity of a revival of the permanent neutrality. According to the case of Turkmenistan, the paper discusses the possible evolution of the acquisition of the status of the permanent neutral state. This could be possible through recognition by the international organization and, subsequently, hardening the soft law (the resolutions of the UN General Assembly). Finally, it presents possible salient tasks of the permanent neutral countries regarding the international society.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The prohibition of the use of force in international relations and the adoption of the UN Charter have raised a question regarding the prospects of permanent neutrality as an institution of public international law. The fundamental aim of this institution is to protect the sovereignty of the permanent neutral state, which currently is regulated by iuris cogentis norms. Thus, some scholars have argued that permanent neutrality is 'obsolete' and should disappear from international relations and particularly from*

international law. Despite that, only after the end of the 'cold war' growing interest to the permanent neutrality was expressed by such nations, like Belarus, Moldova, and Serbia. To conclude, permanent neutrality is still present in public international law, there are no pieces of evidence of neglecting this status by the states. Its specificity is determined by treaty laws and customary laws related to the Swiss case. The permanent neutrality possesses a constitutive character that should be confirmed by other countries. The case of Turkmenistan may open a new possibility of obtaining this status through recognition by the international organization. In general, permanent neutrality keeps important for the stability and predictability of international relations.

KEYWORDS: *international law, international security, permanent neutrality, permanent neutrality of Switzerland, permanent neutrality of Austria, permanent neutrality of Turkmenistan, UN Charter*

FOR CITATION: Czachor R. The Actuality of the Permanent Neutrality of a State in Contemporary International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-20-30>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Современный институт постоянного нейтралитета государства возник в XIX в. и определил международно-правовой статус Швейцарии, затем – Бельгии и Люксембурга. Во второй половине XX в. вследствие тогдашней геополитической ситуации его приобрели Австрия и Лаос. После окончания холодной войны вопросы постоянного нейтралитета государства иногда обсуждаются политиками и юристами-международниками, вырабатывающими новые концепции внешней политики отдельных стран. Обзор имеющихся в этой области публикаций позволяет сделать вывод, что в доктрине существуют терминологическая путаница, смешение юридических и политологических понятий, неоднозначное толкование норм, регулирующих институт постоянного нейтралитета государства, и, вследствие этого, его роль в современных международных отношениях трактуется не совсем корректно.

2. Понятие постоянного нейтралитета государства

Категория постоянного нейтралитета государства используется в юридических и политических науках, а также в публицистике. Однако при общей схожести, в каждом из указанных дискурсов это понятие имеет особый характер. Термин «нейтралитет», употребляемый в политологической литературе и публицистике в контексте внешнеполитической деятельности стран, приводит к понятийному разногласию, что затемняет юридический характер данной категории. В международном праве постоянный нейтралитет, наряду с другим видом нейтралитета – военным, является институтом права, т. е. регулируется комплексом норм обычного и договорного права. Односторонние декларации государств либо концепции внешней политики, ситуативно использующие понятие нейтралитета, не имеют международно-правовой силы. На современном этапе развития международ-

ного права институт постоянного нейтралитета государства имеет конститутивный характер, т. е. для его приобретения необходимо признание как минимум одного государства.

В связи с этим в сферу интересов международного права не входит политика нейтралитета. Таким образом, нельзя согласиться с Б.В. Ганюшкиным, выделившим следующие юридические виды нейтралитета: нейтралитет во время войны, постоянный нейтралитет и политику нейтралитета, т. к. последняя категория не является юридической [Ганюшкин 1958:13]. Если речь идет о правовом институте постоянного нейтралитета, то также нельзя согласиться с мнением, что он основан «не только на международном праве, но и на национальном законодательстве ряда государств, в том числе на их конституциях» [Чуприс, Смирнова 2017:110]. Нет доказательств существования такой практики, главным образом в силу того, что внутригосударственные правовые акты не являются источником международного права. Таким образом, количество современных постоянно нейтральных и признанных международным сообществом государств весьма ограниченное – Швейцария, Австрия, Камбоджа. Отдельного внимания заслуживает вопрос постоянного нейтралитета Туркменистана, международно-правовой статус которого, в отличие от указанных стран, не регулируется договорами.

3. История постоянного нейтралитета государства

Хотя нейтралитет, главным образом, как политическая категория, известен еще со времен античности и средневековья, в XIX в. он стал институтом международного права, т. е. комплексом норм, и функционирует в двух видах: военный и постоянный. Традиционно нейтралитет государства рассматривался в тесной связи с вооруженным конфликтом, по отношению к которому третье государство могло остаться нейтральным (т. е. не участвовать в нем) либо в любой момент вступить в конфликт, присоединившись к одной из сторон (т. е. покинуть нейтральность). До XIX в. нейтралитет регулировался международным обычным правом [Wani 2017:15]. В 1815 г., в ходе Венского конгресса, статус постоянно нейтральной страны получила Швейцария. До Венского конгресса она проводила политику нейтралитета, принципы которой стали основой для кодификации обязанностей этого государства. В 1815 г.

Швейцария обязалась соблюдать нормы, связанные с военным нейтралитетом, в мирное время и не предпринимать действий, которые могли бы привести к войне. Такие же обязательства по отношению к Швейцарии взяли на себя страны, признавшие этот статус (в их числе Франция, Великобритания, Пруссия, Россия). Вследствие заключения международных договоров в XIX–начале XX в. статус постоянно нейтральных стран получили Бельгия, Люксембург, Гондурас. Таким образом, с XIX в. постоянный нейтралитет государства стал также регулироваться нормами договорного права [Тиунов 1968:9–14]. Следует отметить, что страны, ставшие постоянно нейтральными, рассматривались как слабые в военном и политическом плане, для которых данный международно-правовой статус был результатом решения держав, разграничивающих свои зоны геополитического влияния и создающих буферные территории [Czachor 2021:50]. Неслучайно Б.Э. Нольде в начале XX в. связывал нейтралитет главным образом с территориальной целостностью страны [Нольде 1901].

Период от 1815 г. до Первой мировой войны можно рассматривать в качестве «золотого века» института постоянного нейтралитета. Его развитие принесло расширение перечня прав и обязанностей как нейтрального государства, так и стран, этот статус признающих. С XIX в. к обязанностям нейтрального государства относятся не только воздержание от участия в каких-либо вооруженных конфликтах, которые могли бы возникнуть в будущем, но также обязательства, распространяющиеся на мирное время, например, неподготовка к войне и участие в ней. Часть договоров, устанавливающих постоянный нейтралитет, содержала гарантии его соблюдения. Стороны договоров, признающие статус постоянного нейтралитета, обязывались к защите данного статуса от угрозы агрессии со стороны третьих государств (например, в случае нарушения постоянного нейтралитета Швейцарии). Таким образом, к фактическому соблюдению постоянного нейтралитета данного государства обязывались государства, не являющиеся стороной договора.

Принятые в 1907 г. Гаагские конвенции подтвердили принципы ведения войн, имевшие раньше характер обычного права. Статус нейтральных стран во время вооруженных конфликтов был урегулирован V и XIII Конвенциями, однако юристы их содержание оценивали как недостаточное, «пропитанное духом XIX века». [Abbenhuis 2011:52; Spring 2014:21].

В ходе Первой и Второй мировых войн постоянный нейтралитет государства нарушался как Германией, так и антигитлеровской коалицией, что снизило доверие к этому институту международного права. Уставом ООН не урегулирован постоянный нейтралитет государства, не определены условия, которые государства, обладающие таким статусом, должны выполнять. По замыслу авторов Устава ООН всеобщий механизм обеспечения мира в рамках ООН не предусматривает возможности оставаться нейтральным [Komarnicki 1952:77–91]. В связи с этим некоторые участники дискуссии о доктрине высказывали мнение об «устаревании» понятия постоянного нейтралитета и его скором исчезновении как из международного права, так и из практики международных отношений [Fenwick 1969:101].

Данный тезис обосновывается Следующим образом. С одной стороны, Устав ООН согласно ст. 2 п. 6 имеет юридическую силу для всех стран мира, в т. ч. тех, которые не являются членами ООН (принцип международного обычного права). Кроме того, ст. 2 п. 4 Устава ООН запрещает использование силы в международных отношениях, т. е. делает войну незаконной (за исключением самозащиты). Таким образом, основная историческая цель постоянного нейтралитета – обеспечение невовлечения нейтрального государства в вооруженный конфликт – достигается на основании основного документа ООН. С другой стороны, в случае войны ответственность за ее прекращение и введение санкций против агрессора несет Совет Безопасности ООН. Его решениям, в т. ч. по введению экономических и военных санкций, подчиняются все государства, независимо от наличия статуса постоянно нейтрального.

В международно-правовой доктрине имели место дискуссии о совместимости статуса постоянно нейтрального государства с членством в международных организациях. Долгое время в швейцарской доктрине преобладало отрицательное мнение на этот счет. Оно изменилось только после окончания холодной войны, что можно рассматривать как проявление глобализации (в т. ч. глобальной борьбы с терроризмом после событий 2001 г. в США). Австрийские юристы с момента возобновления суверенитета Австрии придерживались другого мнения. ООН, прини-

мая Австрию в свои ряды в 1955 г., также не отметила правовой коллизии в данной области. Можно сказать, что произошла не адаптация самой сути постоянного нейтралитета как института международного права, а только доктринальная интерпретация возможности его сохранения в партикулярных (конкретных) обстоятельствах [Zemanek 1961:409].

Соблюдение обязательств постоянно нейтрального государства в условиях членства в ООН и ЕС возможно лишь при условии, что интеграционные структуры, проводя политику санкций, не будут обязывать своих постоянно нейтральных членов к действиям, противоречащим данному статусу (к примеру, Совбез ООН к участию в военных санкциях не привлекает вооруженные силы Швейцарии).

Некоторые юристы-международники указывают на несовместимость института постоянного нейтралитета с современным правом, т. к. сохранение нейтралитета становится невозможным, когда «мировое сообщество объединяется против агрессора» [Schindler 1998:162]. Необоснованность такого рода мнения об «устаревании» понятия и феномена постоянного нейтралитета подтвердила Комиссия ООН по международному праву, которая высказалась в пользу принципа нейтралитета. Было отмечено, что цели постоянного нейтралитета вписываются в цели Устава ООН. Также Международный суд в консультативном заключении о законности угрозы ядерным оружием или его применения определил, что принцип нейтралитета имеет кардинальное значение, аналогичное тому, которое принадлежит иным гуманитарным принципам и нормам¹. Таким образом, уважение постоянного нейтралитета государства другими странами является выполнением обязательств, накладываемых Уставом ООН. На текущем этапе развития международного права скорее можно говорить об эволюции содержания института постоянного нейтралитета, чем о его исчезновении.

4. Содержание института постоянного нейтралитета государства

Из международно-правовой практики следует, что для приобретения статуса постоянно нейтрального государства необходимо признание

1 Лукашук И.И. *Международное право. Особенная часть*: учебник. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер. 2005. С.358.

этого статуса другими странами. Таким образом, как институт права постоянная нейтральность государства обладает конститутивным характером. До сих пор нет доказательств приобретения такого статуса вследствие одностороннего акта государства. К примеру, в 1984 г. Коста-Рика внутригосударственным актом объявила постоянный нейтралитет, но официально он не был признан ни одной страной. Принципы признания постоянного нейтралитета схожи с принципами признания международно-правовой субъектности. В данной сфере не существуют норм, обязывающих страны к определенным действиям. Признание постоянного нейтралитета со стороны других государств является их добровольным решением. До сих пор статус постоянно нейтральных отдельные страны приобретали вследствие:

- многосторонних актов признания, т. е. договоров стран, заинтересованных в существовании страны, обладающей таким статусом (случай Швейцарии и Камбоджи);
- в ходе односторонних актов признания, которые следуют за внутренним актом государства, заинтересованного в получении данного статуса (случай Австрии).

Таким образом, на основании международных договоров признанными постоянно нейтральными государствами сегодня являются Швейцария, Австрия, Камбоджа. К числу постоянно нейтральных не относятся страны, проводящие политику нейтралитета (Финляндия, Швеция, Ирландия) и страны, только декларирующие стремление к ней (Беларусь). Данная политика не влечет никаких последствий с точки зрения международного права. Можно согласиться с мнением, что в некоторых странах нейтралитет использовался в качестве идеи, определяющей характер их внешней политики [Улахович 2008:186].

В случае Швейцарии и Камбоджи признание постоянного нейтралитета состоялось в ходе международных конференций и многосторонних договоров. В случае Австрии признание состоялось в режиме обмена дипломатическими нотами с почти всеми существующими в 1955 г. странами мира. Данные документы содержат общие элементы, которые, учитывая их определяющее значение, можно взять за основу института постоянного нейтралитета, и факультативные нормы, дополняющие ее. Нормы договоров подкрепляются еще и международным обычным правом, работающим, в частности, в сфере со-

временных вызовов и угроз международной безопасности: «приватизация» вооруженных конфликтов, кибербезопасность, международный терроризм, т. е. вопросы, не урегулированные договорами, устанавливающими постоянный нейтралитет.

Анализ норм, составляющих основной перечень обязательств постоянно нейтрального государства, позволил установить, что к ним относятся:

- запрет на участие в международных вооруженных конфликтах, в т.ч. запрет на оказание военной, экономической, финансовой поддержки воюющим;
- запрет на участие в военных союзах и альянсах;
- запрет на размещение на своей территории военных баз и технических установок третьих стран;
- эффективная защита суверенитета и статуса постоянного нейтрального государства;
- ведение политики добрососедства, т. е. не провоцирование международной напряженности.

В отдельных случаях к этим обязательствам добавлялись дополнительные нормы: например, запрет на строительство крепостей (Люксембург), обязанность докладывать о состоянии государственной политики (Камбоджа).

Ни один из актов, устанавливающих постоянный нейтралитет, не содержит перечня причин прекращения его действия. Однако можно принять, что, в зависимости от способа установления данного статуса, его потеря может быть результатом:

- выхода из договора, устанавливающего либо подтверждающего постоянный нейтралитет, особенно в случае войны либо невыполнения обязательств сторонами;
- *desuetudo* – прекращения существования нормы обычного права относительно постоянного нейтралитета;
- прекращения международно-правовой субъектности постоянно нейтрального государства.

Необходимо отметить внедоговорный способ потери постоянного нейтралитета – *per facta concludientia*, т. е. регулярное невыполнение страной, обладающей данным статусом, возложенных на нее обязательств [Czachor 2021:214–221].

К числу обязательств стран, признающих статус постоянно нейтрального государства, относятся:

- уважение его суверенитета и территориальной целостности;
- невовлечение его в международные вооруженные конфликты;
- невмешательство во внутренние дела данного государства.

Нужно подчеркнуть, что постоянно нейтральное государство сохраняет все права, связанные с международно-правовой субъектностью, согласно ст. 2 Устава ООН, устанавливающей суверенное равенство всех стран, и Декларации о принципах международного права 1970 г. Сущность прав постоянно нейтрального государства состоит в этом специфическом статусе: равенстве по отношению к другим странам и одновременно в формальном ограничении в области внешней политики, целью которого является обеспечение собственной безопасности и международной стабильности.

Очевидно, что обязательства, связанные с постоянным нейтралитетом, не отличаются от обязательств, содержащихся в Уставе ООН и имеющих характер *iuris cogens*. Таким образом, принятие Устава ООН дало аргумент для тех, кто говорил об «устаревании» и «избыточности» института постоянного нейтралитета в современном международном праве. Следуя этой логике, можно признать, что все страны мира являются нейтральными, пока они выполняют нормы Устава ООН и не входят в военные блоки. Такое мнение основано на том, что согласно Уставу ООН все страны обязаны:

- соблюдать суверенитет и территориальную целостность других стран;
- не предпринимать военных действий и не угрожать применением силы по отношению к другим странам;
- не вовлекать другие страны в вооруженные конфликты.

Несмотря на это, институт постоянного нейтралитета не исчез из международной практики. Наоборот, за последние 30 лет интерес к

нему проявляли власти таких государств, как Молдова, Руанда, Монголия, Сербия. Более того, нет доказательств, что какое-либо государство отрицает существование данного института. Также ООН никогда не предпринимала действий, противоречащих постоянному нейтралитету его членов. Еще в конце 40– начале 50-х гг. в доктрине не было однозначного мнения по поводу возможного включения постоянно нейтрального государства в состав ООН [Коек 1973:137]. Предполагалось, что институт нейтралитета не совместим с аксиологическими установками ООН так же, как и с обязательствами стран – членов Совета Безопасности ООН. Однако в 1955 г. ряды ООН пополнила постоянно нейтральная Австрия, в 2002 г. – Швейцария. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 50/80 от 12 декабря 1995 г.², касающейся Туркменистана, высказывается убеждение, что наличие статуса постоянно нейтрального государства не противоречит выполнению обязательств члена ООН и сам институт постоянного нейтралитета соответствует общим целям Устава ООН.

5. Случай Туркменистана – к новому юридическому характеру института постоянного нейтралитета государства?

Отдельного внимания заслуживает случай Туркменистана, который объявил постоянный нейтралитет актами внутреннего права и был признан двумя резолюциями ГА ООН. Его статус постоянно нейтрального государства установлен Конституцией Туркменистана³, конституционным законом N99-1⁴ и подтвержден резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 50/80 от 12 декабря 1995 г., призывающей членов Организации к уважению и поддержке нейтралитета Туркменистана⁵. Повторная резолюция ГА ООН, поддерживающая постоянный нейтралитет Туркменистана, была принята в 2015 г.⁶. Однако необходимо подчеркнуть, что согласно Уставу ООН резолюции

² ООН: Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 50/80 от 12 декабря 1995 г. «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80> (дата обращения: 15.02.2021).

³ Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г. Доступ: <https://www.customs.gov.tm/ru/laws/konstitutsiya-turkmenistana> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ Конституционный закон Туркменистана от 27 декабря 1995 г. № 99-1. Доступ: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2375 (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ ООН: Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 50/80 от 12 декабря 1995 г. «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/50/80> (дата обращения: 15.02.2021).

⁶ ООН: Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 69/285 от 25 июня 2015 г. «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/285> (дата обращения: 15.02.2021).

Генеральной ассамблеи ООН не являются источником права. Таким образом, ошибочно мнение, что «резолюция стала юридическим оформлением внешнеполитического курса Туркменистана» [Мирзеханов, Тюльпаков 2018:20].

Данные резолюции призывают, но не обязывают членов ООН к уважению и поддержанию постоянного нейтралитета Туркменистана. Непосредственно ни одно государство не признало в одностороннем порядке данный статус, не гарантировало его соблюдение. Конституционная норма Туркменистана, согласно которой Президент Республики является гарантом постоянного нейтралитета (ст. 50), не имеет международно-правовой силы. Не орган государственной власти, а только другая страна может выступать гарантом этого статуса.

В туркменской правовой науке принято мнение об особенном характере нейтралитета Туркменистана. Утверждается, что сам факт принятия действий, направленных на получение статуса постоянно нейтрального государства, является исключительно значимым событием для обеспечения национальной безопасности и ценностью, на которой строится идентичность современного Туркменистана [Кепбанов 1998:35]. Подчеркиваются уникальные обстоятельства приобретения данного статуса и важность его признания международными организациями (ООН, Движение неприсоединения, Организация экономического сотрудничества); «позитивный» характер постоянно нейтрального государства, т. е. «активная, конструктивная позиция в международных делах, использование политических возможностей в целях ненасильственного разрешения противоречий и конфликтов между государствами, установления более гуманного и созидательного порядка в международных отношениях» [Агамамедова 2003:47]. Указывается на существование гарантий нейтрального статуса, которые состоят «в соблюдении всеми членами ООН своих обязательств по отношению к Туркменистану, в единстве их действий по сохранению и упрочению его нейтрального статуса» [Агамамедова 2003:47].

С таким мнением нельзя согласиться, потому что нет международно-правового акта, который бы определял, какие обязательства по отношению к постоянно нейтральному Туркменистану име-

ют другие страны. В юридическом плане Туркменистан не отличается от других стран, поскольку указанные выше резолюции ГА ООН 1995 и 2005 гг. не определили никаких действий, которые должны были быть предприняты для поддержки постоянного нейтралитета среднеазиатской республики. Как верно отмечал А.В. Кондаков, нет никаких взаимных обязанностей Туркменистана и ООН. Члены ООН самостоятельно решают, уважать ли статус постоянного нейтралитета Туркменистана, поддерживать его или нет [Кондаков 2001:65]. Туркменистан вправе отменить установленный им статус в любое время без предварительного согласия членов ООН.

Независимо от перечисленных выше замечаний, признание постоянного нейтралитета Туркменистана резолюциями ГА ООН имеет важное значение для развития этого института международного права. Утверждение о качественно новой формуле нейтралитета, которая гарантируется всем международным сообществом, не является беспочвенным, если посмотреть на данную ситуацию в перспективе перехода от «мягкого» к «твердому» международному праву (*from soft to hard law*). Не исключено, что Туркменистан укрепит свой статус в ходе «ужесточения права». Под термином «ужесточение права» надо понимать трансформацию норм «мягкого» права, к которым принадлежат резолюции ГА ООН, в диспозитивные нормы как договорного, так и обычного международного права. «Ужесточение права» может произойти двумя путями: во-первых, за счет трансформации целых актов «мягкого» права в акты, обладающие обязательной юридической силой; во-вторых, оно может коснуться отдельных норм, которые включаются в существующие нормативные акты, либо приобретают характер норм обычного права.

Стоит отметить обстоятельства принятия резолюций ГА ООН 50/80 и 69/285, касающихся постоянного нейтралитета Туркменистана. Их инициировал широкий круг стран, в т. ч. постоянные члены Совета Безопасности ООН – Франция и Китай. Принятие этих резолюций ГА ООН произошло без голосования, в результате консенсуса. Такой способ принятия решений не имеет точной дефиниции, но его следует понимать как «отсутствие сопротивления»⁷. Это означает,

⁷ UN: Note to the President of the General Assembly regarding voting procedures on a resolution related to the equitable representation on and increase in the membership of the Security Council, URL: https://legal.un.org/unjuridicalyearbook/pdfs/english/by_chapter/chpVI/2005/chpVI.pdf (accessed: 15.02.2021)

что ни один из членов ООН не объявил себя в качестве «настойчиво возражающего» (*persistent objector*), который препятствовал бы возникновению нормы обычного права, касающейся постоянного нейтралитета Туркменистана.

Продолжительная и последовательная практика властей Туркменистана в области международных отношений и отношение к ней других государств могут послужить аргументом в пользу тезиса о возникновении нормы обычного права о постоянном нейтралитете этой страны. Это был бы первый случай приобретения такого статуса внедоговорным путем. Однако доказать, что такая норма состоялась, может быть затруднительно. Причиной этого является схожесть обязательств, предусмотренных Уставом ООН по отношению ко всем другим странам, и обязательств по отношению к нейтральной стране со стороны субъектов, нейтральность признающих. Уважение суверенитета и территориальной целостности Туркменистана может вытекать исключительно из норм *iuris cogentis*, при этом не относится к признанию и соблюдению нейтрального статуса.

6. Перспективы института постоянного нейтралитета государства

В связи с тем, что на данном этапе развития международного права соблюдение постоянного нейтралитета стран, обладающими таким статусом, по сути является выполнением обязательств Устава ООН, перед институтом постоянного нейтралитета открываются новые возможности, и он может приобрести новые черты.

В современном мире постоянно нейтральные государства могут играть важную роль в мирном регулировании конфликтов и в создании атмосферы международного доверия. Намечается тенденция к участию стран, обладающих таким статусом, в международной деятельности в сфере гуманитарной помощи и защиты прав человека. Практикой стало размещение на территории постоянно нейтральных государств штаб-квартир международных организаций. Например, в Вене находятся офисы IAEA, UNIDO, секретариат ОБСЕ, в Женеве – европейская штаб-квартира ООН. Вооруженные силы Австрии участвовали в операциях ООН, в частности, в Ливане (UNFIL), на Кипре (UNFICYP), в Западной Са-

харе (NINURSO), в операциях Европейского Союза в Конго (EUSEC) и НАТО в Косово (KFOR). Швейцария до 2015 г. представляла интересы США на Кубе и Кубы в США, интересы Ирана в Египте и в Саудовской Аравии, интересы Ирана в Гане. Это позволяет надеяться, что постоянно нейтральные страны будут способствовать налаживанию мира, выступать в качестве медиатора, оказывать гуманитарную помощь. Развитие такого рода деятельности постоянно нейтральных стран превратило бы исторически укоренившийся пассивный нейтралитет, ставящий в центре внимания избежание участия в вооруженных конфликтах, в нейтралитет активный, т. е. связанный с действиями в области стабилизации международной безопасности и регулирования конфликтов.

Вызовом для постоянного нейтралитета, как и для международного права в целом, является глобализация, особенно такие ее проявления, как охватывающий весь мир научно-технический прогресс – детерриториализация и возникновение новых угроз для международной безопасности. Интеграционные процессы и усиление роли негосударственных субъектов (глобальных корпораций) размывают национальный суверенитет и ограничивают возможность самостоятельного формирования внешней политики стран, обладающих статусом постоянно нейтральных. Данные вопросы регулируются обычным правом, главным образом, на основании практики Швейцарии, в частности, в сфере торговли оружием и современными военными технологиями [Spring 2014]. На современном переломном этапе развития института постоянного нейтралитета для его сохранения важно, чтобы данная практика оставалась общепризнанной и сопровождалась *opinio iuris*. Актуальность сохраняет сформулированный Питером ДеСтефано в 1977 г. тезис, что международное право находится в процессе *in transitu*, т. е. в состоянии перехода от примитивного к продвинутому как в структурном, так и в нравственном плане [DeStefano 1977:17]. Таким образом, постоянный нейтралитет не исчез из международной практики, хотя его содержание и сущность постепенно приобретают политический, а не юридический характер. Его укрепление и обновление может внести положительный вклад в развитие мирных международных отношений.

Список литературы

1. Агамамедова З. 2003. Нейтралитет Туркменистана. – *Международные процессы*. № 3. С. 121–130.
2. Ганюшкин В.Б. 1958. *Современный нейтралитет (Политика нейтралитета и постоянный нейтралитет в условиях борьбы за мир)*. М.: Издательство Института международных отношений. 164 с.
3. Кепбанов Е.А. 1998. Статус Туркменистана как постоянно нейтрального государства. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 35–47.
4. Кондаков А.В. 2001. К вопросу о гарантиях постоянно нейтралитета Туркменистана. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 58–66.
5. Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В. 2018. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал*. №3. С. 19–28.
6. Нольде Б.Э. 1901. *Постоянно нейтральное государство*. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 618 с.
7. Тиунов О.И. 1968. *Нейтралитет в международном праве*. Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 158 с.
8. Улахович В.Е. 2008. Доктрина нейтралитета в интерпретации постсоветских стран. – *Российская политика соседства. Сборник докладов международной конференции (Москва, 12-13 октября, 2007)*. М.: Российская академия наук. С. 171–198.
9. Чуприс О.И., Смирнова Е.С. 2017. Нейтралитет Республики Беларусь как юридическая норма. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-107-115>
10. Abbenhuis M.M. 2011 'Too Good to Be True?' European Hopes for Neutrality Before 1914. – *Small Powers in the Age of Total War, 1900-1940*. Ed by H. Amersfoort, W. Klinkert. Leiden; Boston: Brill. P. 27–55.
11. Czachor R. 2021. *Stała neutralność państwa w prawie międzynarodowym publicznym*. Wrocław: Instytut Profesjonalnego Rozwoju. 288 s.
12. DeStefano P.L. 1977. The Emerging Moral Framework of International Law. – *Fordham International Law Journal*. Vol. 1. Issue 1. P. 1–20.
13. Fenwick C.G. 1969. Is Neutrality Still a Term of Present Law? – *American Journal of International Law*. Vol. 63. Issue. 1. P. 100–102. DOI: 10.2307/2197195.
14. Koeck H.F. 1973. A Permanently Neutral State in the Security Council. – *Cornell International Law Journal*. Vol. 6. Issue 2. P. 137–162.
15. Komarnicki T. 1952. The Problem of Neutrality under the United Nations Charter. – *Transactions of the Grotius Society*. Vol. 38. C. 77–91.
16. Schindler D. 1998. Neutrality and Morality: Developments in Switzerland and in the International Community. – *American University International Law Review*. Vol. 14. Issue 1. P. 155–170.
17. Spring A. 2014. *The International Law Concept of Neutrality on the 21st Century. An Analysis of Contemporary Neutrality with a Focus on Switzerland*, Zürich: Dicke. 294 p.
18. Wani K. 2017. *Neutrality in International Law. From the Sixteenth Century to 1945*. New York: Routledge. 206 p.
19. Zemanek K. 1961. Neutral Austria in the United Nations. – *International Organizations*. Vol. 15. Issue 3. P. 408–422.

References

1. Abbenhuis M.M. 'Too Good to Be True?' European Hopes for Neutrality Before 1914. – *Small Powers in the Age of Total War, 1900-1940*. Ed by H. Amersfoort, W. Klinkert. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 27–55.
2. Agamamedova Z. Neitralitet Turkmenistana [Turkmenistan's neutrality]. – *Mezhdunarodnye protsessy*. 2003. No. 3. P. 121–130. (In Russ.)
3. Chupris O.I., Smirnova E.S. Neitralitet Respubliki Belarus' kak yuridicheskaya norma [The Neutrality of the Republic of Belarus as Legal Provision]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 107–115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-107-115>
4. Czachor R.. *Stała neutralność państwa w prawie międzynarodowym publicznym*. Wrocław: Instytut Profesjonalnego Rozwoju. 2021. 288 p.
5. DeStefano P.L. The Emerging Moral Framework of International Law. – *Fordham International Law Journal*. 1977. Vol. 1. Issue 1. P. 1–20.
6. Fenwick C.G. Is Neutrality Still a Term of Present Law? – *American Journal of International Law*. 1969. Vol. 63. Issue. 1. P. 100–102. DOI: 10.2307/2197195.
7. Ganyushkin V.B. *Sovremennyy neitralitet: (Politika neitraliteta i postoyannyy neitralitet v usloviyakh bor'by za mir)* [Modern Neutrality (Policy of neutrality and permanent neutrality in the struggle for peace)]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii Publ. 1958. 164 p. (In Russ.)
8. Kepbanov E.A. Status Turkmenistana kak postoyanno neitral'nogo gosudarstva [The status of Turkmenistan as a permanent neutral country]. – *Moscow Journal of International Law*. 1998. No. 4. P. 35–47. (In Russ.)
9. Koeck H.F. A Permanently Neutral State in the Security Council. – *Cornell International Law Journal*. 1973. Vol. 6. Issue 2. P. 137–162.
10. Komarnicki T. The Problem of Neutrality under the United Nations Charter. – *Transactions of the Grotius Society*. 1952. Vol. 38. C. 77–91.
11. Kondakov A.V. K voprosu o garantiyakh postoyannogo neitraliteta Turkmenistana [To the question of the guarantees of Turkmenistan's permanent neutrality]. – *Moscow Journal of International Law*. 2001. No. 3. P. 58–66. (In Russ.)
12. Mirzekhanov V.S., Tyul'pakov M.V. 2018. Doktrina pozitivnogo neitraliteta i vneshnepoliticheskie prioritety post-sovetskoi Turkmenii [The doctrine of positive neutrality and foreign policy priorities of Turkmenistan]. – *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal*. 2018. No.3. P. 19–28. (In Russ.)
13. Nol'de B.E. *Postoyanno neitral'noe gosudarstvo* [Constantly Neutral State]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Publ. 1901. 618 p. (In Russ.)
14. Schindler D. Neutrality and Morality: Developments in Switzerland and in the International Community. – *American University International Law Review*. 1998. Vol. 14. Issue 1. P. 155–170.
15. Spring A. *The International Law Concept of Neutrality on the 21st Century. An Analysis of Contemporary Neutrality with a Focus on Switzerland*, Zürich: Dicke. 2014. 294 p.
16. Tiunov O.I. *Neitralitet v mezhdunarodnom prave* [Neutrality in international law]. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta Publ. 1968. 158 p. (In Russ.)

17. Ulakhovich V.E. Doktrina neitraliteta v interpretatsii post-sovetskikh stran [The doctrine of permanent neutrality in the interpretation of post-Soviet states]. – *Rossiiskaya politika sosedstva. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 12-13 oktyabrya, 2007)* [The Russian neighbourhood policy. A collection of papers of the international scientific conference (Moscow, October 12-13, 2007)]. Moscow: Rossiiskaya akademiya nauk Publ..2008. P. 171–198. (In Russ.)
18. Wani K. *Neutrality in International Law. From the Sixteenth Century to 1945*. New York: Routledge. 2017. 206 p.
19. Zemanek K. Neutral Austria in the United Nations. – *International Organizations*. 1961. Vol. 15. Issue 3. P. 408–422.

Информация об авторе
Рафал Чахор,

профессор факультета права, управления и международных отношений, Краковская академия им. А. Фрича Моджевского

30-705, Польша, Краков, ул. Г. Герлинга-Грудзинского, д.1

rczachor@afm.edu.pl

ORCID: 0000-0002-5929-9719

About the Author**Rafal Czachor,**

Professor at the Faculty of Law, Administration and International Relations, Andrzej Frycz Modrzewski Cracow Academy

1, ul. G. Herlinga-Grudzińskiego, Kraków, Poland, 30-705

rczachor@afm.edu.pl

ORCID: 0000-0002-5929-9719

ПРАВА ЧЕЛОВЕКАDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 17.05.2021
Принята к публикации: 06.07.2021

Лев Александрович ЛАЗУТИН

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович ЛИХАЧЕВ

Уральский государственный юридический университет
Комсомольская ул., д. 21, Екатеринбург, 620137, Российская Федерация
m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ЕДИНСТВО РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КОНКУРЕНЦИЯ РЕШЕНИЙ СУДОВ

ВВЕДЕНИЕ. Возведение в разряд конституционной ценности т. н. права Российской Федерации на возражение путем отказа от исполнения решений международных судов предопределяет новое прочтение ч. 4 ст. 15 отечественной Конституции. Хотя содержательно конституционная новелла 2020 г. в этой части привносит мало нового, о приоритете Конституции России над международными обязательствами государства Конституционный Суд недвусмысленно высказался еще в июле 2015 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве иллюстрации намерения создателей Основного закона в статье приводится краткое описание некоторых реплик, озвученных в ходе дискуссии во время Конституционного совещания 1993 г. Рассмотрение исторических оснований конституционных норм подкрепляется оценкой текущей правоприменительной ситуации на отдельном, крайне выборочном, но иллюстративном примере. Кроме того, используются формально-юридический, логический, системный анализ соответствующих конститу-

ционных норм, составляющих каркас отечественного правозащитного механизма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международно-правовые установки Конституции РФ не ограничиваются лишь упомянутой ч. 4 ст. 15. Создатели Основного закона в 1993 г. заложили принципиальные основы механизма защиты прав человека и его свобод с учетом высоких международных стандартов. Именно общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции) и в некоторых случаях международные договоры (ч. 4 ст. 15) призваны служить твердой гарантией от своеволия со стороны государства и его органов в вопросе ограничения прав человека (ч. 3 ст. 55). Дополняет эту сложную международно-ориентированную систему право каждого гражданина на защиту своих интересов в межгосударственных органах после исчерпания внутренних средств (ч. 3 ст. 46).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Является ли значимым то, что Конституционный Суд России в Заклучении относительно конституционных по-

правок 2020 г. оставил без предметного анализа органическую связь международных обязательств государства с обязательствами в области защиты прав человека внутри страны? Этот вопрос остается открытым, поскольку речь идет об эффективности предусмотренного авторами Конституции России прогрессивного правозащитного механизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституция Российской Федерации, основы конституционного строя, права человека, общепризнанные принципы и нормы

международного права, право на возмещение, международные стандарты прав человека

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2021. Права человека: единство российского и международного права, конкуренция решений судов. – Московский журнал международного права. №3. С. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

Lev A. LAZUTIN

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
mp@usla.ru
ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. LIKHACHEV

Ural State Law University
21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137
m.a.likhachev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Research article
Received 17 May 2021
Approved 6 July 2021

HUMAN RIGHTS: INTEGRITY OF THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL LAW, COMPETITION OF COURTS DECISIONS

INTRODUCTION. The amendments to the Russian Constitution 2020 challenged de novo the international law prevalence and led the Russia's way to find its own perception of international law. Although the amendments did not introduce drastically substantive modifications of the international law modus operandi in the national legal system nevertheless they shifted the constitutional focus. The former one was built on the

presumption of the juridical consistency of the constitutional order and Russia's international commitments. Today there's the a priori allegation of possible conflicts between requirements of the Constitution and judgment of international courts.

MATERIALS AND METHODS. The paper comprises short historical analysis of the internationally meaningful rules of the Constitution in its comparison to the

current legal situation in Russia. Rather superficial but illustrative juridical overview of the relevant constitutional provisions with their domestic legal counterparts demonstrates the significance and practical efficiency of the concomitant interpretation of the constitutional rules and Russia's international obligations.

RESEARCH RESULTS. *Such a shift paradigmatically is still pending new interpretation of the constitutional fundamentals. At least they need different construction to be concomitant to the refusal mechanism (as regards international judgments). Still unchanged verbatim the constitutional fundamentals provide for proliferated mechanism of the human rights protection under international law with in domestic order and still require the concordant interpretation of the international commitments and constitutional rules.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The modified constitutional landscape shifted drastically the international law priority in the Russian legal system. Although*

the international law leaves to the State's choice to determine internally the status of its international commitments the constitutional fundamentals (left untouched verbatim) still require international law priority. The constitutionally enclosed human right protection mechanism emphasizes such priority.

KEYWORDS. *Constitution of the Russian Federation, fundamentals of the constitutional order, human rights, general international law; right to refusal, international human rights standards*

FOR CITATION: Lazutin L.A., Likhachev M. A. Human Rights: Integrity of the Russian and International Law, Competition of Courts Decisions. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-31-44>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение. Динамика вопроса: 1993 г. vs 2021 г.

Каждой эпохе свойственен свой специфический дух. Одни и те же слова, произнесенные в разное время в разных местах и даже разными людьми, имеют разную ценность. Трюизм, но контекст задает смысл текста.

В ознаменование 25-летия Конституции России тогдашний председатель российского правительства и нынешний заместитель главы Совета безопасности РФ Д. А. Медведев опубликовал программную статью, не только трезво описавшую уже сложившиеся принципы отечественного правоприменения, но и, осмелимся предположить, задавшую тон правозащитной практике государства на следующие несколько лет [Медведев 2018:11]. Для полноты понимания идеи приведем обширную цитату: «Признавая и защищая права человека, российская Конституция устанавливает пределы притязаний на защиту таких прав, не признавая правами те, которые явно

входят в конфликт с ценностями, традиционными для российского общества. Тем самым сама идея прав человека получает новое прочтение по отношению к другим конституциям и обозначает особый, оригинальный и нестандартный подход к восприятию прав человека». В дополнение к этому автор рассуждает о вызовах «равноправному диалогу между национальным и международным правосудием» и о «внешнем вторжении» в «судебный и юридический суверенитет страны».

Дадим несколько субъективных комментариев – читатель пусть рассудит. Важный посыл статьи: права человека – претензия человека к государству; не все права человека входят в круг охраняемых государством ценностей российского общества, возможно даже противоречие между первыми и вторыми; в некоторых ситуациях права человека – инструмент внешнего вторжения в отечественный суверенитет; наконец, самое важное – презумпция ограниченности прав человека общественно значимыми интересами¹.

¹ Любопытно, что именно такая логика баланса частного и публичного интереса, прав человека и общественно значимых целей отражена в постановлении Конституционного Суда России по санитарным ограничениям свободы передвижения на основе решения региональных властей. См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П от 25 декабря 2020 г. по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 Постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предот-

Таково прочтение российской конституции в 2018 г. Есть все основания полагать, что парадигма не изменилась и в 2021 г.

В 1993 г. на Конституционном совещании, где и родился толкуемый Д. А. Медведевым спустя 25 лет текст, Т. Г. Морщакова², тогда судья Конституционного Суда РФ, при обсуждении редакции сегодняшней ч. 1 ст. 17 Конституции заявила: «Не стоит так экономить на правах человека»³. Для объективности картины приведем еще несколько интересных цитат членов этого совещания, ясно иллюстрирующих эмоциональный тон события: «...не все права человека перечислены в Конституции... не только международное право, писаное право, связывает нас, но и принципы международного права, которые время от времени получают новое наполнение»⁴ [тут и далее курсив наш – Л.Л., М.Л.], «... эти стандарты [в области прав человека] в ряде случаев выражены не в международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией. Часть этих документов принимается голосованием, некоторые из них на Генеральной Ассамблее в органах Организации Объединенных Наций даже не голосуются, но они признаются всем международным сообществом. То есть эти стандарты много богаче, нежели то, что зафиксировано в международном договоре и ратифицировано»⁵; «наш стандарт [по правам человека] не может быть ниже. И в этом смысле минимум задается

международным уровнем, а мы можем наращивать его сколько угодно, если у нас духу хватит»⁶.

Позволим себе и тут несколько субъективных комментариев. Создатели Конституции определенно закладывали в нее идею прав человека как высшего блага и приоритетной ценности для общества и, тем более, для государства [Алексеев 2009:12,28]. Непременная основа такого статуса – наличие –конституционных гарантий с международными, поскольку последние в меньшей степени зависят от отдельного государства и его политики; презумпция аксиологического приоритета международного права в деле защиты прав человека.

Таково было понимание Конституции, создаваемой в 1993 г. Есть все основания полагать, что парадигма существенно изменилась в России XXI века [Исполинов 2020:65-66]⁷. Конституционная реформа 2020 г. обозначила ценностные основания таких изменений.

2. Реформа Конституции 2020 г.: взгляд изнутри (самой Конституции)

Конституционная реформа 2020 г. оставила нетронутыми основополагающие положения гл. I и II Конституции России⁸. А их предписания, продиктованные духом приоритета прав человека и признания их высшей ценностью (ст. 2), недвусмысленно создают уравновешенную систему

вращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372430/ (дата обращения: 15.05.2021).

² Татьяна Георгиевна Морщакова – судья Конституционного Суда РФ в 1991–2002 гг., член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в 2004–2019 гг.

³ Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля - 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 23.

⁴ Реплика директора Правового департамента МИД РФ Е. М. Прохорова. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 2. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 104.

⁵ Реплика руководителя рабочей группы Государственно-правового управления Президента РФ И. Ю. Стецовского. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 3. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 282.

⁶ Реплика Т.Г. Морщаковой. См.: Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля - 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература. 1995. С. 24.

⁷ См. также: Loffe Y. The Amendments to the Russian Constitution: Putin's Attempt to Reinforce Russia's Isolationist Views on International Law?. – *EJIL Talk*. January 29, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-amendments-to-the-russian-constitution-putins-attempt-to-reinforce-russias-isolationist-views-on-international-law/> (accessed 15.05.2021).

⁸ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 15.05.2021).

правозащиты, основанную на приоритете международного права. В этом смысле ограниченными выглядят предложения противников такого приоритета решить проблему, внося изменения в ч. 4 ст. 15⁹ [Бастрыкин 2008]. Эта норма – пусть и важная, но лишь одна из ряда конституционных гарантий обеспечения прав в соответствии с наивысшими универсальными стандартами.

Надобности в обширных пояснениях содержания конституционной нормы ч. 4 ст. 15 мы не видим. Отметим лишь: здесь Конституция России устанавливает механизм (основания, условия, последствия) прямого действия общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в отечественной правовой системе, гарантируя приоритет конвенционных обязательств государства над его законодательством [Белов 2020; Зимненко 2010; Иваненко 2010:31; Исполинов 2017:79; Марочкин 2011; Пунжин 2010:254]¹⁰. В международно-правовом измерении ч. 4 ст. 15 Конституции – генеральная норма, обеспечивающая «присутствие» международного права в российском правовом порядке [Черниченко 2017: 27].

Неотъемлемой частью конституционного режима защиты прав человека выступают гарантии ч. 1 ст. 17 Конституции. Приведенные выше реплики участников Конституционного совещания 1993 г. как раз касались разработки именного текста этой нормы. Общепризнанные принципы и нормы международного права непосредствен-

но действуют в отечественной правовой системе (ч. 4 ст. 15) и определяют смысл и содержание прав человека (ч. 1 ст. 17). В постановлении от 14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ определил совершенный приоритет Конституции России над всеми иными нормами, в т. ч. и международными, действующими в национальном правовом порядке: «Российская Федерация обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере... отдавать предпочтение требованиям Конституции и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям»¹¹.

В этом смысле для правоприменителя вопрос решен и поставлена точка в академических спорах *de lege lata*. Однако сложно удержаться и не привести реплики участников дискуссии на Конституционном совещании. Такие оценки уверенно перешли в разряд *lex ferenda*. Так, итог спорам о соотношении национальной конституции и международных обязательств государства подвел академик Б. Н. Топорнин, сформулировавший идею сопряженности содержания Конституции и международно-правовых гарантий прав человека. По его мнению, важно «продемонстрировать лояльность» к «международным стандартам» и «собственной Конституции». При этом, как он подчеркивал, приоритет за пер-

⁹ Бастрыкин А.И. предложил избавить Конституцию от норм международного права. – РБК. 23.07.2015. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2015/55b134f99a7947c75371e03b> (дата обращения: 17.05.2021).

¹⁰ Академического материала на этот счет бесчисленное множество. Не отдавая предпочтения отдельным авторам и их работам, в качестве исходных обозначим несколько официальных актов, прескриптивно раскрывающих смысл и условия функционирования этой конституционной нормы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 15.05.2021).

выми: «если [Основной] закон противоречит каким-то международным нормам, надо тогда посмотреть, какой закон мы принимаем. А если этот закон соответствует нормам, как мы сейчас это понимаем, то надо сказать о том, что мы прежде всего на него ссылаемся»¹². В ответ руководитель Администрации президента Б.Н. Ельцина С. А. Филатов предложил формулировку, вошедшую в финальный текст – «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с действующей Конституцией». Причем автор клаузулы заключил: «Вот я и хочу слово “Конституция” поставить на нужное место», ибо «здесь нужно отдать приоритет международным договорам»¹³.

Осознанно отстраняясь от проблемы соотношения Конституции России и норм международного права (подчеркнем снова – Конституционный Суд высказался на этот счет совершенно ясно), заметим особую, приоритетную в сравнении с российским законодательством роль общепризнанных принципов и норм международного права в области защиты прав человека. Такие принципы и нормы призваны служить гарантией против законодательного злоупотребления при ограничении прав человека.

Материально-правовые противовесы правоограничительной ретивости государства дополнены процедурными условиями. Часть 3 ст. 46 Конституции России устанавливает конституционное право граждан на обращение в межгосударственные органы по защите прав человека при исчерпании внутригосударственных правозащитных средств. Даже если национальная система, ориентированная на общепризнанные принципы и нормы международного права (ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17), не сумеет удовлетворить правомерный интерес человека, давшего государству возможность исправить ситуацию (и исчерпавшего внутригосударственные средства), у гражданина всегда есть возможность обратиться к тем, кто в силу межгосударственных договоренностей пользуется преимуществом в установлении таких общепризнанных принципов и норм. Например, такие прерогативы есть у Европейского Суда по правам человека [Вайпан

2016:107–124. Даже критики Суда признают аксиологическое значение ч. 3 ст. 46 Конституции [Новосельцев, Степанюгин 2021:53].

Логически довершает и, не побоимся такой оценки, *verbatim* доводит до совершенства механизм защиты прав человека ст. 55 Конституции. Толкуемая системно, с учетом ее смыслового и функционального места в конституционном тексте, она устанавливает как минимум три фундаментальных гарантии против возможных злоупотреблений со стороны государства при ограничении прав человека. Во-первых, приоритет общепризнанных прав и свобод человека и гражданина утвержден в недопустимости их отрицания или умаления только лишь потому, что они не входят в конституционный перечень поименованных прав (ч. 1). Во-вторых, в России недопустимо принимать законы, отменяющие или умаляющие права человека, в т. ч. и те, которые подтверждены на уровне общепризнанных принципов и норм международного права (ч. 2 ст. 55 в связке с ч. 1 ст. 17). В-третьих, презумпция неограниченности прав человека в содержании и действии подкреплена *numerus clausus* исключений из этого принципа: «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55).

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на органическую связь соответствующих положений ст. 15, 17, 46 и 55 Конституции России, образующих корпус твердых конституционно-правовых гарантий соблюдения и обеспечения международно признанных прав и свобод человека. Международные обязательства России в правозащитной области коррелируют с конституционно признанной обязанностью исполнять и гарантировать права человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В случае же, если система дает сбой, у гражданина есть конституционное право призвать государство к ответственности – обратиться с жалобой в межгосударственные органы по защите прав человека.

¹² Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. В 20 томах. Т. 19. Под общ. ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Издательство «Юридическая литература». 1995. С. 28.

¹³ Там же. С. 29.

Так, относительно связи ч. 1 ст. 17 и ч. 3 ст. 46 Конституционный Суд писал: «...РФ не вправе уклоняться от адекватного реагирования на сообщения Комитета по правам человека... Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение РФ добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции РФ обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»¹⁴.

Связь ч. 4 ст. 15 и ч. 3 ст. 46, по мнению Суда, заключается в том, что «согласно Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3). В корреляции с названным положением Конституции РФ находятся предписания ее статьи 15 (часть 4), устанавливающей, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»¹⁵. При этом в полной мере выводы Конституционного Суда о месте Европейской

конвенции по правам человека в российской правовой системе *mutatis mutandis* можно отнести к нормам международного права вообще: «Права и свободы человека, закрепленные в Конституции РФ и Конвенции, совместимы по существу: расхождения же возникают в результате их интерпретации Европейским Судом», а «присоединение к Конвенции и участие в ней России обусловлены самим принятием, соблюдением и действием Конституции Российской Федерации» [Исполинов 2017:80-81]¹⁶.

Хотя конституционная реформа 2020 г. оставила нетронутыми положения глав I и II Конституции, нельзя отрицать влияние поправок к ст. 79 и обслуживающих ее изменений в ст. 125 на базис отечественного правопорядка [Исполинов 2020:63; Mälksoo 2021:88]. Как минимум возможность отказа от исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека непосредственно касается конституционного права на обращение в такие органы по ч. 3 ст. 46. Осознанно обходим стороной оценку совместимости фундаментальной гарантии, составляющей основу конституционного строя (ст. 46 гл. II), и обновленной ст. 79 – это вопрос для более детального и отдельного анализа. Однако довольно странным выглядит отсутствие даже попутного упоминания и ст. 17, и ст. 46 Конституции в заключении Конституционного Суда в связи с обновлением конституционной системы¹⁷. Суд удовлетворился оценкой вносимых поправок на предмет их соответствия ч. 4 ст. 15, тем самым проигнорировав свою предшествующую аргументационную практику ана-

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». П. 4. Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70104350/> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». Доступ: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 15.05.2021).

лиза «международно-правовых» статей Конституции в единой связке (ст. 15, 17, 46 и 55) [Mälksoo 2021:92]. Все доводы Суда ограничиваются двумя утверждениями типа *circulus vitiosus in probando*: «[п]риведенные положения, как это прямо следует из их формулировок, не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств, а потому не вступают в противоречие со статьей 15» и «[д]анный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конституции Российской Федерации в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России».

В таком случае Конституционный Суд обошел стороной и оставил открытым вопрос о согласовании гарантий ст. 46 и т. н. «права на возражения» Российской Федерации. Аргументированная позиция Суда на этот счет внесла бы свою лепту в обеспечение «верховенств[а] прав человека и национальной конституции» [Исполинов 2020:69] в отечественном правопорядке.

Едва ли уместно напоминать в академической работе о субъективности взглядов авторов текста. Претензия на объективность может быть подкреплена только аргументами и доказательствами. В этом смысле любая оценка авторской позиции как субъективной при наличии доводов в ее подтверждение, скорее, спекуляция. Самонадеянно сочтем свою задачу в части аргументации *de lege lata* выполненной. Задав нужный конституционный контекст, перейдем к нескольким оценкам *de lege ferenda*.

3. Конституция России и международные стандарты прав человека (некоторые оценки)

Сложившееся традиционное понимание правового статуса личности как воплощения прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации и действующих внутригосударственных актах, уже не согласуется с комплексным содержанием такого статуса, поскольку в его регламентации все большую роль играют международно-правовые нормы. Об этом не-

двусмысленно говорится в ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации.

В ч. 1 ст. 17 Конституции РФ упущена одна очень важная деталь – ссылка на международные договоры Российской Федерации. Возможно, словосочетание «и в соответствии с настоящей Конституцией РФ», позволяет правоприменителю ссылаться на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой международные договоры РФ, применяемые непосредственно в деятельности судов, прокуратуры, правоохранительных органов, исполнительной власти и особенно при обеспечении и защите прав человека и гражданина, являются также частью российской правовой системы. Как отмечал профессор Г. В. Игнатенко, «преодоление несогласованности двух конституционных формулировок достижимо лишь посредством устранения отмеченного пробела. Вполне действенным средством является внутриконституционное сопоставление, подразумевающее интерпретацию нормы ч. 1 ст. 17 в контексте нормы ч. 4 ст. 15» [Игнатенко 2003:9]. В таких ситуациях решение проблемы целесообразно искать в согласованном толковании и совмещенном применении указанных конституционных норм.

В качестве примера можно привести общее понимание ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, где сказано: «Принудительный труд запрещен...». При этом нет пояснений, уточняющих смысл этого запрета. Между тем международно-правовые акты, в т. ч. конвенции Международной организации труда, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., содержат перечень видов работы или службы, не включаемых в категорию принудительного труда.

Можно считать очевидным, что конституционное предписание должно применяться только в комплексе с положениями названных международных договоров. Сегодня эта задача облегчается, поскольку в Трудовой кодекс РФ, принципы которого основаны на международном праве, включена ст. 4 «Запрещение принудительного труда», дополняющая запрет характеристиками, воспроизводящими либо конкретизирующими международные установления.

В этом контексте справедливо суждение о самостоятельной ценности прав и свобод, закрепленных в международных актах [Peters 2009:190; Peters 2016:192-193]. Весомым аргументом в пользу комплексной оценки статуса личности и

по международному, и по национальному праву являются нормы соответствующих федеральных законов: формулировки ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», ст. 7 Гражданского кодекса РФ, ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁸ и другие внутригосударственные нормативные акты, а также практика Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ и ряда конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации.

Судам, формулирующим свои решения по делам, понимание которых обусловлено как Конституцией и федеральными законами РФ, так и международными договорами РФ, следует иметь в виду, что и права, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах, и права, сформулированные в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международных договорах, являются субъективными правами человека и гражданина с однозначными юридическими последствиями, включая правовую, в т. ч. судебную защиту.

В этом смысле международные стандарты прав и свобод человека имеют двойственную природу. Они, во-первых, предусматривают международные обязательства государства, принятые им по его согласию в результате заключения международного договора или участия в межгосударственной практике, сформировавшей международный обычай. Иными словами, международные стандарты прав человека – это международные обязанности государства.

Во-вторых, такие стандарты непосредственно обращены к их главным бенефициарам – физическим и в некоторых случаях юридическим лицам. Международные стандарты содержат конкретные правомочия, принадлежащие человеку и составляющие содержание его статуса по международному и опосредованно волей государства внутригосударственному праву.

В отечественной доктрине признана т. н. теория медиатации, состоящая в том, что индивид не может прямо обладать правами и нести обязанности по международному праву, не являясь его субъектом [Зимненко 2006:82–96; Иваненко 2010:135–161; Усенко 2008:135; Черниченко

2009:637–640]. Его международно признанные права и свободы обращены лишь к государствам, на которые возлагается обязанность их обеспечения при помощи внутригосударственного механизма.

Такой подход идейными корнями уходит в господствовавшую в советской теории международного права концепцию отрицания международной правосубъектности индивида. Физическое лицо не может прямо обладать правами и нести обязанности по международному праву [Курс...1967:161–165; Курс...1989:159–181]. Международные правозащитные нормы применяются к индивиду опосредованно, лишь будучи воплощенными в нормы внутригосударственного права.

В нынешних реалиях принять такую позицию сложно. Международные стандарты прав человека не только предусматривают обязанность государства как участника соответствующего международного соглашения или правоприменителя международного обычая, но и прямо предоставляют индивиду права и даже возлагают на него абстрактные обязанности, ориентированные на прямое применение в пределах национальной юрисдикции и непосредственное регулирование внутригосударственных отношений.

Международные правозащитные стандарты являются неотъемлемым компонентом статуса личности по международному и внутригосударственному праву. Об этом свидетельствуют текстуальные формулировки большинства правозащитных международных договоров регионального и универсального уровней. Речь идет о формулах типа: «каждый человек имеет право...» (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.); «каждый имеет право...», «право каждого на...», «никто не может быть...» (Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.); «каждый человек имеет право...» (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.); «женщинам принадлежит...», «женщинам могут...» (Конвенция о политических правах женщин 1959 г.). Данные буквальные положения исходят из того, что права и свободы предоставляются человеку, государство же принимает на себя обязательства по обеспечению и соблюдению правозащитных стандартов.

¹⁸ Правда, в УПК РФ допущена терминологическая неточность: общепризнанные принципы и нормы и международные договоры РФ указаны как часть законодательства, а не правовой системы России.

Судебная защита прав и свобод человека справедливо считается эффективным юридическим средством, обеспечивающим их последовательную реализацию. Традиционным механизмом такой защиты является деятельность национальных судов как одной из разновидностей органов государственной власти. Регулятором этой деятельности служат нормы внутригосударственного права, прежде всего, конституционные предписания. В их числе норма ч. 1 ст. 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Интерес к национальной судебной деятельности присущ и международно-правовому регулированию. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. гласит: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему Конституцией или законом» (ст. 8). В несколько иной форме такой подход выражен в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.: каждый имеет право при рассмотрении предъявляемого ему уголовного обвинения или при определении его прав и обязанностей в гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 14). Аналогичны предписания действующей в рамках Совета Европы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 1 ст. 6).

Особое внимание к национальным судебным средствам, свойственное как внутригосударственным, так и международно-правовым нормам, проявилось в ситуациях вывода проблемы защиты прав и свобод человека на международный уровень. Конституционный суд РФ неоднократно ссылался в своих постановлениях и определениях на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и на ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для обоснования права, гарантированного не только Конституцией РФ, но и нормами международного права.

Конституционный суд РФ особое внимание обращает на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина как взаимосогласованный процесс, совмещающий национальные и международные механизмы, включая названные выше. Конституционный суд неоднократно подтверждал в своих постановлениях право каж-

дого человека и гражданина, в соответствии с международными договорами РФ, обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, как это и предусмотрено ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

Наиболее эффективная система рассмотрения индивидуальных обращений (жалоб) и юридического реагирования на нарушения государственными органами или должностными лицами государств прав человека сложилась в рамках Совета Европы в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней.

В ст. 13 Конвенции провозглашается «право на эффективное средство правовой защиты». Здесь речь идет о праве каждого, чьи права и свободы нарушены, на правовую защиту в государственном органе. И хотя в тексте Конвенции нет специальных положений о праве на юридическую защиту в межгосударственном органе, по существу, такое право предполагается в формулировке ст. 34 о компетенции Европейского Суда по правам человека принимать индивидуальные жалобы от лиц или групп лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одним из государств – участников Конвенции их прав, признанных в Конвенции или в протоколах к ней. Согласно формулировке этой же статьи Конвенции, договаривающиеся государства обязались «никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права». Очевидно, под «этим правом» здесь понимается прежде всего не право Суда принимать жалобы, а право индивида направлять жалобы в Суд.

Вслед за ст. 6 Всеобщей декларации прав человека ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает: «Каждый человек, где бы он не находился, имеет право на признание его правосубъектности». Данную норму можно рассматривать не только в пространственном, но и в юридическом аспекте, имея ввиду универсальность личностной правосубъектности применительно к национальному и международному правопорядку. Иное восприятие и ограничение правосубъектности личности рамками национального права приводит «к разрыву структуры ее правового статуса» [Международное право и... 1991:27]. Добавим к сказанному, что при ином подходе содержание достоинства личности как юридической категории распадается на две неравные и лишенные

единства составные части: достоинство, реализуемое в комплексе собственных усилий личности и охранительной деятельности государства (внутренний компонент достоинства), и достоинство, обеспечиваемое исключительно государством вне самостоятельных действий личности (международный компонент достоинства). В первом случае презюмируются взаимодействующие правосубъектности личности и государства, а во втором – правосубъектность личности отвергается и как бы покрывается правосубъектностью государства¹⁹.

В этом плане любопытна точка зрения профессора Г. В. Игнатенко, который считал, что так называемая помощь государства может проявляться и во внутригосударственной сфере при нормальных взаимоотношениях равноуровневых субъектов. Применительно же к международной сфере, если отвлечься от явно проступающего в приведенной фразе патерналистского настроя, речь должна идти о добросовестном выполнении государством международных обязательств, охватывающих и его содействие реализации прав находящихся под его юрисдикцией индивидов, – прав, признанных международными договорами и образующих в совокупности самостоятельную международную правосубъектность индивида [Игнатенко 1999:33]. Наиболее значимым проявлением такого статуса служит право на обращение в договорные органы по защите прав и свобод, при осуществлении которого индивид вступает в отношения с компетентным международным органом.

В связи с совмещением международно-правового и внутригосударственного (конституционного) регулирования правозащитных стандартов в статусе личности следует обратить внимание на существенные различия, которые выявляются при сопоставлении Конституции РФ и международно-правовых актов. Пожалуй, самым заметным конституционным пробелом является отсутствие в гл. 2 Конституции РФ положения, которое в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. провозглашено как «право каждого на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и непрерывное улучшение условий жизни».

Можно предположить, что разработчики Основного закона исходили из реальности, характерной для того времени. Некоторую гибкость государствам предоставляет п. 1 ст. 2 Пакта, касающийся постепенного и, затем (постепенного и полного) осуществления признаваемых в нем прав «в максимальных пределах имеющихся ресурсов». В этом смысле внутригосударственная имплементация международного стандарта, определяющего достойный уровень жизни, в контексте конституционной цели формирования и развития социального государства не выглядела бы настолько обременительной. Отсутствие же такого права едва ли соотносится с международно-правовыми обязательствами России.

Согласно ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Формула *non bis in idem* воплощена в ст. 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека: «Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства». Очевидна более содержательная конвенционная характеристика данного правила. Таким образом, при согласованном толковании и применении указанных норм следует исходить из невозможности не только повторного осуждения, но и привлечения к судебной ответственности, причем и в ситуациях первоначального оправдания.

Признание непосредственного применения во внутригосударственных отношениях международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права предполагает трактовку прав и свобод человека и гражданина в соответствии с такими международно-правовыми нормами и стандартами, даже в тех случаях, когда такие права и свободы не имеют аналога в Конституции и федеральных законах либо отличаются во внутригосударственном нормативном исполнении от предписаний международного права по содержательным параметрам.

В подобных ситуациях попытка «разобщения» прав и свобод на два замкнутых пространства (международно-правовое и внутригосударственное), в пределах которых существуют

¹⁹ Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть: учебник*. М.: Волтерс Клувер. 1996. С. 18.

собственные субъективные адресаты, порождает не только «раздвоение» личностного статуса, но и сведение международно-закрепленных прав и свобод к незавидной роли декларированных, но лишенных ценностных ориентиров категорий. Вряд ли возможно даже гипотетически представить права, которые юридически признаны и сформулированы, но не являются субъективными правами.

4. Заключение

Идея приоритета международного права над внутригосударственным понятна и проста, как ясно и очевидно естественное превосходство общей договоренности над индивидуальной прихотью отдельного. Однако каким бы ожидаемым и доступным не казался этот вывод, все же современное международное право, уверенно устанавливая собственный приоритет, отдает на откуп государству вопрос о месте международно-правовых норм в национальной правовой системе [Черниченко 2018:10; Bogdandi 2008:403;

Crawford 2012:186–188]. И не стоит преувеличивать нормативную ценность провозглашенного в национальных конституциях верховенства международного права над национальным: во многих цивилизованных государствах даже рядовой закон юридико-технически может обладать большей силой, чем международное обязательство государства [Исполинов 2017:74–75]. Это – вопрос внутригосударственного правоприменения и согласованного толкования норм обеих правовых систем. В конце концов приоритет одного вовсе не значит отказ в признании и даже реализации предписаний другого.

Российский случай – яркий пример такой неоднозначности. Заложённая в конституционный текст идея приоритета международного права претерпела существенные изменения в сторону сужения ее правоприменения. Точечные правки Конституции с целью адаптировать ее предписания к изменившейся практике все еще оставили открытым вопросом о взаимосогласованности конституционных положений. На это Конституционному Суду еще предстоит дать ответ.

Список литературы

- Алексеев С.С. 2009. *У истоков Конституции России. Субъективные заметки*. Екатеринбург. 42 с.
- Белов С.А. 2020. Конституционные ограничения временного применения положений международного договора, предусматривающих передачу споров в инвестиционный арбитраж. – *Закон*. № 12. С. 126–135.
- Вайпан Г. 2016. Трудно быть Богом: Конституционный Суд России и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека. – *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4. С. 107–124. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-4-107-124
- Зимненко Б.Л. 2006. *Международное право и правовая система РФ*. М.: Статут. 454 с.
- Зимненко Б.Л. 2010. *Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть*. М.: Российская академия правосудия. 414 с.
- Иваненко В.С. 2010. Международные договоры и конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? – *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 3. С. 135–161.
- Иваненко В.С. 2010. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия. – *Российский ежегодник международного права*, 2009. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 25–32.
- Игнатенко Г.В. 1999. Достоинство личности и международная правосубъектность. – *Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства: Материалы межрегионального научно-практического семинара*. Под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 31–40.
- Игнатенко Г.В. 2003. Конституция и международное право: как упорядочить неадекватные нормы. – *Конституционное развитие России: история и современность (материалы российской научно-практической конференции)*. Екатеринбург. С. 7–12.
- Исполинов А.С. 2017. Вопросы взаимодействия международного и внутреннего права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. – *Российский юридический журнал*. № 1. С. 73–93.
- Исполинов А.С. 2020. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей. – *Закон*. № 12. С. 61–73.
- Курс международного права: в 6 т. Т. 1. Понятие и сущность современного международного права*. 1967. М.: Наука. 284 с.
- Курс международного права: в 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права*. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
- Марочкин С.Ю. 2011. *Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации*. М.: Норма. 288 с.
- Медведев Д.А. 2018. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью. – *Закон*. № 12. С. 8–16.
- Международное право и советское законодательство: коллективная монография*. Отв. ред. Г.И. Курдюков. 1991. Казань. 147 с.
- Новосельцев А.Ю., Степанюгин К.В. 2021. Участие России в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 46–56. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>.

18. Пунжин С.М. 2010. Правовая система России и международное право (вариации на тему статьи С. В. Бахина). – *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 2. С. 234–256.
19. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права*. М.: Норма. 240 с.
20. Черниченко С.В. 2009. *Очерки по философии и международному праву*. М.: Научная книга. 766 с.
21. Черниченко С.В. 2017. Тезис о верховенстве международного права и Конституция Российской Федерации. – *Российский ежегодник международного права*, 2016. СПб.: СКФ «Россия-Нева». С. 20–35.
22. Черниченко С.В. 2018. Европейский Суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–17. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17
23. Bogdandi A.von. 2008. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: On the relationship between international and domestic constitutional law. – *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 6. Issue 3-4. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mon015>
24. Crawford J. 2012. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 888 p. DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
25. Mälksoo L. 2021. International Law and the 2020 Amendments to the Russian Constitution. – *American Journal of International Law*. Vol. 115. Issue. 1. P. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.87>
26. Peters A. 2016. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 590 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316687123>.
27. Peters A. 2009. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law. – *Vienna Journal on International Constitutional Law*. Vol. 3. Issue 3. P. 170–198. DOI: 10.5451/unibas-ep9867
7. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press. 2012. 888 p. DOI: 10.1093/he/9780199699698.001.0001
8. Ignatenko G.V. Dostoinstvo lichnosti i mezhdunarodnaya pravosub"ektnost' [Human dignity and international personality]. – *Dostoinstvo cheloveka: ot filosofsko-pravovoi idei k konstitutsionnomu printsipu sovremennogo gosudarstva: Materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara*. Pod red. V.V. Nevinskogo [Human dignity: from idea of philosophy towards constitutional principle of modern state: workshop materials. Ed. by V.V. Nevinskii]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta Publ. 1999. P. 31–40. (In Russ.)
9. Ignatenko G.V. Konstitutsiya i mezhdunarodnoe pravo: kak uporyadochit' neadekvatnye normy [The Constitution and international law: how to arrange inadequate norms]. – *Konstitutsionnoe razvitie Rossii: istoriya i sovremennost' (materialy rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii)* [Constitutional Development of Russia: past and present (materials of conference)]. Yekaterinburg. 2003. P. 7–12. (In Russ.)
10. Ispolinov A.S. Novye polnomochiya Konstitutsionnogo Suda RF po proverke konstitutsionnosti reshenii mezhdunarodnykh sudov i arbitrazhei [New powers of the Russian Constitutional Court to review the constitutionality of decisions of international courts and arbitration tribunals]. – *Zakon*. 2020. No. 12. P. 61–73. (In Russ.)
11. Ispolinov A.S. Voprosy vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i vnutrennego prava v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Issues of relationship of international and domestic law in the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2017. No. 1. P. 73–93. (In Russ.)
12. Ivanenko V.S. Mezhdunarodnye dogovory i konstitutsiya v pravovoi sisteme Rossii: "voina verkhovnstv" ili mirnoe vzaimodeistvie? [International treaties and the Constitution in the legal system of Russia: "a conflict of supremacies" or peaceful interaction?]. – *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2010. No. 3. P. 135–161. (In Russ.)
13. Ivanenko V.S. Mezhdunarodnye dogovory, Konstitutsiya i pravovaya sistema Rossiiskoi Federatsii: evolyutsiya sootnosheniya i tendentsii vzaimodeistviya [International treaties, the Constitution and the Legal System of the Russian Federation: the evolution of interrelation and tendencies of interaction]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 2009 [Russian Yearbook of International Law, 2009]. Saint Petersburg: SKF "Rossiya-Neva" Publ. 2010. P. 25–32. (In Russ.)
14. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. R.A. Müllerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Müllerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
15. *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 6 t. T. 1. Ponyatie i sushchnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [The Course of International Law: in 6 volumes. Vol. 1. The Concept of Modern International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1967. 284 p. (In Russ.)

References

1. Alekseev S.S. *U istokov Konstitutsii Rossii. Sub"ektivnye zametki* [Roots of the Russian Constitutional. Humble remarks]. Ekaterinburg. 2009. 42 p. (In Russ.)
2. Belov S.A. Konstitutsionnye ogranicheniya vremennogo primeneniya polozhenii mezhdunarodnogo dogovora, predumtrivayushchikh peredachu sporov v investitsionnyi arbitrazh [Constitutional limitations upon provisional application of international treaty which provides for jurisdiction of international investment arbitration]. – *Zakon*. 2020. No. 12. P. 126–135. (In Russ.)
3. Bogdandi A.von. Pluralism, direct effect, and the ultimate say: On the relationship between international and domestic constitutional law. – *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. Issue 3-4. P. 397–413. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mon015>
4. Chernichenko S.V. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka: problema neispolnimosti postanovlenii [The European Court on Human Rights: the problem of unenforceable judgments]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 6–17. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-6-17
5. Chernichenko S.V. *Ocherki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu* [Remarks on philosophy and international law]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2009. 766 p. (In Russ.)
6. Chernichenko S.V. Tezis o verkhovenstve mezhdunarodnogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Pri-

16. Mälksoo L. International Law and the 2020 Amendments to the Russian Constitution. – *American Journal of International Law*. 2021. Vol. 115. Issue. 1. P. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.87>
17. Marochkin S.Yu. *Deistvie i realizatsiya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [The Operation of International Law in the Russian Legal System]. Moscow: Norma Publ. 2011. 288 p. (In Russ.)
18. Medvedev D.A. 25 let Konstitutsii: balans mezhdru svobodoi i otvetstvennost'yu [The 25th anniversary of the Constitution: balancing freedom and responsibility]. – *Zakon*. 2018. No. 12. P. 8–16. (In Russ.)
19. *Mezhdunarodnoe pravo i sovetское zakonodatel'stvo: kollektivnaya monografiya*. Ot. red. G.I. Kurdyukov [International law and the soviet legislation: a collective monograph. Ed. by G.I. Kurdyukov]. Kazan'. 1991. 147 p. (In Russ.)
20. Novoseltsev A.Yu., Stepanyugin K.V. Uchastie Rossii v Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Russia's Participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 46–56. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-46-56>.
21. Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 590 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316687123>.
22. Peters A. Supremacy Lost: International Law Meets Domestic Constitutional Law. – *Vienna Journal on International Constitutional Law*. 2009. Vol. 3. Issue 3. P. 170–198. DOI: [10.5451/unibas-ep9867](https://doi.org/10.5451/unibas-ep9867)
23. Punzhin S.M. Pravovaya sistema Rossii i mezhdunarodnoe pravo (varianty na temu stat'i S. V. Bakhina) [The legal system of Russia and international law (variations on a theme of the article by S.V. Bakhin)]. – *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2010. No. 2. P. 234–256. (In Russ.)
24. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Remarks on international law theory]. Moscow: Norma Publ. 2008. 240 p. (In Russ.)
25. Vaiypan G. Trudno byt' Bogom: Konstitutsionnyi Cud Rossii i ego pervoe delo o vozmozhnosti ispolneniya postanovleniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Hard to be a God: the Russian Constitutional Court and its first case on enforceability of a judgment of the European Court of Human Rights]. – *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2016. No. 4. P. 107–124. (In Russ.). DOI: [10.21128/1812-7126-2016-4-107-124](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2016-4-107-124)
26. Zimnenko B.L. *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema RF* [International law and the Russian legal system]. Moscow: Statut Publ. 2006. 454 p.
27. Zimnenko B.L. *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [International Law and Russian legal system. General Part]. Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya Publ. 2010. 414 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Лев Александрович Лазутин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

mp@usla.ru

ORCID: 0000-0002-3479-6612

Максим Александрович Лихачев,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

m.a.likhachev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7848-5007

About the Authors

Lev A. Lazutin,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

mp@usla.ru

ORCID: 0000-0002-3479-6612

Maksim A. Likhachev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International and European Law, Ural State Law University

21, ul. Komsomolskaya, Yekaterinburg, Russian Federation, 620137

m.a.likhachev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7848-5007

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 30.04.2021
Принята к публикации: 17.08.2021

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. В декабре 2019 г. в г. Ухань (Китай) была зарегистрирована вспышка инфекции коронавируса (SARS-CoV-2), передаваемой воздушно-капельным путем. В середине января вирус был обнаружен в Таиланде и Японии, в марте центр пандемии переместился в Европу, в начале апреля на первое место по числу заражений вышли США. Для борьбы с вирусом многие государства ввели чрезвычайные меры, включающие локдаун, требование социальной дистанции, массовое тестирование и пр. Пандемия повлияла на все сферы общественной жизни, в т. ч. на международные отношения и международное право.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье анализируется реакция на пандемию со стороны государств, организаций и доктрины международного права; рассматриваются международно-правовые аспекты пандемии: применение Международных медико-санитарных правил 2005 г., потенциальная ответственность Китая и других государств, влияние пандемии на права человека. Констатируются проблемы правового регулирования в связи с пандемией и определяются пути их решения. Предметом анализа являются материалы иностранной юридической прессы, прежде всего, посты и статьи в интернете. Помимо данных науки международного права, используются научные категории философии, экономики и политологии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Главные органы ООН отреагировали на пандемию общими заявлениями. ВОЗ позиционировала себя как международный центр борьбы с вирусом и дала рекомендации, которые, однако, не были выполнены государствами, принявшими более мягкие ограничительные меры. Основным документ, которым

руководствовалась ВОЗ, – Международные медико-санитарные правила 2005 г. (ММСП).

Некоторые государства и СМИ обвинили Китай в запоздалой реакции и сокрытии информации, в связи с чем на обсуждение был вынесен вопрос о предъявлении к Китаю иска в Международный Суд ООН. Нормативными основаниями данного иска могли бы стать положения ММСП, Устава ВОЗ и ряд обязательств *due diligence*. Юрисдикционным основанием для обращения в МС ООН может выступать ст. 75 Устава ВОЗ, а в арбитраж – ст. 56 ММСП. Реагируя на пандемию, многие государства ограничили права человека; при этом были сделаны заявления о возможности временного отступления от правозащитных обязательств в чрезвычайной ситуации и ограничения прав человека в интересах национальной безопасности, охраны здоровья и защиты прав других лиц.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В зарубежной доктрине отмечаются недостаточная реакция международных организаций, необходимость реформы ВОЗ и делаются предложения, направленные на расширение полномочий Совета Безопасности ООН в части борьбы с пандемией. Помимо этого, говорится о недостатках ММСП, препятствующих их эффективному использованию. Возможность привлечения Китая к ответственности ставится под сомнение: доказательства соответствующего нарушения являются недостаточными, порог нарушения обязательств *due diligence* высокий, Китай едва ли согласится участвовать в судебном процессе против него. Тем не менее, из пандемии можно вынести несколько уроков для права ответственности (возможность отступления от принципа полной компенсации и др.).

Порядок отступления от правозащитных обязательств в период пандемии также нуждается в уточнении.

В целом международно-правовая доктрина справилась с задачей осмысления феномена пандемии: систематизировала и квалифицировала факты, обнаружила и сформулировала правовые проблемы, как частные, так и общие, предложила пути их решения. Мало кто усомнился в целесообразности столь жесткой глобальной реакции и выступил с радикальной критикой, вместо этого были отмечены недостатки отдельных мер и высказаны предложения, направленные на повышение их эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: COVID-19, международное право, международные организации, международно-правовая ответственность, права человека,

международное экономическое право, международное гуманитарное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толстых В.Л. 2021. COVID-19 и международное право: общие вопросы. – Московский журнал международного права. №3. С. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020 г. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Vladislav TOLSTYKH

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

Research article
Received 29 April 2021
Approved 17 August 2021

COVID-19 AND INTERNATIONAL LAW: GENERAL ISSUES

INTRODUCTION. *In December 2019, an outbreak of coronavirus infection (SARS-CoV-2) transmitted by airborne droplets was recorded in Wuhan, China. In mid-January, the virus was detected in Thailand and Japan; in March, the center of the pandemic moved to Europe; in early April, the United States came out on top in terms of the number of infections. To combat the virus, many states have introduced emergency measures, including lockdowns, social distance requirements, mass testing, etc. The pandemic has affected all spheres of public life, including international relations and international law.*

MATERIALS AND METHODS. *The article analyzes the response to the pandemic on the part of states, organizations and the doctrine of international law; ex-*

amines the international legal aspects of the pandemic: application of the International Health Regulations 2005, possible responsibility of China and other states, impact of the pandemic on human rights. The problems of legal regulation in connection with the pandemic are defined and the ways of their solution are determined. The subject of analysis is the materials of foreign legal press, first of all, posts and articles on the Internet. In addition to the data of international law, scientific categories of philosophy, economics and political science are used.

RESEARCH RESULTS. *Major UN bodies have reacted to the pandemic with general statements. WHO positioned itself as an international center for the fight against the virus and made recommendations that,*

however, were not implemented by states which adopted more restrictive measures. The main document that guided WHO is the International Health Regulations 2005 (IHR). Some states and the media accused China of a belated reaction and withholding information. As a result, the doctrine has discussed the issue of bringing a claim against China to the International Court of Justice. The legal basis for this claim could be the provisions of the IHR, the WHO Constitution and a number of due diligence obligations. The jurisdictional basis for applying to the ICJ could be Art. 75 of the WHO Constitution, and to an arbitration - Art. 56 IHR. In response to the pandemic, many states have limited human rights; references have been made to the possibility of a temporary derogation from human rights obligations in an emergency and the possibility of limiting human rights in the interests of national security, health and the protection of the rights of others.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The foreign doctrine notes an insufficient response from international organizations and makes proposals aimed at expanding the powers of the UN Security Council in combating the pandemic and at reforming the WHO. In addition, there are shortcomings of the IHR that hinder their effective use. The possibility of holding China accountable is questioned: there is insufficient evidence of the violation; the threshold for breach of due diligence obligations is very high; China is unlikely to agree to participate in the lawsuit against it. Nevertheless, several lessons can be learned for the law of responsibility (the possibility of deviating from the principle of full compensation, etc.).

The procedure for derogating from human rights obligations during a pandemic also needs clarification. In general, the international legal doctrine coped with the task of understanding of the pandemic phenomenon: it systematized and qualified the facts, discovered and formulated legal problems, both private and public, and suggested means to solve them. Few questioned the advisability of such a harsh global reaction and formulated a radical criticism; instead, the shortcomings of individual measures were noted and proposals were made to improve their effectiveness.

KEYWORDS: COVID-19, international law, international organizations, international legal responsibility, human rights, international economic law, international humanitarian law

FOR CITATION: Tolstykh V.L. Covid-19 and International Law: General Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

ACKNOWLEDGMENTS: The scientific research was carried out within the framework of state assignment No. 075-00998-21-00 dated December 22, 2020. Topic number: FSMW-2020-0030 "Transformation of Russian law in the face of great challenges: theoretical and applied foundations".

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Хронология

В декабре 2019 г. в г. Ухань (Китай) была зарегистрирована вспышка инфекции коронавируса (SARS-CoV-2), передаваемой воздушно-капельным путем. Симптомами являются лихорадка, утомление, кашель, аносмия, при осложнениях – пневмония, инкубационный период составляет от двух до 14 дней. Лечение проводится при помощи препаратов, устраняющих симптомы и стимулирующих иммунитет, специальные противовирусные препараты отсутствуют. Предотвратить заболевание можно при помощи профилактики (мытьё рук, ношение

масок, социальная дистанция, дезинфекция поверхностей, изоляция и др.) и вакцинирования. На 16 апреля 2021 г. зарегистрировано 147,8 млн случаев заболевания, 3,12 млн смертей, 125 млн выздоровевших¹ (смертность – около 2 %; наибольшая летальность – среди лиц старше 60 лет (более 80 %) и лиц с серьёзными заболеваниями (сердечно-сосудистые, диабет и др.). Власти Китая уведомили ВОЗ, закрыли рынок морепродуктов в Ухане, предположительно ставший источником инфекции, изолировали больных, провели мониторинг ситуации и объявили карантин в провинции Хубэй. В середине января вирус был обнаружен в Таиланде и Японии; по-

¹ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (accessed 26.04.2021).

сле этого многие государства ввели досмотр в аэропортах. В марте Китай объявил об окончании эпидемии и отменил большую часть ограничительных мер, после этого центр пандемии переместился в Европу, прежде всего, в Италию и Испанию. В начале апреля на первое место по числу заражений вышли США (277 тыс.).

Для борьбы с вирусом многие государства ввели чрезвычайные меры:

- 1) ограничение въезда-выезда в другие страны и регионы;
- 2) объявление нерабочих дней;
- 3) ограничение передвижения (запрет покидать дома, комендантский час и пр.);
- 4) запрет массовых мероприятий;
- 5) закрытие ряда учреждений (магазинов, ресторанов, музеев, учебных заведений и пр.);
- 6) требование социальной дистанции;
- 7) требование ношения масок;
- 8) отслеживание контактов при помощи мобильных приложений;
- 9) массовое тестирование;
- 10) массовое вакцинирование;
- 11) цензура информации о заболевании.

100 государств ввели режим чрезвычайной ситуации (положения). Пандемия вызвала негативные экономические следствия: обвал фондового рынка (снижение объемов торгов и падение индексов); повышение цены золота и гособлигаций; уменьшение объемов валютных резервов; остановку ряда производств, международной авиации, туристического сектора и пр.; падение спроса и цен на энергоносители и др. [Антинуччи 2021:56–64]. Многие секторы экономики и социальной сферы перешли на работу в дистанционном формате. Одновременно улучшилась экологическая ситуация (в част-

ности, снизилась концентрация парниковых газов).

Масштабность и новизна принятых мер, а также неопределенность перспектив борьбы с пандемией, поставили ряд вопросов, касающихся будущего правовых институтов и – в более общем плане – будущего существующей идеологической основы международного права. Многие из этих вопросов обсуждаются в рамках дискуссии, развернувшейся в западной правовой доктрине. Задача данной статьи – познакомить читателя с этой дискуссией.

2. Организация Объединенных Наций

ГА ООН² отреагировала на пандемию довольно общей Резолюцией 74/270 от 2 апреля 2020 г., в которой поддержала центральную роль ООН в борьбе с пандемией, отметила необходимость уважения прав человека, выразила соболезнования семьям и странам, признала медработникам, проявила оптимизм и т. п. СБ ООН, имеющий некоторый опыт признания эпидемий угрозой миру и безопасности³, отреагировал с задержкой, вызванной чувствительностью постоянных членов, прежде всего Китая, к данному вопросу⁴. Только 1 июля 2020 г. он принял Резолюцию 2532 (2020), в которой указал, что обстановка насилия и нестабильности в конфликтных ситуациях может усугублять пандемию, а пандемия, в свою очередь, может усугублять негативное воздействие конфликтов и угрожать поддержанию мира и безопасности. В этой связи он потребовал немедленного прекращения боевых действий во всех ситуациях, фигурирующих в его повестке, и призвал стороны конфликтов сделать гуманитарную

² Здесь и далее используются следующие сокращения: ГА ООН – Генеральная Ассамблея ООН; СБ ООН – Совет Безопасности ООН; ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения; ММСП – Международные медико-санитарные правила; ЧСЗМЗ – чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение; МС ООН – Международный Суд ООН; КМП – Комиссия международного права.

³ В Резолюции 2177 (2014) СБ ООН признал угрозой миру и безопасности вспышку вируса Эбола в Африке и призвал власти Либерии, Сьерра-Леоне и Гвинеи ускорить создание механизмов для борьбы с заболеванием, устранить его негативные социальные последствия; третьи государства – поддерживать транспортные связи и предоставить помощь пострадавшим странам; все государства – выполнять рекомендации ВОЗ. На принятие резолюции повлияли быстрое распространение вируса, высокая смертность, слабость национальных систем здравоохранения и угроза постконфликтному миростроительству в регионе. См.: Svicevic M. COVID-19 as a Threat to International Peace and Security: What place for the UN Security Council? – *EJIL Talk!* March 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-as-a-threat-to-international-peace-and-security-what-place-for-the-un-security-council/> (accessed 26.04.2021). См. также Резолюцию СБ ООН 2439 (2018). Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/2439\(2018\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2439(2018)) (дата обращения: 26.04.2020).

⁴ Gupta S. UNSC won't discuss COVID-19; China blocks it with help from Russia, South Africa. – *Hindustan Times*. March 27, 2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/uns-won-t-discuss-covid-19-china-blocks-it-with-help-from-russia-south-africa/story-qLYgAv6DMtfzPxBaIO2kiO.html> (accessed 26.04.2021).

паузу как минимум на 90 дней, чтобы обеспечить доставку гуманитарной помощи и медицинскую эвакуацию⁵.

Принятие Резолюции подняло вопрос о возможных формах реакции СБ ООН (помимо обычных требований прекращения огня, предоставления гуманитарных коридоров и пр.). Отмечается, что СБ ООН мог бы взять функцию глобальной координации и введения в обязательном порядке тех мер, которые ВОЗ может только рекомендовать: закрытие границ, оказание помощи, борьба с дезинформацией, распространение вакцины⁶.

Вместе с тем секьюритизация пандемии (т. е. ее описание в терминах права безопасности) была подвергнута критике: язык войны способствует проявлению этно-националистических чувств и подрывает дух сотрудничества; унижает индивидов, которые не подчиняются правилам; оживляет дискуссию об использовании технологий контроля и слежки; нормализует смерти («цена войны»); вводит ограничения; усиливает исполнительную власть, легализует и нормализует чрезвычайные меры. Применительно к пандемии метафора войны не предполагает ответственного субъекта – единственный выход состоит в признании таким субъектом природы в целом, что, в свою очередь, усугубляет отчуждение от нее⁷.

Реакция главных органов ООН, таким образом, выглядит недостаточно четкой и эффективной, что связано как с непредвиденным характером угрозы, так и с недостаточностью существующего инструментария. Однако широкая

реформа ООН едва ли возможна в ближайшее время – этому препятствуют разногласия постоянных членов, в т. ч. и по вопросам борьбы с пандемией.

3. Всемирная организация здравоохранения

ВОЗ позиционировала себя как международный центр борьбы с вирусом. 30 января 2020 г. она объявила ЧСЗМЗ и рекомендовала следующие меры:

- 1) все страны должны принимать обоснованные решения; не рекомендуются ограничения на торговлю и поездки;
- 2) необходимо поддерживать страны со слабой системой здравоохранения;
- 3) необходимо ускорить разработку вакцин, лекарств и средств диагностики;
- 4) необходимо бороться с дезинформацией;
- 5) следует проанализировать планы обеспечения готовности, выявить пробелы и оценить ресурсы;
- 6) следует обеспечить обмен данными и опытом;
- 7) следует объединить усилия всех стран⁸.

11 марта ВОЗ объявила пандемию. 18-19 мая 2020 г. прошла сессия Ассамблеи ВОЗ в формате *online*, на которой 140 государств поддержали Резолюцию «Борьба с COVID-19». Ассамблея призвала активизировать усилия по борьбе с пандемией; обеспечить равный доступ к необходимым технологиям и устойчивое финансирование

⁵ По мнению автора, возможным нарушением Резолюции является операция Азербайджана по восстановлению контроля над Нагорным Карабахом, начавшаяся 27 сентября 2020 г. [Толстых 2021].

⁶ Pobjie E. COVID-19 as a threat to international peace and security: The role of the UN Security Council in addressing the pandemic. – *EJIL Talk!* July 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-as-a-threat-to-international-peace-and-security-the-role-of-the-un-security-council-in-addressing-the-pandemic> (accessed 26.04.2021).

⁷ Connolly C. War and the Coronavirus Pandemic. – *Third World Approaches to International Law Review*. April 9, 2020. URL: <https://twailr.com/war-and-the-coronavirus-pandemic/#easy-footnote-bottom-6-2077> (accessed 26.04.2021); Cusato E. Beyond War Talk: Laying Bare the Structural Violence of the Pandemic. – *EJIL Talk!* May 3, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/beyond-war-talk-laying-bare-the-structural-violence-of-the-pandemic> (accessed 26.04.2021); Schwobel-Patel Ch. We don't need a war against coronavirus. We need solidarity. – *Aljazeera*. April 6, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/4/6/we-dont-need-a-war-against-coronavirus-we-need-solidarity> (accessed 26.04.2021); Tzouvala N. COVID-19, International law and the battle for framing the crisis. – *ILA Reporter*. March 25, 2020. URL: <http://ilareporter.org.au/2020/03/covid-19-international-law-and-the-battle-for-framing-the-crisis-ntina-tzouvala> (accessed 26.04.2021).

⁸ Всемирная организация здравоохранения: Заявление Генерального директора ВОЗ по итогам совещания Комитета ММСП по чрезвычайной ситуации в связи с новым коронавирусом (2019-nCoV). 30.01.2020. Доступ: [https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihr-emergency-committee-on-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9cc029781d4ce33ecd7b0292cee378d03508be32-1628600743-0-gqNtZGzNA2KjcnBsZQj6](https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihr-emergency-committee-on-novel-coronavirus-(2019-ncov)?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9cc029781d4ce33ecd7b0292cee378d03508be32-1628600743-0-gqNtZGzNA2KjcnBsZQj6) (дата обращения: 26.04.2021); Всемирная организация здравоохранения: Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. 29.06.2020. Доступ: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covid-timeline> (дата обращения: 26.04.2020).

ВОЗ; признала роль широкой иммунизации от COVID-19 как глобального общественного блага; обратила внимание на воздействие инфекции на экономику и общество и обострение неравенства; поручила Генеральному директору принять меры по выявлению источника вируса и инициировать оценку мер по борьбе с COVID-19⁹.

Весной 2020 г. президент США Д. Трамп обвинил ВОЗ в запоздалой реакции, ошибочных рекомендациях и подконтрольности Китаю, пообещав закончить отношения с ней; в июле США уведомили ВОЗ о выходе (уведомление должно было вступить в силу через год); 20 января 2021 г. новый президент Дж. Байден отменил это решение¹⁰.

Отмечается, что пандемия проявила ряд недостатков, присущих ВОЗ:

- 1) зависимость от государств и недостаточная работа с частным сектором;
- 2) опора на инструменты «мягкого» права, отсутствие механизмов мониторинга и ответственности;
- 3) непрозрачность механизма принятия решений об объявлении ЧСЗМЗ и его дихотомичность (отсутствие промежуточных стадий между ЧСЗМЗ и нормой);
- 4) отсутствие методологии межотраслевого регулирования вопросов, связанных с безопасностью, торговлей, авиацией, правами человека, здравоохранением и пр.;
- 5) центральная роль Генерального директора и экспертов, собранных в комитеты;
- 6) неспособность ВОЗ обеспечивать политическую кооперацию (акцент на координации, т. е. оценке и принятии норм);
- 7) недостаточное и неравное финансирование: обязательные взносы покрывают 20 % бюджета ВОЗ и компенсируются добровольными взносами, что влечет неоправданное влияние

спонсоров (некоторых государств, американских неправительственных организаций и фармацевтических компаний).

В связи с этим предложения реформы ВОЗ направлены на повышение ее прозрачности, независимости, демократизма, финансовой самостоятельности; совершенствование механизмов оценки и мониторинга; расширение полномочий (например, за счет права контролировать соблюдение прав человека в период пандемии) [Alvarez 2020:578–587; Benvenisti 2020:588–597]¹¹. Некоторые из предложений были реализованы. В мае 2020 г. был создан фонд WHO-F в форме благотворительной организации по швейцарскому праву, с которым ВОЗ подписала соглашение об аффилиации. Фонд призван дополнять стратегию ВОЗ по мобилизации ресурсов, взаимодействуя с частными лицами и организуя компании по сбору средств. Фонд не вправе принимать средства от правительств, которые могут предоставлять их напрямую ВОЗ (исключения допускаются). Фонд не может принимать средства от табачной или оружейной индустрии. 70–80 % собранных средств поступают в ВОЗ для поддержки Общей программы работы (иными словами, цели финансирования определяются не донорами, а самой ВОЗ). Следствие этой меры – обособление ВОЗ от государств-членов; вопрос о степени влияния частных доноров остается открытым¹².

Широкая реформа ВОЗ, однако, в настоящее время представляется маловероятной, прежде всего, из-за того, что по ключевым вопросам нет консенсуса заинтересованных лиц.

4. Международные медико-санитарные правила

В соответствии со ст. 21(a) и 22 Устава ВОЗ Ассамблея здравоохранения вправе устанавли-

⁹ Villareal P.A. Pandemic Intrigue in Geneva: COVID-19 and the 73rd World Health Assembly. – *EJIL Talk!* May 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/pandemic-intrigue-in-geneva-covid-19-and-the-73rd-world-health-assembly> (accessed 26.04.2021).

¹⁰ Устав ВОЗ не содержит условий выхода, но в соответствии с оговоркой 1948 г. США вправе выйти из ВОЗ, уведомив ее за год и исполнив перед ней фискальные обязательства. См.: Burci G.L. The USA and the WHO: What has President Trump actually decided and what are its consequences?. – *EJIL Talk!* June 5, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-usa-and-the-world-health-organization-what-has-president-trump-actually-decided-and-what-are-its-consequences> (accessed 26.04.2021).

¹¹ См. также: Besson S. COVID-19 and the WHO's Political Moment. – *EJIL Talk!* June 25, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-and-the-whos-political-moment> (accessed 26.04.2021); Essawy R.M. The WHO: The Guardian of Human Rights during Pandemics?. – *EJIL Talk!* June 15, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-who-the-guardian-of-human-rights-during-pandemics> (accessed 26.04.2021).

¹² Aust H.Ph., Feihle P. "I want to break free": the WHO Foundation as an Experiment in the Financing of International Organisations. – *EJIL Talk!* October 14, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/i-want-to-break-free-the-who-foundation-as-an-experiment-in-the-financing-of-international-organisations> (accessed 26.04.2021).

вать правила, «направленные против международного распространения болезней», которые вступают в силу для государств-членов, не заявивших в течение указанного периода об отказе от их соблюдения. Основным документом являются ММСП 2005 г. (первая редакция – 1951 г.), содержащие ряд инноваций:

- 1) их сфера применения не ограничивается конкретной болезнью;
- 2) государства обязуются создать минимальный потенциал общественного здравоохранения;
- 3) они обязуются уведомлять ВОЗ о событиях, которые могут представлять собой ЧСЗМЗ;
- 4) ВОЗ вправе учитывать неофициальные сообщения;
- 5) Генеральный директор вправе объявить ЧСЗМЗ и принять временные рекомендации после учета мнения Комитета по чрезвычайной ситуации и др.;
- 6) государства могут принимать дополнительные меры, обеспечивающие более высокий уровень охраны, не более ограничительные, чем имеющиеся разумные альтернативы, и основанные на научных данных и рекомендациях ВОЗ; их обоснование должно быть сообщено ВОЗ, которая вправе попросить государство пересмотреть их.

Отмечаются следующие недостатки ММСП:

1. ММСП содержат общие обязательства *due diligence*¹³ и сотрудничества¹⁴; не закрепляют

механизмов мониторинга, принуждения и ответственности; судебная практика их применения отсутствует; их обязательность может ставиться под сомнение¹⁵.

2. Действующая система является бинарной: между ЧСЗМЗ и нормой нет промежуточных стадий; объявление ЧСЗМЗ является «актом политического символизма и медиа-безумия» (за 2009–2020 гг. ЧСЗМЗ объявлялась шесть раз), хотя его следствия остаются неясными (не считая права ВОЗ принимать рекомендации); это усугубляется дефицитом фактической базы в докладах комитетов.

3. Не ясен характер рекомендаций ВОЗ, размещаемых на ее сайте и адресованных частным лицам, медицинским учреждениям и работодателям¹⁶; фактически речь идет о попытке прямого регулирования в обход национальных правительств¹⁷.

4. В соответствии с ММСП ВОЗ должна получать информацию преимущественно от государств; ее возможности по использованию независимых источников информации и проведению самостоятельного расследования ограничены.

5. ММСП не закрепляют механизм эффективного сотрудничества ВОЗ и государств, а также ВОЗ и других организаций; аналогично они не закрепляют механизм устранения противоречий между ММСП и другими инструментами (ст. 57); на основании ст. 43 государства могут принять

¹³ *Due Diligence* – стандарт хорошего управления, который варьируется в зависимости от финансовых, человеческих и технических возможностей и серьезности ситуации и иногда применяется в сочетании с процедурными обязательствами результата (оценка риска и предоставление информации). Государства должны иметь минимальную инфраструктуру, позволяющую предотвратить, пресечь и возместить ущерб. Нормы *due diligence* должны соответствовать нормам международного права, например, принципу невмешательства. См.: Coco A., de Souza Dias T. *Due Diligence and COVID-19: States' Duties to Prevent and Halt the Coronavirus Outbreak. Part I.* – *EJIL Talk!* March 24, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/part-i-due-diligence-and-covid-19-states-duties-to-prevent-and-halt-the-coronavirus-outbreak> (accessed 26.04.2021)

¹⁴ По мнению А. Мирон, во время кризисов многостороннее сотрудничество является не обязательством поведения, а обязательством результата и единственным возможным ответом. См.: Miron A. *Port Denials and Restrictions in Times of Pandemic: Did International Law Lose its North Star?* – *EJIL Talk!* April 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/port-denials-and-restrictions-in-times-of-pandemic-did-international-law-lose-its-north> (accessed 26.04.2021).

¹⁵ Согласно ст. 54 государства и Генеральный директор представляют Ассамблее доклады об осуществлении ММСП, составленные на основе формальных индикаторов (человеческие ресурсы, лаборатории, правовые и финансовые рамки и пр.). Доклады не проверяются, по их поводу не организуются дебаты, визиты на место или прямые переговоры. См.: Bartolini G. *Are You Ready for a Pandemic? The International Health Regulations Put to the Test of Their 'Core Capacity Requirements'.* – *EJIL Talk!* June 1, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/are-you-ready-for-a-pandemic-the-international-health-regulations-put-to-the-test-of-their-core-capacity-requirements> (accessed 26.04.2021).

¹⁶ См., например: Всемирная организация здравоохранения: Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19). Доступ: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 26.04.2021).

¹⁷ Основанием может быть ст. 13 (предполагающая, однако, просьбу государств) или концепция подразумеваемых полномочий.

дополнительные ограничительные меры, на которые ВОЗ не может повлиять [Benvenisti 2020: 588–597]¹⁸.

Несовершенство ММСП стало одной из причин, в силу которых ведущую роль в борьбе с пандемией играют национальные инструменты, выступающие не в качестве дополнительных по отношению к ММСП, а в качестве основных. Государства, в частности, широко использовали полномочия, закрепленные в ст. 43 (принятие дополнительных мер). Одним из возможных способов решения проблемы может быть также принятие универсальной конвенции [Батырь 2020: 106–123]. Реформа механизма реагирования, таким образом, предполагает не только совершенствование положений ММСП, но и улучшение координации между внутригосударственными и международными структурами.

5. Вопрос об ответственности Китая

Некоторые государства и СМИ обвинили Китай в запоздалой реакции и сокрытии информации. Утверждается, что первый случай заболевания был обнаружен 8 декабря 2019 г. (или даже 17 ноября), но только 31 декабря власти сообщили о пневмонии в офис ВОЗ. При этом они не сослались на дискуссию с участием врача центральной больницы Уханя Ли Вэньляня (*Li Wenliang*) и запретили ему (а потом и другим врачам) делать публичные заявления. В конце января 2020 г. они ужесточили цензуру и, похоже, занижали число инфицированных. В декабре 2019 г. китайские власти заявили, что вирус не передается от человека к человеку и речь идет о сезонной вспышке простуды (признали такую возможность только 20 января, хотя 9 января умер пациент, заразившийся от своей жены). Только 14 февраля Китай сообщил ВОЗ о заражении 1700 медработников.

Был закрыт рынок морепродуктов в Ухане, но не запрещена торговля дикими животными. В январе Китай без объяснений отверг предложение помощи со стороны ВОЗ и США. По мнению университета Саутгемптона, если бы Китай отреагировал на 1-2-3 недели раньше, число зараженных снизилось бы на 66–86–95 %. Наконец, США обвинили Китай в том, что вирус был создан Уханьским институтом вирусологии.

Утверждается, что Китай нарушил ст. 6 ММСП, требующую уведомлять ВОЗ о событиях, которые могут представлять ЧСЗМЗ, в течение 24 часов после оценки информации, и сообщать о принятых ответных мерах, а после уведомления – предоставлять ВОЗ своевременную и точную информацию; а также нарушил ст. 7, обязывающую предоставлять ВОЗ информацию о неожиданном или необычном событии, которое может создать ЧСЗМЗ. Как результат, Китай должен нести ответственность, и к нему могут быть применены контрмеры (исключение из организаций, приостановление воздушного сообщения, запрет трансляции китайских каналов)¹⁹. Дополнительно можно сослаться на нарушение Китаем положений Устава ВОЗ:

- 1) ст. 21 и 22 (право ВТО принимать правила) – нарушение ММСП можно считать нарушением этих статей;
- 2) ст. 64 (предоставление статистических и эпидемиологических докладов) – нарушение ст. 6 и 7 ММСП можно считать нарушением ст. 64;
- 3) ст. 63 (государство должно сообщать ВОЗ о докладах и статистических данных, опубликованных в нем), проблема, однако, в том, что предоставляться должны только опубликованные доклады;
- 4) ст. 37 (запрет влиять на персонал ВОЗ) – можно утверждать, что, утаив информацию, Китай пытался добиться поддержки ВОЗ²⁰.

¹⁸ См. также: Burci G.L. The Outbreak of COVID-19 Coronavirus: are the International Health Regulations fit for purpose? – *EJIL Talk!* February 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-outbreak-of-covid-19-coronavirus-are-the-international-health-regulations-fit-for-purpose> (accessed 26.04.2021); Lee T.L. Why the WHO is failing and how to fix it. – *EJIL Talk!* May 29, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/why-the-who-is-failing-and-how-to-fix-it> (accessed 26.04.2021); Lee J. IHR 2005 in the Coronavirus Pandemic: A Need for a New Instrument to Overcome Fragmentation? – *ASIL Insights*. June 12, 2020. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/16/ihr-2005-coronavirus-pandemic-need-new-instrument-overcome-fragmentation> (accessed 26.04.2021).

¹⁹ Introvigne M. Coronavirus: CCP Beware, the Lawyers Are Coming. – *Bitter Winter. Magazine on Religious Liberty and Human Rights*. March 25, 2020. URL: <https://bitterwinter.org/coronavirus-ccp-beware-the-lawyers-are-coming> (accessed 26.04.2021); Kraska J. China is Legally Responsible for COVID-19 Damage and Claims Could be in the Trillions. – *War on the Rocks*. March 23, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/03/china-is-legally-responsible-for-covid-19-damage-and-claims-could-be-in-the-trillions> (accessed 26.04.2021); Regalado Bagares R. China, International Law, and COVID-19. – *Inquirer.net*. March 22, 2020. URL: <https://opinion.inquirer.net/128226/china-international-law-and-covid-19> (accessed 26.04.2021).

²⁰ Tzeng P. Taking China to the ICJ over COVID-19. – *EJIL Talk!* April 2, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/taking-china-to-the-international-court-of-justice-over-covid-19> (accessed 26.04.2021).

Встречная аргументация состоит в следующем: Китай выполнил обязательства *due diligence*, что подтверждается ВОЗ²¹. В декабре 2019 г. чиновник провинции Хубэй доктор Янь Жиксиан (*Zhang Jixian*) обнаружила три случая пневмонии; 27 декабря она сообщила об этом в госпиталь; 31 декабря власти сделали публичное заявление, направили в Ухань группу экспертов и уведомили ВОЗ; 3 января они сообщили ВОЗ и другим странам о неизвестной пневмонии. 11 января Китайский центр по контролю над заболеваниями разместил на своем сайте геномную расшифровку вируса; 20 января доктор Жонгнаншан (*Zhongnanshan*) заявил о возможности передачи вируса от человека к человеку. 23 января был объявлен локдаун в Ухане, 25 января – в провинции Хубэй, позднее – в других регионах. Китай не причастен к появлению вируса; из первых 40 пациентов большая часть посещала уханьский рынок морепродуктов. Абсурдно требовать от Китая полной информации о вирусе спустя несколько дней после его обнаружения; в такой ситуации государство обязано лишь принимать меры для установления природы вируса. Цензура была обоснованной, т. к. паника могла способствовать распространению вируса и затруднить реагирование; международное право разрешает ограничивать свободу слова, если это необходимо для обеспечения общественного порядка и здоровья (ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах).

Даже если Китай не выполнил свои обязательства, причинно-следственная связь между этим невыполнением и пандемией не доказана, т. к. другие государства и организации реагировали с большей задержкой, а многие не выполнили рекомендаций ВОЗ, касавшихся диагностики, индивидуальной защиты, карантина и др. Ст. 39 Статей КМП об ответственности государств за

международно-противоправные деяния 2001 г. устанавливает, что при определении возмещения учитывается усугубление вреда действием или бездействием потерпевшего. В Решении по делу «Габчиково – Надьмарош» от 25 сентября 1997 г. МС ООН указал: «Пострадавшее государство, не принявшее необходимые меры для ограничения понесенного ущерба, не имеет права требовать компенсации за тот ущерб, который мог быть предотвращен» (п. 80).

ВОЗ объявила ЧСЗМЗ только 30 января 2020 г. США с большим опозданием приступили к тестированию, Италия ввела локдаун, когда количество смертей превысило тысячу, Великобритания попыталась реализовать концепцию «коллективного иммунитета» (хотя потом отказалась от нее). Многие государства монополизировали производство вакцины и запретили экспорт защитного оборудования, нарушив тем самым обязательство сотрудничества. Сингапур и Южная Корея, наоборот, должным образом использовали полученную от Китая информацию и справились с болезнью.

Даже если Китай ответственен за упущение, это не значит, что он должен выплатить компенсацию. В Решении по делу о геноциде (Босния против Сербии) от 26 февраля 2007 г. МС ООН счел, что, хотя Сербия не предупредила геноцид, она не обязана компенсировать ущерб (упущения делают возможными вредоносные события, но не порождают их). Иными словами, компенсация предполагает прямую причинную связь между упущением и последствиями (и, соответственно, высокий порог доказывания) [Creutz 2020:1–15]²². Возложение главной ответственности за пандемию на Китай имеет политическую подоплеку; западные СМИ намеренно нагнетают истерию и используют стратегию *naming and shaming*²³.

²¹ «Перед лицом ранее неизвестного вируса Китай развернул, пожалуй, самые амбициозные, гибкие и агрессивные меры по сдерживанию болезни в истории». См.: World Health Organization: Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). February 16-20, 2020. P. 16. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (accessed 26.04.2021).

²² См. также: Coco A., de Souza Dias T. Op. cit.; Essawy R.M. The Legal Duty to Cooperate amid COVID-19: A Missed Opportunity? – *EJIL Talk!* April 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-legal-duty-to-cooperate-amid-covid-19-a-missed-opportunity/> (accessed 26.04.2021); Guo Shuai. Don't bother suing China for COVID-19 before the ICJ. – *CGTN*. April 9, 2020. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202004/09/WS5e8ec46aa3105d50a3d15041.html> (accessed 26.04.2021); Lahmann H. Does China Really Owe the World Trillions of Dollars? – *Lawfare*. May 7, 2020. URL: https://www.lawfareblog.com/does-china-really-owe-world-trillions-dollars?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9070c1e90994fbb4fca7ed4516f7944a2e89b308-1628521801-0-ggNtZGzNAuKjcnBsZQcO (accessed 26.04.2021).

²³ Примером может служить заголовок в *Wall Street Journal*: «China Is the Real Sick Man of Asia». См.: Mead W.R. China Is the Real Sick Man of Asia. – *Wall Street Journal*. February 3, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677> (accessed 26.04.2021), а также Filder D. COVID-19 and International Law: Must China Compensate Countries for the Damage? – *EJIL Talk!* March 27, 2020. URL: <https://www.justsecurity.org/69394/covid-19-and-international-law-must-china-compensate-countries-for-the-damage-international-health-regulations> (accessed 26.04.2021).

В силу целого ряда причин вопрос об ответственности Китая не будет перенесен в практическую плоскость. Его обсуждение, однако, является стимулом для развития доктрины и политической риторики, связанной с противодействием пандемии.

6. Общие вопросы ответственности

Общими основаниями ответственности – не только Китая, но и других государств – являются обязательства *due diligence*. Принцип *непричинения вреда* требует от государств не использовать и не позволять использовать свою территорию для причинения вреда другому государству или находящимся на ней лицам. Он был сформулирован в Решениях арбитражного суда по делу *Trail Smelter* от 16 апреля 1938 г. и 11 марта 1941 г. и Статьях КМП о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 г. Для исполнения этой обязанности государство должно проводить мониторинг, оценку риска, принимать законодательные, административные и принудительные меры, осуществлять международное сотрудничество и др. *Право на жизнь* предполагает не только пассивные, но и активные (позитивные) действия государства²⁴. *Право на здоровье* предполагает общие меры по формированию системы здравоохранения (ст. 12(1) Пакта об экономических, санитарных и культурных правах и некоторые региональные договоры)²⁵.

ММСП регулируют противодействие эпидемии: ст. 5 говорит об эпиднадзоре; ст. 13 – об ответных медико-санитарных мерах; ст. 24 – об операторах перевозок; ст. 32 – об обращении с лицами, совершающими поездку; ст. 34 – о контейнерах и др.

Защита людей в случаях бедствий предполагает международное сотрудничество, снижение риска, обеспечение защиты, ликвидацию последствий, обращение за помощью и защиту персонала (Статьи КМП о защите людей в случае бедствий 2016 г.).

В целом из пандемии можно вынести несколько уроков для права ответственности:

1. Следует рассматривать ответственность не как нарушение обязательства, а как причинение ущерба, в т. ч. незатронутым сторонам многосторонних обязательств и негосударственным акторам.

2. Следует уточнить толкование ст. 16 Статей 2001 г.: в частности, определить, требуется ли вина соучастника (или достаточно «знания»); стоит ли сохранять требование о двойном нарушении (с учетом того, что государства и организации могут быть связаны разными инструментами); распространяется ли ст. 16 на упущения, например, на случаи непредоставления информации²⁶.

3. Следует ограничить полную (*crippling* – калечащую) компенсацию, т. к. некоторые государства не способны возместить ущерб.

²⁴ В Замечании общего порядка № 36 Комитет по правам человека указал: «Обязанность по защите жизни также подразумевает, что государствам-участникам следует принимать соответствующие меры для улучшения общих условий в обществе, которые могут создавать прямые угрозы жизни или препятствовать лицам в пользовании их правом на жизнь с достоинством» (пар. 26). См.: Комитет по правам человека ООН: Замечание общего порядка №36 «Право на жизнь» (статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах) от 30 октября 2018 г. Доступ: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGb%2BWPAXhNI9e0rX3cJlmWwe%2FGBLmVz%2Fgg7RW0x5uh3lr%2B%2BS%2BIR%2B1XZLkiB2gQHBNvwhsysvB3A2nxGrQCLlY4AioEcel> (дата обращения: 26.04.2021).

²⁵ В Замечании общего порядка № 14 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам указал: «Предупреждение и лечение... болезней... предполагают подготовку информационно-профилактических программ..., а также улучшение социальных условий... Право на лечение включает создание системы неотложной медицинской помощи... Лечение заболеваний предполагает... усилия государств, которые направлены, в частности, на предоставление соответствующих технологий, проведение... эпидемиологического надзора и сбор данных..., разработку или совершенствование программ иммунизации...» (пар. 16). См.: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН: Замечание общего порядка № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) от 11 августа 2000 г. Доступ: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,CESCR,,,47ebcc3c2,0.html> (дата обращения: 26.04.2021).

²⁶ «Государство, которое помогает или содействует другому государству в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если: а) данное государство делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; и б) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данным государством». См.: Генеральная ассамблея ООН: Доклад Комиссии международного права. Шестидесятая сессия (5 мая - 6 июня и 7 июля - 8 августа 2008 года). С. 291. Доступ: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/63/10\(SUPP\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/63/10(SUPP)) (дата обращения: 26.04.2021).

4. Следует дополнить режим усугубленной ответственности: отказ от сотрудничества со странами, не пытающимися бороться с эпидемией, может рассматриваться как непризнание положения, сложившегося в результате серьезного нарушения (ст. 41 (2)); обязательство сотрудничать с целью положить конец нарушению (ст. 41 (1)) может отвратить от посягательств на международные институты.

5. Следует скорректировать определение обстоятельств, исключающих ответственность; в случае с необходимостью деяние может быть не «единственным», а лишь разумным путем защиты (ст. 25).

6. Следует уточнить правила возмещения ущерба, в частности, требование о наличии причинной связи между поведением и ущербом, возможность снижения размера компенсации (например, в ситуациях технической некомпетентности пострадавших государств).

7. Следует уточнить режим контрмер (ст. 49–53); контрмеры, основанные на неверной квалификации, сами являются нарушением [Paparinskis 2020:618– 626].

Формальная реформа права международной ответственности (например, через внесение изменений в Статьи об ответственности государств 2001 г.) в ближайшее время маловероятна, хотя она может быть осуществлена фактически – на уровне судебной практики и политической риторики. Проблема, однако, состоит в том, что пандемия если не парализовала, то затормозила функционирование международных судов; кроме того, консенсус по многим вопросам едва ли будет достигнут, во всяком случае, в ближайшее время.

7. Урегулирование споров

Основанием для обращения в МС ООН может выступать ст. 75 Устава ВОЗ, а в арбитраж – ст. 56 ММСП. Кроме того, отмечается возможность обращения в МС ООН на основании ст. 84 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. – истцы могут заявить о нарушении

ст. 14 Конвенции (предотвращение распространения болезней через средства воздушной навигации)²⁷. Обращение в международный суд, однако, выглядит бесперспективным. *Во-первых*, Устав ВОЗ закрепляет структуру самой организации и корпоративные обязательства государств, а не их материальные обязательства; обязательства же, закрепленные в ММСП, предполагают широкое усмотрение государств. *Во-вторых*, юрисдикция международных судов является добровольной [Вылегжанин, Зинченко 2018:6–32; Толстых 2015: 204–228; Толстых 2018:475], и Китай вряд ли согласится с ней. *В-третьих*, судебная практика применения ММСП отсутствует, что осложнит работу суда и сделает уязвимым любое вынесенное решение. *В-четвертых*, обе статьи требуют досудебного регулирования, которое, как наверняка будет утверждать ответчик, не состоялось. *В-пятых*, Китай может заявить о злоупотреблении правом, т. е. о попытке перенести в Суд широкий политический спор. *В-шестых*, доказательства нарушения Китаем его обязательств выглядят неубедительно²⁸. *В-седьмых*, подача соответствующего иска откроет «ящик Пандоры» и сделает возможными процессы в отношении всех стран, отреагировавших с опозданием.

В качестве альтернативы рассматривается консультативное производство, которое могло бы завершиться вынесением заключения по широкому кругу вопросов. Такое производство, однако, займет несколько лет, кроме того, неизвестно, поддержит ли запрос заключения ГА ООН или ВОЗ²⁹. Другой альтернативой является учреждение следственной комиссии, которая могла бы составить хронологию событий, квалифицировать глобальную и индивидуальную реакцию, систематизировать медицинские данные, оценить имеющиеся стратегии сдерживания, внести предложения по улучшению действующего права и институциональных механизмов, рассмотреть вопрос о торговых ограничениях, выработать рекомендации и пр. Такая комиссия могла бы быть учреждена СБ ООН, ГА ООН, Ге-

²⁷ Huremagić H., Kainz F. COVID-19, China and International Aviation Law: A ticket to The Hague?. – *EJIL Talk!* July 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-china-and-international-aviation-law-a-ticket-to-the-hague> (accessed 26.04.2021).

²⁸ Khubchandani M. Didn't even 'Bat' an Eyelid? A case at the ICJ to prevent China from re-opening wet markets in the wake of the COVID-19 furore. – *Bar and Bench*. April 4, 2020. URL: <https://www.barandbench.com/columns/policy-columns/did-not-even-bat-an-eye-china-a-case-at-the-icj-to-prevent-china-from-re-opening-wet-bat-markets-in-wake-of-the-covid-19-furore> (accessed 26.04.2021).

²⁹ Herdt de S. A Reference to the ICJ for an Advisory Opinion over COVID-19 Pandemic. – *EJIL Talk!* May 20, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/a-reference-to-the-icj-for-an-advisory-opinion-over-covid-19-pandemic> (accessed 26.04.2021).

неральным секретарем ООН, Советом по правам человека или ВОЗ; она также может быть учреждена за пределами имеющихся структур, т. е. *ad hoc*³⁰ [Андросова, Новикова 2021:134–150]. Данная идея была поддержана Австралией и Европейским союзом³¹.

Менее продуктивным выглядит обращение в национальные суды. В апреле 2020 г. штат Миссури предъявил иск к Китаю в суде США, утверждая, что недостаточная реакция китайских властей повлекла негативные экономические последствия для штата. Китай назвал иск абсурдным и сослался на принцип иммунитета, а некоторые эксперты заявили о связи данного иска с предстоящими выборами в США³².

В целом споры, порожденные пандемией или связанные с ней, не выглядят достигающими уровня угрозы международному миру и безопасности, а их передача в суды может отрицательно сказаться на эффективности международного сотрудничества в борьбе с пандемией. Судебное или любое иное формализованное разбирательство, тем не менее, могло бы стать эффективным средством уточнения режима борьбы с пандемией.

8. Права человека

Реагируя на пандемию, многие государства ограничили права человека. Так, Италия, наиболее пострадавшая от вируса, 23 февраля 2020 г. приняла декрет № 6, разрешивший правитель-

ству принимать меры, направленные на сдерживание вируса³³. На основании данного декрета были запрещены собрания; ограничено передвижение людей (за исключением покупки продуктов, посещения врачей и рабочей необходимости), полиция получила право останавливать пемемещающихся и требовать письменные объяснения; прекращена розничная торговля (за исключением продажи товаров первой необходимости), оказания банковских, финансовых и страховых услуг; закрыты рестораны, музеи, театры, парикмахерские, спортивные залы, школы и университеты; отменены спортивные и культурные мероприятия; запрещены религиозные и гражданские церемонии; ограничена работа церквей; приостановлены посещения тюрем; рекомендован перевод работников на удаленную работу или предоставление им оплачиваемого отпуска. Нарушение соответствующих правил было признано преступлением, наказуемым лишением свободы на срок до трех месяцев или штрафом до 206 евро (ст. 650 УК); лица, получившие положительный тест и не соблюдающие карантин, могли преследоваться в соответствии со ст. 438 или 452 (вплоть до пожизненного заключения)³⁴.

Некоторые страны не ограничились локальным: Испания национализировала частные больницы, Филиппины, США и ЕС рассмотрели такую возможность. Некоторые права не претерпели прямых ограничений, но их использование было серьезно затруднено. Отдельные ограниче-

³⁰ Becher M.A. Do We Need an International Commission of Inquiry for COVID-19? Part I. – *EJIL Talk!* May 18, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/do-we-need-an-international-commission-of-inquiry-for-covid-19-part-i> (accessed 26.04.2021); Becher M.A. Do We Need an International Commission of Inquiry for COVID-19? Part II. – *EJIL Talk!* May 18, 2020. <https://www.ejiltalk.org/do-we-need-an-international-commission-of-inquiry-for-covid-19-part-ii> (accessed 26.04.2021).

³¹ Worthington B. Marise Payne calls for global inquiry into China's handling of the coronavirus outbreak. – *ABC New*. April 19, 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-04-19/payne-calls-for-inquiry-china-handling-of-coronavirus-covid-19/12162968> (accessed 26.04.2021).

³² Wolfe J. In a first, Missouri sues China over coronavirus economic losses. – *Reuters*. March 21, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-lawsuit/in-a-first-missouri-sues-china-over-coronavirus-economic-losses-idUSKCN2232US> (accessed 26.04.2021).

³³ См.: Decreto-legge 23 febbraio 2020, No. 6 "Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19". URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/02/23/20G00020/sg> (accessed 26.04.2021). Декрет ссылается на ст. 77 Конституции Италии: «В чрезвычайных ситуациях, связанных с необходимостью и неотложностью, правительство принимает, под свою ответственность, временные решения, имеющие силу закона, при этом оно обязано в тот же день представить их на утверждение в палаты...».

³⁴ Spadaro A. Do the containment measures taken by Italy in relation to COVID-19 comply with human rights law?. – *EJIL Talk!* March 16, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/do-the-containment-measures-taken-by-italy-in-relation-to-covid-19-comply-with-human-rights-law> (accessed 26.04.2021); Dzehtsiarou K. COVID-19 and the European Convention on Human Rights. – *StrasbourgObservers* March 27, 2020. URL: <https://strasbourgothers.com/2020/03/27/covid-19-and-the-european-convention-on-human-rights/#more-4563> (accessed 26.04.2021); Startceva O. The Right to a Fair Trial in the Context of COVID-19 in Russia. – *Legal Dialogue*. May 28, 2020. URL: <https://legal-dialogue.org/the-right-to-a-fair-trial-in-the-context-of-covid-19-in-russia> (accessed 19.03.2021).

ния были подвергнуты критике. Так, после введения Индией локдауна, включавшего отмену перевозок, огромное число мигрантов было вынуждено добираться до дома пешком, возникла угроза голода. В некоторых странах власти использовали пандемию как повод для преследования оппонентов [Benpoune 2020:666–676].

Генеральный секретарь ООН А. Гутеррес в Докладе «COVID-19 and Human Rights: we are all in this together» (апрель 2020 г.) поставил права человека в центр глобального ответа на пандемию и сформулировал шесть приоритетов:

1. Необходимо учитывать не только вопросы здравоохранения, но также экономическое и социальное воздействие.

2. Вирус не дискриминирует, но его воздействие дискриминирует, поэтому необходим инклюзивный ответ.

3. Каждый должен быть вовлечен в открытый, прозрачный и подотчетный ответ.

4. Угрозой является вирус, а не люди; чрезвычайные меры должны быть временными, пропорциональными и направленными на защиту людей.

5. Ни одна страна не должна бороться в одиночку: глобальные угрозы требуют глобального ответа.

6. Когда мы справимся, мы должны стать лучше, чем были до этого.

В конце доклада был сделан ряд общих рекомендаций³⁵. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека призвало к тому, чтобы меры сдерживания учитывали права человека, и сделало ряд заявлений, призывающих снизить влияние COVID-19 на отдельные группы (меньшинства, ЛГБТ, инвалидов, африканцев и пр.)³⁶. 13 мая 2020 г. УВКПЧ приняло Руководство по COVID-19, в котором выделило наиболее острые угрозы и сформулировало общие

рекомендации (информировать население, смягчать воздействие, бороться с языком ненависти и пр.)³⁷. Эксперты ООН сформулировали стандарты борьбы с пандемией: чрезвычайные меры должны объявляться публично; о них должно быть также сообщено в договорные органы; чрезвычайное положение не должно быть предлогом для репрессий; ограничения не должны вводиться с целью подавления инакомыслия; они должны иметь узконаправленный характер и быть как можно менее жесткими; в тех странах, где эпидемия идет на спад, власти должны помочь людям вернуться к нормальной жизни³⁸. *Неправительственные организации* также сформулировали свои предложения³⁹. Для борьбы с кризисом были созданы новые инструменты защиты: *Human Rights Measurement Initiative Rights Tracker*, *COVID 19 Disability Rights Monitor* и др.

Комментаторы отмечают недостаточность реакции международных и национальных структур:

1) составляемые документы часто носят общий характер;

2) механизмы мониторинга действий властей отсутствуют, как и механизмы возмещения ущерба;

3) авторитарные режимы используют пандемию для консолидации власти и преследования оппонентов (Сальвадор, Бангладеш, Китай, Южный Судан);

4) некоторые государства не способны принимать меры сдерживания (например, Бангладеш – обеспечить социальное дистанцирование);

5) некоторые государства ссылаются на ст. 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах для оправдания мер, затрагивающих обязательства недискриминации, прогрессивной реализации и т.д. (нарушая принцип

³⁵ UN: COVID-19 and Human Rights We are all in this together. April, 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_policy_brief_on_human_rights_and_covid_23_april_2020.pdf (accessed 26.04.2021).

³⁶ COVID-19 и правозащитные аспекты. Доступ: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/COVID-19.aspx> (дата обращения: 26.04.2021).

³⁷ OHCHR: COVID-19 Guidance. May 13, 2020. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/COVID-19_Guidance.pdf (accessed 26.04.2021).

³⁸ COVID-19: Эксперты ООН заявили, что государства не должны злоупотреблять чрезвычайными мерами для ограничения прав человека. Доступ: <https://www.ohchr.org/ru/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25722&LangID=r> (дата обращения: 26.04.2021).

³⁹ Human Rights Dimensions of COVID-19 Response. – *Human Rights Watch*. March 19, 2020. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/03/19/human-rights-dimensions-covid-19-response#> (accessed 26.04.2021); COVID-19: How human rights can help protect us. – *Amnesty International*. March 20, 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/03/coronavirus-how-human-rights-help-protect-us> (accessed 26.04.2021); Corruption and Coronavirus. – *Transparency International*. March 18, 2020. <https://www.transparency.org/en/news/corruption-and-the-coronavirus> (accessed 26.04.2021).

предосторожности (*precaution*), применимый по аналогии) [Desierto 2016:241–276]⁴⁰.

Пандемия также поставила вопросы, связанные с дезинформацией (которая препятствует доступу к правдивой информации и может квалифицироваться как нарушение свободы слова)⁴¹; ответственностью корпораций⁴²; сравнительными преимуществами демократических и тоталитарных режимов⁴³; использованием мобильных приложений для отслеживания контактов⁴⁴; влиянием пандемии на рост гендерного насилия⁴⁵; дефицитом мер социальной поддержки⁴⁶. На более поздней стадии встал вопрос о принудительной вакцинации и выдаче иммунных паспортов, обладание которыми исключит лицо из сферы действия ограничений; данную меру рассматривают Чили, Германия, Италия, Великобритания и США. Проблема, однако, состоит в том, что, по мнению ВОЗ, наличие антител не гарантирует защиту против повторного инфицирования. Кроме того, введение иммунных паспортов предполагает искусственное разделение на тех, кто

может и не может участвовать в общественной жизни (т. е. дискриминацию, подрывающую право на здоровье), и может стимулировать людей заразиться вирусом (с тем чтобы в дальнейшем получить иммунный паспорт). В политическом плане оно снимает ответственность за борьбу с вирусом с правительств и может создавать предпосылки для коррупции⁴⁷.

Право прав человека является отраслью международного права, наиболее затронутой пандемией. Многие из вопросов, прежде всего, вопрос о пропорциональности принимаемых мер, остаются открытыми; их решение будет иметь огромное значение для будущего международного права.

9. Отступление от правозащитных обязательств

Возможность временного отступления от правозащитных обязательств в чрезвычайной ситуации предусмотрена в ст. 15 Европейской кон-

⁴⁰ См. также: Desierto D. Calibrating Human Rights and Necessity in a Global Public Health Emergency: Revive the UN OHCHR's ICESCR Compliance Criteria. – *EJIL Talk!* March 26, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/calibrating-human-rights-and-necessity-in-a-global-public-health-emergency-revive-the-un-ohchrs-icescr-compliance-criteria> (accessed 26.04.2021); Desierto D. The Myth and Mayhem of 'Build Back Better': Human Rights Decision-Making and Human Dignity Imperatives in COVID-19. – *EJIL Talk!* May 25, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-myth-and-mayhem-of-build-back-better-human-rights-decision-making-as-the-human-dignity-imperative-in-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁴¹ М. Миланович пишет, что дезинформация, вызывающая негативные последствия, может быть ограничена в соответствии с принципом пропорциональности, если она не может быть преодолена распространением правды (отрицание Холокоста). Примеры в контексте здравоохранения: отрицание присутствия вируса (Никарагуа, Туркмения); продвижение неэффективных лекарств (так, президент ЮАР Табо Мбеки заявил, что лучшим лекарством от СПИДа является свекольный сок, лимон и чеснок, что привело к смерти более 300 тыс. человек; а президент Д. Трамп продвигал как лекарство от COVID-19 антималярийный препарат гидроксихлорохин, имеющий серьезные побочные эффекты). См.: Milanovic M. Viral Misinformation and the Freedom of Expression. Part I. – *EJIL Talk!* April 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/viral-misinformation-and-the-freedom-of-expression-part-i> (accessed 26.04.2021); Milanovic M. Viral Misinformation and the Freedom of Expression. Part II. – *EJIL Talk!* April 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/viral-misinformation-and-the-freedom-of-expression-part-ii> (accessed 26.04.2021).

⁴² Hughes J. et al. Corporate Human Rights Due Diligence in times of COVID-19. – *EJIL Talk!* July 30, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/corporate-human-rights-due-diligence-in-times-of-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁴³ Kavanaugh M.M. Authoritarianism, outbreaks, and information politics. – *Lancet*. February 13, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30030-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30030-X). URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(20\)30030-X/fulltext#%20](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(20)30030-X/fulltext#%20) (accessed 26.04.2021).

⁴⁴ Staehelin B., Aptel C. COVID-19 and contact tracing: a call for digital diligence. – *ReliefWeb*. May 15, 2020. URL: <https://reliefweb.int/report/world/covid-19-and-contact-tracing-call-digital-diligence> (accessed 26.04.2021); Siatitsa I., Kouvakas I. Indiscriminate Covid-19 location tracking (Part I): Can pandemic-related derogations be an opportunity to circumvent Strasbourg's scrutiny?. – *StrasbourgObservers*. May 5, 2020. URL: <https://strasbourgothers.com/2020/05/04/indiscriminate-covid-19-location-tracking-part-i-necessary-in-a-democratic-society> (accessed 26.04.2021).

⁴⁵ Jang B., Farise K. Gender Based Violence during the COVID-19 Pandemic and economic, social and cultural rights. – *OpinioJuris*. April 23, 2020. URL: <https://opiniojuris.org/2020/04/23/gender-based-violence-during-the-covid-19-pandemic-and-economic-social-and-cultural-rights> (accessed 26.04.2021).

⁴⁶ Kurolova D., Sivaprakasam D. The Right to Social Security: Navigating the Narrow Passage Between Virus Suppression and Economy Resuscitation. – *OpinioJuris*. May 12, 2020. URL: <http://opiniojuris.org/2020/05/12/the-right-to-social-security-navigating-the-narrow-passage-between-virus-suppression-and-economy-resuscitation> (accessed 26.04.2021).

⁴⁷ Phelan A.L. COVID-19 immunity passports and vaccination certificates: scientific, equitable, and legal challenges. – *Lancet*. 04.05.2020. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)31034-5/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)31034-5/fulltext) (accessed 26.04.2021).

венции 1950 г.⁴⁸ и ст. 4 Пакта о гражданских и политических правах⁴⁹; некоторые права при этом не могут быть ограничены (в частности, закрепленные в ст. 2, 3, 4 (1) и 7 Конвенции). Ст. 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах закрепляет возможность большего ограничения «с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе»⁵⁰. Конвенция и Пакты также допускают ограничения отдельных прав в интересах национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния, предотвращения беспорядков, охраны здоровья или нравственности и защиты прав и свобод других людей. Ограничения могут рассматриваться как гарантия права на здоровье (отсюда – необходимость оценки и поддержания баланса между различными правами). Ограничения должны быть установлены законом и соответствовать

преследуемым целям (принцип пропорциональности).

Ряд государств использовали ст. 15 Европейской конвенции и заявили об отступлении (Албания, Армения, Эстония, Грузия, Латвия, Молдавия, Северная Македония, Румыния, Сан-Марино, Сербия), как правило, со ссылкой на Заявление ВОЗ от 11 марта 2020 г.; позднее они отменили ограничения⁵¹. Извещения обычно направлялись министром иностранных дел или другим политическим представителем. В деле «BP v Surrey County Council & Anor», однако, извещение было направлено судьей⁵²; доктрина подвергла это решение критике⁵³. Отмечается дефицит механизмов для мониторинга режима отступлений: ЕСПЧ не приспособлен для этого, в связи с чем необходимо усилить роль Комиссара Совета Европы по правам человека,

⁴⁸ «1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств... 3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон... исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря СЕ о введенных ею мерах и о причинах их принятия...».

⁴⁹ В Замечании общего порядка № 29 (2001) Комитет по правам человека объяснил условия применения ст. 4 и, в частности, указал, что «государствам-участникам надлежит представить подробное обоснование не только их решения объявить чрезвычайное положение, но и любых конкретных мер, вытекающих из такого решения» (п. 5). См.: Комитет по правам человека ООН: Замечание общего порядка №29 «Отступление от прав в связи с чрезвычайным положением» (ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах) от 24 июля 2001 г. Доступ: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom29.html> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵⁰ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в 2013 г. подготовил Доклад о мерах жесткой экономии и экономических и социальных правах (*Report on austerity measures and economic and social rights*), в котором указал: «Когда меры строгой экономии выражаются в регрессивных шагах, затрагивающих реализацию или имплементацию прав человека, бремя доказывания переходит на имплементирующее государство, которое должно предоставить обоснование таких регрессивных мер. Для обеспечения выполнения своих правозащитных обязательств, государство должно продемонстрировать: 1) наличие довлеющего государственного интереса; 2) необходимость, разумность, временный характер и пропорциональность мер строгой экономии; 3) исчерпание альтернативных или менее ограничительных мер; 4) недискриминационный характер предлагаемых мер; 5) защиту минимального основного содержания прав (*core content of rights*); 6) действительное участие всех затронутых групп и индивидов в процессе принятия решений» (п. 15). UN: Report on austerity measures and economic and social rights. URL: https://socialprotection-humanrights.org/wp-content/uploads/2016/06/E-2013-82_en.pdf (accessed 26.04.2021).

⁵¹ Zghibarta P. The Whos, the Whats, and the Whys of the Derogations from the ECHR amid COVID-19. – *EJIL Talk!* April 11, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-whos-the-whats-and-the-whys-of-the-derogations-from-the-echr-amid-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁵² 23 марта 2020 г. премьер-министр Великобритании заявил, что все люди должны по возможности оставаться дома, в связи с чем были отменены посещения домов престарелых. Дочь 83-летнего глухого мужчины, страдавшего болезнью Альцгеймера и проживавшего в доме престарелых, заявила ходатайство о том, чтобы в течение пандемии ему разрешили проживать с ней, и сослалась на нарушение ст. 5 и 8 Конвенции (совместно со ст. 14). Судья Хайден (Суд Англии и Уэльса по защите душевнобольных), однако, сочла, что от ст. 5 можно отступить на основании ст. 15 и заявила, что известит об отступлении Совет Европы. См.: England and Wales Court of Protection Decisions: BP v Surrey County Council & Anor. Case No. 1352489T. Judgment of 25 March 2020. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCOP/2020/17.html> (accessed 26.04.2021).

⁵³ Martin S. A Domestic Court's Attempt to Derogate from the ECHR on behalf of the United Kingdom: the implications of COVID-19 on judicial decision-making in the United Kingdom. – *EJIL Talk!* April 9, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/a-domestic-courts-attempt-to-derogate-from-the-echr-on-behalf-of-the-united-kingdom-the-implications-of-covid-19-on-judicial-decision-making-in-the-united-kingdom> (accessed 26.04.2021).

Генерального секретаря Совета Европы и Венецианской комиссии⁵⁴.

Ответ на вопрос, может ли государство, не направившее извещение, сослаться на отступление, не однозначен. В *First Cyprus Case*⁵⁵ Великобритания утверждала, что право на отступление не зависит от обязательства информировать другие государства в соответствии со ст. 15 (3). Европейская Комиссия по правам человека указала, что ст. 15 (3) не говорит о санкции за неполную информацию; если меры соответствуют ст. 15 (1,2), то они не становятся недействительными в отсутствие извещения; это, однако, не означает, что нарушение ст. 15 (3) во всех случаях не влечет недействительности или иной санкции. В деле «*Lawless v Ireland*»⁵⁶ Ирландия направила извещение, но заявитель утверждал, что оно было неполным, т. к. в нем не указывались некоторые детали. Кроме того, даже если информация была полной, государство не может сослаться на нее до ее опубликования в Ирландии. Комиссия сочла, что извещение было полным и соответствовало ст. 15 (3). Что касается внутреннего опубликования, то ст. 15 (3) требует только информирования Генерального секретаря (Решение от 30 августа 1958 г.). ЕСПЧ поддержал Комиссию (дело *Lawless v Ireland*). В деле *Cyprus v Turkey*⁵⁷ Комиссия указала, что ст. 15 требует принятия формального публичного акта (объявление военного или чрезвычайного положения); если он не принят, ст. 15 не применяется (неясно, является ли этот акт альтернативным извещению или же кумулятивным). В *Greek case*⁵⁸

Комиссия сочла, что Греция не выполнила ст. 15 (3), т. к. не известила Генерального секретаря о некоторых мерах и вызвавших их причинах и направила извещение с опозданием, но не стала определять последствия нарушения, т. к. отступление было признано недействительным (чрезвычайная ситуация не имела места). Таким образом, ЕСПЧ воздерживается от однозначного решения вопроса. Часть комментаторов полагает, что извещение является обязательным, т. к. оно позволяет отличить правомерное отступление от неправомерного ограничения и обеспечивает прозрачность и определенность [Полцин 2020:1–32; Полцин 2019:192–202]⁵⁹.

Данный вопрос до недавнего времени не имел принципиального значения, именно поэтому он не был прояснен в достаточной степени. В настоящее время соблюдение процедуры выглядит необходимой гарантией и условием соблюдения прав человека и одновременно – условием согласованности международного сотрудничества в области борьбы с пандемией. Практика, таким образом, должна быть переориентирована в сторону большей формализации отступлений (иными словами, государства должны сообщать компетентным органам о своих отступлениях от правозащитных обязательств, желательно с указанием причин). Инициатива такой формализации может исходить от самих правозащитных органов, например от Совета по правам человека ООН, либо даже от политических органов, например от Совета Безопасности ООН.

⁵⁴ Istrefi K. Supervision of Derogations in the Wake of COVID-19: a litmus test for the Secretary General of the Council of Europe. – *EJIL Talk!* April 6, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/supervision-of-derogations-in-the-wake-of-covid-19-a-litmus-test-for-the-secretary-general-of-the-council-of-europe> (accessed 26.04.2021).

⁵⁵ European Commission of Human Rights: Government of the Kingdom of Greece v. Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Application No. 176/56. Decision of 2 June 1956. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-142534&filename=001-142534.pdf> (accessed 26.04.2021).

⁵⁶ European Court of Human Rights: Case of Lawless v Ireland. Application No. 332/57. Judgment of 1 July 1961. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-57518%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57518%22]}) (accessed 26.04.2021).

⁵⁷ European Commission of Human Rights: Cyprus v Turkey. Applications nos. 6780/74, 6950/75. Report of the Commission dated July 10, 1976. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-142540.pdf> (accessed 26.04.2021).

⁵⁸ European Commission of Human Rights: Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v Greece. Applications nos. 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67. Decision of 31 May 1968. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Denmark_Norway_Sweden_Netherlands_v_Greece_1.pdf (accessed 26.04.2021).

⁵⁹ См. также: Holcroft-Emmes N. Derogating to Deal with COVID-19: State Practice and Thoughts on the Need for Notification. – *EJIL Talk!* April 10, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/derogating-to-deal-with-covid-19-state-practice-and-thoughts-on-the-need-for-notification> (accessed 26.04.2021).

⁶⁰ См.: COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 1, 2, 3, 4. Доступ: <https://iclr.ru/ru/research#sub3> (дата обращения: 26.04.2021).

10. Заключение

В целом доктрина справилась с задачей осмысления феномена пандемии: систематизировала и квалифицировала факты, обнаружила и сформулировала правовые проблемы, предложила их решения. Некоторые из этих квалификаций и решений бесспорны; другие могут быть предметом дискуссии. Отношение доктрины в основном было выражено в постах в интернет-блогах и статьях в онлайн-изданиях. Как правило, речь идет о небольших по объему текстах, авторы которых (часто молодые ученые) реагировали на конкретное событие и соответственно рассматривали один, сугубо практический аспект. Наиболее популярными площадками стали блог Европейского журнала международного права *EJIL:Talk!*, специализированный международно-

правовой блог *Opinio Juris* и электронное издание *Just Security*. Российские правоведы практически не приняли участие в дискуссии, хотя Центр международных и сравнительно-правовых исследований (Москва) подготовил четыре дайджеста западной прессы.

Большинство авторов осмыслили феномен пандемии в рамках действующей системы координат, т. е. применили существующие концепции и режимы и рассмотрели отступление государств от своих обязательств как подпадающее под различные исключения, предусмотренные этими режимами. Мало кто усомнился в целесообразности столь жесткой глобальной реакции и выступил с радикальной критикой; вместо этого были отмечены недостатки отдельных мер и высказаны предложения, направленные на повышение их эффективности.

Список литературы

1. Андросова А., Новикова Т. 2021. Проблемы и перспективы урегулирования споров в рамках Всемирной организации здравоохранения в свете пандемии COVID-19. – *Международное правосудие*. № 2. С. 134–150. DOI: 10.21128/2226-2059-2021-2-134-150
2. Антинуччи М. 2021. Право и экономика в контексте пандемии: ключевое дело ЕСПЧ «Марчелло Виола против Италии». – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. №1. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.77.1.056-064>
3. Батырь В.А. 2020. Разработка международной конвенции о борьбе с опасными инфекционными заболеваниями — требование современности. – *Lex Russica*. № 8. С. 106-123. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.106-123>
4. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. 2018. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6-32. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>
5. Полцин М. 2019. Юридизация чрезвычайного положения: ст. 15 ЕКПЧ и роль Европейского суда по правам человека (I). – *Дайджест публичного права*. Вып. 8. № 2. С. 192–202.
6. Полцин М. 2020. Юридизация чрезвычайного положения: ст. 15 ЕКПЧ и роль Европейского суда по правам человека (II). – *Дайджест публичного права*. Вып. 9. № 1. С. 1–32.
7. Толстых В.Л. 2015. *Международные суды и их практика*. М.: Международные отношения. 504 с.
8. Толстых В.Л. 2018. *Курс международного права*. М.: Проспект. 731 с.
9. Толстых В.Л. 2021. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе. – *Российский юридический журнал*. № 1. С. 83–102.
10. Alvarez J.E. 2020. The WHO in the Age of the Coronavirus. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue. 4. P. 578–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.70>
11. Benoun K. 2020. “Lest We Should Sleep”: COVID-19 and Human Rights. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 666–676. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.68>
12. Benvenisti E. 2020. The WHO—Destined to Fail?: Political Cooperation and the COVID-19 Pandemic. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 588–597. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.66>
13. Creutz K. 2020. China’s Responsibility for the COVID-19 Pandemic. An International Law Perspective. – *FIIA Working Paper*. No.115. 15 p. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2020/06/wp115_chinas-responsibility-for-the-covid-19-pandemic.pdf (accessed 26.04.2021).
14. Paparinskis M. 2020. The Once and Future Law of State Responsibility. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 618–626. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.60>
15. Desierto D. 2016. Austerity Measures and International Economic, Social, and Cultural Rights. – *Human Rights in Emergencies*. Ed. by E. Criddle. Cambridge University Press. P. 241-276. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316336205.010>

References

1. Alvarez J.E. The WHO in the Age of the Coronavirus. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue. 4. P. 578–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.70>
2. Androsova A., Novikova T. Problemy i perspektivy uregulirovaniya sporov v ramkakh Vsemirnoi organizatsii zdravookhraneniya v svete pandemii COVID-19 [World Health Organization’s dispute settlement in the light of the COVID-19 pandemic: problems and perspectives]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2021. No. 2. P. 134–150. (In Russ.). DOI: 10.21128/2226-2059-2021-2-134-150
3. Antinucci M. Pravo i ekonomika v kontekste pandemii: klyuchevoe delo ESPCh “Marchello Viola protiv Italii” [Law and Economy in the Context of the new pandemic Emergency: the ECHR leading case Marcello Viola v. Italy

- and the EU law]. – *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021. No. 1. P. 56– 64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.77.1.056-064>
4. Batyr V.A. Razrabotka mezhdunarodnoi konventsii o bor'be s opasnymi infektsionnymi zabolevaniyami — trebovanie sovremennosti [Development of an International Convention on the Control of Dangerous Infectious Diseases — Modern Requirement]. – *Lex Russica*. 2020. No. 8. P. 106–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.106-123>
 5. Bennoun K. "Lest We Should Sleep": COVID-19 and Human Rights. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 666–676. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.68>
 6. Benvenisti E. The WHO—Destined to Fail?: Political Cooperation and the COVID-19 Pandemic. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 588–597. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.66>
 7. Creutz K. China's Responsibility for the COVID-19 Pandemic. An International Law Perspective. – *FIIA Working Paper*. 2020. No. 115. 15 p. URL: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2020/06/wp115_chinas-responsibility-for-the-covid-19-pandemic.pdf (accessed 26.04.2021).
 8. Desierto D. Austerity Measures and International Economic, Social, and Cultural Rights. – *Human Rights in Emergencies*. Ed. by E. Criddle. Cambridge University Press. 2016. P. 241–276. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316336205.010>
 9. Paparinskis M. The Once and Future Law of State Responsibility. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 618–626. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.60>
 10. Poltsin M. Yuridizatsiya chrezvychainogo polozheniya: st. 15 EKPCh i rol' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka (I) [Legalization of the state of emergency: Art. 15 ECHR and the role of the European Court of Human Rights (I)]. – *Daidzhest publichnogo prava*. 2019. Issue. 8. No. 2. P. 192–202. (In Russ.)
 11. Poltsin M. Yuridizatsiya chrezvychainogo polozheniya: st. 15 EKPCh i rol' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka (II) [Legalization of the state of emergency: Art. 15 ECHR and the role of the European Court of Human Rights (II)]. – *Daidzhest publichnogo prava*. 2020. Issue 9. No. 1. P. 1–32. (In Russ.)
 12. Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnye sudy i ikh praktika* [International Courts and their Practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2015. 504 p. (In Russ.).
 13. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Treatise of International Law]. Moscow: Prospekt, Publ. 2018. 731 p. (In Russ.).
 14. Tolstykh V.L. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya konflikta v Nagornom Karabakhe [International legal qualification of the conflict in Nagorno-Karabakh]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2021. No. 1. P. 83–102. (In Russ.)
 15. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Yurisdiksiya Mezhdunarodnogo Suda OON: nekotorye teoreticheskie voprosy [The Jurisdiction of the International Court of Justice: some theoretical issues]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 4. P. 6–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>

Информация об авторе

Владислав Леонидович Толстых,

доктор юридических наук, доцент, научный руководитель Высшей школы права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

About the Author

Vladislav L. Tolstykh,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 15.04. 2021
Принята к публикации: 24.06.2021

Даниил Александрович ТУРЛАНОВ

Министерство экономического развития Российской Федерации
Пресненская наб., д. 10, стр. 2, Москва, 125039, Российская Федерация
daniil-turlanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1043-3347

Ирина Михайловна ТУРЛАНОВА

Российская таможенная академия
Комсомольский проспект, д. 4, Люберцы, 140015, Российская Федерация
irina-turlanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6890-1425

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. Государства – члены ЕАЭС передали на наднациональный уровень достаточно широкий перечень полномочий. При этом всесторонняя реализация указанных полномочий, прежде всего, в области внешней торговли, требует от институтов ЕАЭС соответствующей деятельности на международной арене. В связи с этим целью исследования является анализ международной правосубъектности Евразийского экономического союза (ЕАЭС), опыта Европейского союза по развитию международного сотрудничества, а также актуального состояния и перспектив международной деятельности ЕАЭС в торгово-экономической области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении данного исследования была проанализирована правовая база функционирования ЕАЭС, современные труды профильных специалистов, а также изучен опыт Европейского союза в сфере международного сотрудничества. В качестве методологической основы были использованы такие общенаучные методы исследования, как ана-

лиз, синтез, индукция, дедукция, а также аналогия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Успешное развитие внешнеторговой деятельности государств – членов ЕАЭС зависит от того, насколько эффективной будет международная деятельность ЕАЭС в торгово-экономической области. Проведенное исследование показало, что в настоящее время реализация институтами ЕАЭС имеющихся полномочий на международной арене недостаточно эффективна, что имеет негативные последствия для решения государствами-членами задачи по развитию экспорта отечественной продукции и обеспечению доступа на перспективные зарубежные рынки. В связи с этим комплексно изучена соответствующая правовая база ЕС. В исследовании показано, что эффективность ЕС по продвижению своих интересов на международной арене, в т. ч. в области внешней торговли, обусловлена соответствующей настройкой правовой базы, позволяющей учесть интересы как ЕС, так и государств-членов. Использование такого опыта в

сочетании со спецификой евразийской интеграции позволит скорректировать правовую базу ЕАЭС в целях придания внешнеторговой политике Союза большей эффективностью.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В исследовании обоснован вывод о необходимости корректировки правовой базы международной деятельности ЕАЭС, в т. ч. с учетом изученного опыта Европейского союза. В частности, требуется делегирование органам ЕАЭС дополнительных полномочий, с тем чтобы Союз мог обладать большей самостоятельностью и гибкостью на международной арене. Это способно активизировать деятельность ЕАЭС, в т. ч. по заключению соглашений о создании зон свободной торговли (несмотря на имеющиеся международные соглашения ЕАЭС, масштаб активности Союза не сопоставим с показателями Европейского союза); создать условия для продви-

жения экспорта на рынки зарубежных стран; усилить позиции объединения как самостоятельного участника международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная правосубъектность, внешнеторговая политика, сотрудничество, Евразийский экономический союз, Европейский союз, экспорт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Турланов Д.А., Турланова И.М. 2021. Международно-правовые аспекты внешнеторговой политики Евразийского экономического союза. – Московский журнал международного права. №3. С. 63–77. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: [https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77)

Daniil A. TURLANOV

Ministry of Economic Development of the Russian Federation
10-2, Presnenskaya nab., Moscow, Russian Federation, 125039
daniil-turlanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1043-3347

Irina M. TURLANOVA

Russian Customs Academy
4, Komsomolsky prospect, Lyubertsy, Russian Federation, 140015
irina-turlanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6890-1425

Research article
Received 15 April 2021
Approved 24 June 2021

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION FOREIGN TRADE POLICY

INTRODUCTION. The Eurasian economic union (EAEU) institutions have a huge competence delegated by the EAEU Member-States. Effective implementation of such competence, especially in

foreign trade, entails relevant international activity of the EAEU institutions. In this connection the article analyses international capability of the EAEU, relevant experience of the European Union as well

as actual status and perspectives of the EAEU international activity in foreign trade.

MATERIALS AND METHODS. *The research is based on the analysis of the EAEU legislation, recent works of relevant researchers, experience of the European Union in respect of international cooperation. Methodological instruments are analysis, synthesis, deduction, induction and analogy.*

RESEARCH RESULTS. *Successful development of foreign trade activity of the EAEU Member-States depends on effectiveness of the EAEU international activity. The research shows that EAEU international activity in foreign trade is not as effective as it could be. This has a negative impact on foreign market accessibility for the EAEU Member-States goods. In view of the above a thorough research of appropriate EU legal base was conducted. It shows, that effectiveness of the EU in promotion of its interests on the international stage, including in the foreign trade, is based on relevant legal mechanisms, which allows to take into account both positions of the EU and its Member-States. Such experience with combination of the specific characters of Eurasian integration will help to make necessary amendments to the EAEU legal base to increase its effectiveness.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author makes conclusion on the necessity of amendments*

to the EAEU international activity legal base, with use of the researched European Union experience. In particular, the EAEU institutions need additional competence for more independence and flexibility at international level. This will improve the EAEU international activity, including conclusion of free trade agreements (regardless of concluded agreements of the EAEU, the scale of international activity of the EAEU is not comparable with the European Union's one), create conditions for export promotion, and help to strengthen the EAEU image as independent participant of international relations.

KEYWORDS: *International capability, foreign trade policy, cooperation, Eurasian economic union, European Union, export*

FOR CITATION: Turlanov D.A., Turlanova I.M. International legal aspects of the Eurasian Economic Union Foreign Trade Policy. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 63–77. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-63-77>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Архитектура мировой экономики претерпевает существенные изменения, в т. ч. под влиянием политических факторов, негативное воздействие от которых не всегда может быть нивелировано усилиями международных организаций, регулирующих международную торговлю.

Внешнеторговая политика Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) направлена на содействие устойчивому экономическому развитию государств-членов, диверсификации экономик, инновационному развитию, повышению объемов и улучшению структуры торговли и инвестиций, а также на дальнейшее развитие Союза как эффективного и

конкурентного интеграционного объединения в рамках глобальной экономики.

В ЕАЭС установлены единые условия доступа товаров на таможенную территорию Союза, а также проводится политика по обеспечению единого доступа производимых в ЕАЭС товаров на внешние рынки. Кроме того, Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) обеспечивает выполнение обязательств стран ЕАЭС, являющихся членами ВТО, в части полномочий, переданных на наднациональный уровень¹.

«Для нас в основе идеологии построения Большого евразийского пространства, в фундамент которого мы делаем свой вклад в форме торговых соглашений, лежит необходимость эволюционного, а не революционного подхода

¹ Евразийский экономический союз: цифры и факты за 2019 г. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3071-%D0%95%D0%AD%D0%9A%20%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0%20%D0%A6%D0%98%D0%A4_17.pdf (дата обращения 12.04.2021).

к интеграции рынка ЕАЭС в глобальную торговлю. Мы двигаемся поступательно, синхронизируя политику внешнеторговой открытости с появлением готовности у наших производителей воспользоваться возможностями доступа на внешние рынки», – констатировала бывший министр по торговле ЕЭК Вероника Никишина².

В связи с этим актуальным инструментом усиления международного присутствия ЕАЭС и развития международной торговли государств-членов является взаимодействие с зарубежными партнерами, в т. ч. посредством формирования соответствующей правовой базы. ЕАЭС активно взаимодействует в торгово-экономической сфере с третьими странами, другими интеграционными объединениями и международными организациями. При этом география контактов постоянно расширяется, несмотря на неустойчивость в международной торговле и обострение торговых конфликтов [Михайленко, Ильина 2020:146]. Международное сотрудничество ЕАЭС осуществляется в форме заключения торговых соглашений, меморандумов о сотрудничестве или взаимопонимании, а также посредством принятия решения Высшим Евразийским экономическим советом о предоставлении статуса государствам-наблюдателям.

ЕАЭС имеет Соглашение о создании зоны свободной торговли с Вьетнамом, Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Ираном, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, а также соглашения о свободной торговле с Сингапуром и Сербией.

«Страны ЕАЭС опасались, что наш экспорт останется на тех же объемах, что мы не сможем воспользоваться преимуществами открывающегося рынка» [Молчанова 2020:102], однако эти опасения не подтвердились. Указанные соглашения ЕАЭС приносят вполне осязаемый экономический результат. Это можно продемонстрировать на примере Вьетнама, с которым ЕАЭС заключил Соглашение о зоне свободной торговли 15 декабря 2014 г. Соглашение привело к изменению объемов и структуры российско-вьетнамского товарооборота [Бойцова, Федоренко, Митрофанова 2020:20].

На рис. 1 представлена динамика стоимостного объема экспорта товаров ЕАЭС во Вьетнам, импорта из данной республики и внешнеторговый оборот в целом. Снижение ставок импортного тарифа со стороны Вьетнама в соответствии с Соглашением коррелирует с возрастающим потоком экспортных поставок из ЕАЭС. 11 месяцев 2020 г. показывают положительную динамику экспорта, импорта и товарооборота после резкого уменьшения стоимостного объема товарооборота в 2019 г., обусловленного колебаниями макроэкономической конъюнктуры.

Дальнейшее углубление торгово-экономических связей с Вьетнамом позволит производителям и поставщикам стран ЕАЭС получить доступ к участию в уже налаженных производственно-бытовых связях в АТР [Лапенко 2017: 214]. Углубление торговых отношений с Тихоокеанским регионом для стран ЕАЭС имеет важное значение с точки зрения выхода на новые рынки сбыта, а также открывает возможности интеграции национальной промышленности наших стран в международные производственные цепочки, которые формируются или функционируют с участием этих стран.

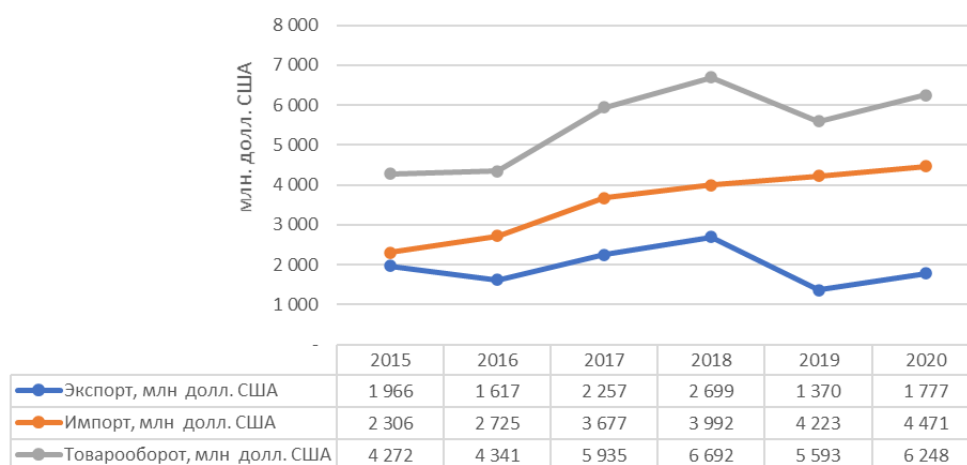
При этом необходимо учитывать, что торговые переговоры обычно влекут обмен «уступками» [Knobel et al. 2019], поэтому при всей привлекательности зарубежных рынков для экспортеров необходимо принять во внимание тот факт, что товары и инвестиции из третьих стран будут теснить производителей Союза на собственном рынке [Вардомский 2019:122]. Данный риск вполне реален, учитывая, что у относительно немногих отечественных производителей есть успешный опыт конкуренции с зарубежными поставщиками. Минимизации данного риска будет способствовать решение проблемы, касающейся экспортной конкурентоспособности товаров ЕАЭС [Ручкина, Шайдуллина 2019:137].

В связи с этим представляется обоснованной точка зрения, что для решения стратегических вопросов модернизации национальных экономик странам ЕАЭС необходимо углублять сотрудничество со странами АСЕАН, которые являются ядром технологического развития Тихоокеанского региона [Маркосян 2018:82].

² Пять лет Евразийскому экономическому союзу. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3057_%D0%95%D0%AD%D0%9A_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%202019.pdf (дата обращения 12.04.2021).

Рис. 1³

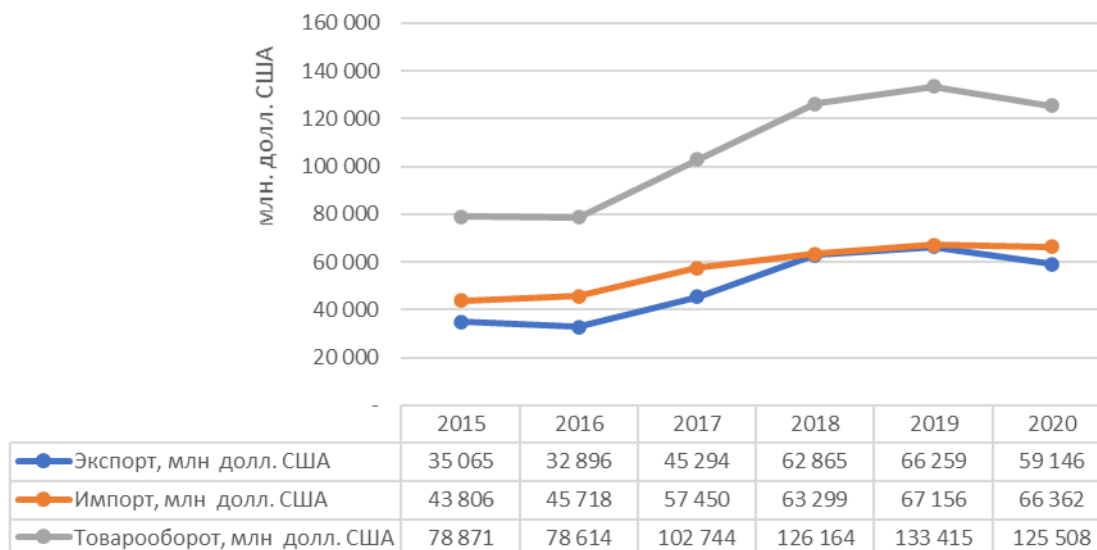
Динамика стоимостных объемов экспорта, импорта, товарооборота между ЕАЭС и Вьетнамом за период 2015–2020 гг., млн долл. США
Dynamics of the value of exports, imports, trade between the EAEU and Vietnam for the period 2015–November 2020, million US dollars

Положительную динамику показателей внешней торговли после заключения торгового соглашения также можно увидеть на примере торговли ЕАЭС с Китаем (рис. 2).

Рис. 2⁴

Динамика стоимостных объемов экспорта, импорта, товарооборота между ЕАЭС и Китаем за период 2015–2020 гг., млн долл. США
Dynamics of the value of exports, imports, trade between the EAEU and China for the period 2015–November 2020, million US dollars

Кроме того, сложилась практика заключения меморандумов о сотрудничестве или взаимопонимании, которые содействуют развитию торго-

во-экономических связей, выявлению и устранению барьеров в торговле. На сегодняшний день заключен ряд меморандумов с третьими стра-

³ Рис. 1 составлен авторами на основе данных интернет-портала Евразийской экономической комиссии. См.: ЕЭК: Статистика внешней и взаимной торговли товарами. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ Рис. 2 составлен авторами на основе данных интернет-портала Евразийской экономической комиссии. См.: ЕЭК: Статистика внешней и взаимной торговли товарами. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 12.04.2021).

нами (Куба, Таиланд, Бангладеш, Индонезия, Иордания, Молдавия, Перу, Чили, Сингапур, Фарерские острова и др.) и международными организациями (АСЕАН, Африканским союзом, Латиноамериканской экономической системой (ЛАЭС), Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР), СНГ и др.).

Таким образом, ЕАЭС всего подписано 8 меморандумов с региональными и интеграционными объединениями, 14 – с правительствами третьих стран, 11 – с министерствами и ведомствами третьих стран, 38 – с международными организациями и их подразделениями. Торговые соглашения подписаны с 5 странами⁵. Данная практика должна быть продолжена. При этом представляется справедливым утверждение, что активизации указанной работы могла бы способствовать внешнеполитическая координация государств – членов ЕАЭС [Ефимова 2020:11].

Помимо описанных выше международных контактов, имеются запросы на развитие связей в той или иной форме от других стран (Монголия, Египет, Израиль, Индия) и международных организаций (АТЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР). В целом интерес к различным форматам сотрудничества с ЕЭК проявили более 40 стран. С некоторыми из них подписаны меморандумы и работают совместные исследовательские группы [Цыганков 2014:240]. Это свидетельствует о растущей роли ЕАЭС в системе международных отношений и признании Союза как полноценного субъекта международных отношений.

Учитывая роль ЕС во взаимной торговле [Bukharitsina 2017:248], он мог бы стать потенциальным партнером ЕАЭС, что способствовало бы решению вопроса о снятии санкций. Данный подход видится вполне обоснованным, поскольку Европейскому союзу было бы сложно выстраивать партнерские торгово-экономические контакты одновременно с курсом на усиление санкционного давления. Однако реализация данного сценария значительно затруднена вследствие восприятия Европейским союзом ЕАЭС как организации, где Россия играет доминирую-

щую роль [Зуев 2020:65]. Данная оценка полностью отвечает реальному положению дел, т. к. доминирующая роль России ясно просматривается в свете ее экономического и политического лидерства в рамках интеграционных процессов в ЕАЭС.

Тем не менее, важным шагом при определении общих зон сотрудничества между ЕАЭС и ЕС стал заключенный в 2017 г. Меморандум о взаимодействии ЕЭК с Европейским комитетом по стандартизации (CEN) и Европейским комитетом по стандартизации в области электротехники (CENELEC) [Мешкова и др. 2019:15]. Меморандум предполагает создание рабочей группы и проведение регулярных консультаций и совместных мероприятий между государствами – членами ЕАЭС и государствами-партнерами, в ходе которых должно идти обсуждение широкого круга вопросов, переданных в компетенцию ЕЭК⁶. Это имеет большое значение не только с точки зрения развития торгово-экономических связей, но и для поддержания диалога с европейскими партнерами, значительно ограниченного в последнее время.

2. Опыт Европейского союза в реализации внешнеторговой повестки

Представляет интерес опыт Европейского союза (ЕС), обладающего международной правосубъектностью [Энтин 2009:20], в выстраивании своей международной деятельности по заключению торговых соглашений. Причем, помимо политической повестки, заключение торговых соглашений и их реализация направлены на получение ЕС существенных экономических дивидендов. При этом Генеральный директорат по торговле Европейской комиссии на ежегодной основе подготавливает и размещает на своем официальном сайте в сети Интернет отчеты о выполнении в истекшем году торговых соглашений. Такие отчеты сопровождаются детализированными обзорами, содержащими развернутый анализ влияния указанных торговых соглашений

⁵ Евразийский экономический союз: Цифры и факты 2020 – Торговля. Доступ: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B8%CC%86%20%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%BA%20-%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B%202020.pdf> (дата обращения 12.04.2021).

⁶ См.: Меморандум о взаимодействии ЕЭК с Европейским комитетом по стандартизации (CEN) и Европейским комитетом по стандартизации в области электротехники (CENELEC) от 21 июля 2017 г. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414244/ms_06072017. (дата обращения: 12.03.2021).

на торговлю и экономическое состояние торговых партнеров⁷.

Так, согласно Отчету Европейской комиссии о выполнении торговых соглашений ЕС в 2019 г. в ЕС применялись преференциальные соглашения с тремя азиатскими странами – Южной Кореей, Японией и Сингапуром. Эти соглашения помогают европейским компаниям обеспечивать свою конкурентоспособность на фоне недавно заключенных торговых соглашений третьих стран, например, Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, участниками которого являются Япония и Сингапур. Кроме того, соглашения ЕС с Сингапуром, членом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), являются «ключом» к целому региону, откуда европейский бизнес может распространять свое влияние на соседние страны.

Соглашение о свободной торговле ЕС с Южной Кореей, действующее 8 лет, дало экономике стран ЕС 4,4 млрд евро, а экономике Южной Кореи – 4,9 млрд евро, несмотря на трудности, вызванные посткризисным периодом и сниженным спросом в международной торговле⁸.

Международный опыт отчетливо демонстрирует, что одним из ключевых показателей эффективности любого регионального интеграционного объединения служит развитие системы торгово-экономических связей с зарубежными партнерами. Наличие развитой сети соглашений о свободной торговле с участием ЕС делает членство в ЕС выгодным для его государств-членов. Такие соглашения предполагают устранение или снижение тарифов на товары более чем 60 стран мира⁹. Заключение такого количества преференциальных торговых соглашений с отдельной страной, не входящей ни в одно из интеграционных объединений, представляется труднореализуемым [Королев, Малютина 2020:56]. В связи с этим полагаем, что развитие международной активности ЕАЭС, в т. ч. по заключению торговых соглашений, повысит интерес государств-членов

к интеграционному процессу.

Важной составляющей торговой политики ЕС является наличие утвержденной Торговой стратегии¹⁰, в которой изложены основные подходы к развитию внешней торговли. Так, заключаемые ЕС торговые соглашения должны предоставить европейскому бизнесу доступ к дешевым ресурсам, а также обеспечить надлежащий уровень конкурентоспособности на зарубежных рынках. Это, в свою очередь, ведет к экономическому росту, созданию рабочих мест и предоставляет потребителям широкий ассортимент продукции по более низким ценам.

Основными типами торговых соглашений ЕС являются:

- соглашения об образовании таможенного союза, которые устраняют таможенные пошлины во взаимной торговле и устанавливают единый таможенный тариф для иностранных поставщиков (такие соглашения заключены ЕС с Андоррой, Сан-Марино и Турцией);

- соглашения об ассоциации, стабилизационные соглашения, соглашения о зоне свободной торговли и экономическом партнерстве, которые устраняют или снижают таможенные пошлины во взаимной торговле (в данной категории следует отметить соглашения ЕС о создании зон свободной торговли с Южной Кореей, Вьетнамом, Сингапуром, приостановленные переговоры о заключении Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве с США, а также Соглашение между ЕС и ЕАСТ, куда входят Исландия, Норвегия и Лихтенштейн, о создании Европейского экономического пространства);

- соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которые обеспечивают общие рамки для взаимных экономических отношений и сохраняют таможенные пошлины на существующем уровне (такие соглашения являются правовой основой сотрудничества ЕС со странами постсоветского пространства, в частности с Россией-

⁷ См.: European Commission: Commission staff working document «Individual reports and info sheets on implementation of EU Free Trade Agreements». November 12, 2020. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/november/tradoc_159048.pdf (accessed 12.03.2021).

⁸ См.: European Commission: Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee of the regions on the Implementation of EU Trade Agreements 1 January 2019 - 31 December 2019. November 12, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements> (accessed 12.03.2021)

⁹ European Commission: Trade negotiations & agreements. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (accessed 12.03.2021).

¹⁰ European Commission: Trade Policy-making. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/policy-making/> (accessed 12.03.2021).

ской Федерацией, с которой заключено и до сих пор действует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.).

География торговых соглашений ЕС чрезвычайно широка. Согласно данным, размещенным на сайте Генерального директората по торговле Европейской комиссии, на сегодняшний день насчитывается 77 соглашений ЕС с различными странами и их объединениями по всему миру. Одновременно с этим 24 соглашения согласованы и вступают в силу после завершения необходимых внутригосударственных процедур, 5 соглашений находятся в стадии согласования, по 24 соглашениям переговоры приостановлены¹¹.

Кроме того, ЕС одновременно с государствами-членами представлен в международных организациях (Организация объединенных наций, Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирная таможенная организация, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.) и осуществляет на их площадках активную деятельность по продвижению как интересов объединения, так и входящих в его состав государств-членов. Например, Европейская комиссия представляет ЕС в Генеральном совете, а также вспомогательных органах ВТО. Целями такой деятельности Европейской комиссии являются:

- модернизация мировых торговых рынков в целях обеспечения преимуществ европейским товарам, услугам и инвестициям;
- обеспечение соблюдения членами ВТО общих правил организации;
- вовлечение развивающихся стран в ВТО, в процесс принятия решений, а также в международную торговлю в целом и др.

Следует обратить внимание, что перечисленные цели участия ЕС в ВТО полностью отвечают заложенной в Торговой стратегии ЕС продвижения продукции, производимой в ЕС, на зарубежные рынки, а также позволяют участвовать в выработке правил международной торговли, адаптируя их под свои и задачи.

При этом важно охарактеризовать порядок участия ЕС в ВТО. Так, Европейская комиссия получает разрешение от Совета ЕС на осуществление переговоров от имени ЕС. Европейская комиссия координирует переговорную позицию

с государствами – членами ЕС путем консультаций с Комитетом Совета ЕС по торговой политике. Кроме того, Европейская комиссия регулярно информирует о своей деятельности в рамках ВТО Комитет Европейского парламента по международной торговле.

После согласования текста соглашения в рамках ВТО Европейская комиссия перед подписанием такого соглашения должна получить одобрение Совета и Европейского парламента. Также Европейская комиссия при поддержке Совета ЕС инициирует и рассматривает жалобы в рамках ВТО, предлагает Совету ЕС ответные меры. При этом Европейская комиссия регулярно консультируется с другими заинтересованными сторонами, представляющими гражданское и деловое сообщество, по вопросам повестки ВТО¹².

В значительной степени описанная активность ЕС на международной арене, в т. ч. в области внешней торговли, обусловлена соответствующей настройкой нормативно-правовой базы, позволяющей учесть интересы как ЕС, так и государств-членов.

В соответствии со ст. 218 Договора о функционировании ЕС Совет ЕС санкционирует открытие переговоров, принимает директивы по их ведению, санкционирует подписание соглашений и заключает их. Для международных договоров в сфере торговой политики ст. 207 Договора о функционировании ЕС предусмотрены специальные положения. Согласно этим положениям Комиссия представляет рекомендации Совету, который разрешает ей открыть необходимые переговоры. Совету и Комиссии надлежит заботиться о том, чтобы подготавливаемые в ходе переговоров соглашения соответствовали внутренней политике и внутренним правилам Союза.

Приведенные и иные нормы Договора о функционировании ЕС свидетельствуют о том, что только институты ЕС принимают участие в заключении международных договоров ЕС в сфере торговли, государства – члены ЕС в этом процессе не принимают прямого участия. Такое участие возможно в опосредованном виде через участие в работе Совета ЕС.

¹¹ European Commission: Trade negotiations & agreements. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements/> (accessed 12.03.2021).

¹² European Commission: EU and WTO. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/eu-and-wto> (accessed 12.03.2021).

Необходимо отметить, что при выработке, а также изменении правовой базы внешнеторговой политики ЕС учитываются, помимо прочего, перспективы присоединения к ЕС новых государств, а также внешние факторы, такие как деятельность ВТО и общая политическая ситуация в мире [Prytula 2015:163]. При этом в обязательном порядке принимается во внимание мнение делового сообщества (что было продемонстрировано в ходе консультаций, проводимых Европейской комиссией по вопросам своей деятельности в рамках ВТО), а также представителей трудовых коллективов, профильных неправительственных организаций, которые осуществляют мониторинг торговой политики ЕС и вносят предложения по ее совершенствованию [Gstöhl, De Bievre 2018:52]. Такой подход имеет важное значение, поскольку позволяет вовлечь в указанную деятельность широкий круг участников, придавая ее результатам большую легитимность и в конечном итоге делая ее более эффективной.

При выстраивании внешнеторговой политики ЕАЭС опыт ЕС может быть полезным, учитывая, что модель ЕС была и остается образцом интеграции в ЕАЭС, основатели которого старались использовать лучшие европейские практики, адаптированные под особенности и реалии государств – членов ЕАЭС [Potemkina 2018:7]. Это представляется весьма эффективным, поскольку позволяет развивать интеграцию, накладывая проверенные правовые и организационные механизмы ЕС на сложившиеся на постсоветском пространстве интеграционные достижения.

3. Правовые основы международной деятельности ЕАЭС как инструмент реализации внешнеторговой политики

Несмотря на отдельные соглашения ЕАЭС с третьими странами, а также имеющийся запрос на развитие международных контактов Союза, торговые отношения членов ЕАЭС с зарубежными партнерами в основном регулируются на двустороннем уровне. При этом, несмотря на заключенные соглашения ЕАЭС о создании зон свободной торговли с Китаем, Вьетнамом, Ираном и Сингапуром, их экономическая ценность в любом случае ограничена, поскольку эти страны

не входят в число важнейших торговых партнеров Союза.

Продолжаются переговоры по преференциальным торговым соглашениям с другими партнерами – Израилем, Египтом. Однако нельзя не согласиться с тем, что и соглашения с ними не решат задач обеспечения стабильной внешней торгово-политической среды, ведь на долю этих стран приходится не более 3 % внешней торговли ЕАЭС [Медведков 2020:112].

Чтобы ЕАЭС быть более конкурентоспособным в переговорном процессе и обеспечить охват международной активности, сопоставимый с обширной сетью зон свободной торговли ЕС, необходима соответствующая настройка правовой базы ЕАЭС в области международного сотрудничества.

В связи с этим актуальным представляется вопрос, какие полномочия в области международного сотрудничества государства – члены ЕАЭС передали органам Союза и каким образом данные полномочия юридически оформлены. При этом важно убедиться, что ЕАЭС может проявить свою волю, которая не является простой суммой воли стран-участниц [Данильцев, Глазатова 2020:35].

Указанному вопросу посвящена ст. 7 Договора о Евразийском экономическом союзе¹³, согласно которой он имеет право осуществлять в пределах своей компетенции международную деятельность, направленную на решение стоящих перед ним задач. В рамках такой деятельности Союз уполномочен осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Таким образом, государства, передавшие те или иные полномочия органам Союза, ограничены в возможности заключения международных договоров в сфере переданных полномочий без участия соответствующих органов Союза.

Перечень компетенций государств, переданных в той или иной степени органам Союза, достаточно широк. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе это вопросы

¹³ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 12.04.2021).

внешнеторговой политики (таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, меры защиты внутреннего рынка); защита прав потребителей; вопросы валютной политики, конкуренции, энергетики, транспорта, промышленности, агропромышленного комплекса, естественных монополий, трудовой миграции и др. Однако, несмотря на право Союза заключать соглашения по всему комплексу указанных вопросов, из анализа соглашений, заключенных ЕАЭС¹⁴, следует, что они регулируют преимущественно вопросы торговли: ставки таможенных пошлин и сборов, порядок кодирования товаров, формальности, связанные с экспортом и импортом товаров, правила субсидирования в отношении товаров, лицензирования при импорте, меры торговой защиты, правила определения происхождения и др. Если в указанные соглашения включаются иные вопросы (например интеллектуальной собственности, государственных закупок, санитарных и фитосанитарных мер и другие), то только из-за того, что они содействуют развитию взаимной торговли.

Порядок осуществления Союзом международного сотрудничества, установленный решением Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 23 декабря 2014 г. № 99¹⁵, ограничивается порядком контактов официальных представителей и должностных лиц органов Союза с официальными представителями третьих государств, международных организаций и организационных объединений, участие в мероприятиях международного характера, в т. ч. в презентациях, конференциях и семинарах.

Из анализа этого порядка следует, что международные полномочия указанных должностных лиц Союза носят крайне ограниченный характер и осуществляются в координации с государствами – членами Союза с их последующим информированием о результатах такого сотрудничества.

Согласно п. 1 ст. 7 Договора о ЕАЭС вопросы заключения международных договоров Союза

с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза. Эти вопросы урегулированы Соглашением о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14 мая 2018 г.¹⁶

Анализ указанного Соглашения позволяет сделать вывод, что, несмотря на закрепленные в Договоре о ЕАЭС полномочия Союза на осуществление международной деятельности, объем их значительно ограничен. Ведущую роль при инициировании международных договоров, ведении переговоров и подписании документов играют государства – члены ЕАЭС и структуры ЕАЭС, являющиеся площадкой для обеспечения интересов государств – членов ЕАЭС (ВЕЭС, Совет Комиссии). При этом Коллегия Комиссии, призванная обеспечивать условия функционирования и развития Союза, в основном играет роль площадки для реализации международных полномочий Союза.

О достаточно ограниченных международных полномочиях Союза свидетельствует также п. 2 ст. 7 Договора о ЕАЭС, согласно которому проведение переговоров по проектам международных договоров Союза с третьей стороной, а также их подписание осуществляются на основании решения ВЕЭС только после выполнения государствами-членами соответствующих внутригосударственных процедур.

Решение о выражении согласия Союза на обязательность для него международного договора Союза с третьей стороной о прекращении, приостановлении или о выходе из международного договора принимается ВЕЭС также только после выполнения всеми государствами-членами необходимых внутригосударственных процедур.

Как видно из приведенной нормы, весь комплекс решений, связанных с ведением переговоров, подписанием, а также выражением согласия на обязательность международного договора, принимается только при условии одобрения государствами-членами. При этом указанные ре-

¹⁴ Соглашения Евразийского экономического союза. Доступ: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁵ Евразийский экономический союз: Решение ВЕЭС от 23 декабря 2014 г. № 99 «О Порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества» Доступ: <https://www.alt.ru/tamdoc/14vr0099/> (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁶ Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями от 14 мая 2018 г. (вступило в силу для России с 16 декабря 2019 г.). Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/550970067> (дата обращения: 12.04.2021).

шения принимаются ВЕЭС, в который входят главы государств и правительств государств-членов, т. е. должностные лица национального, а не наднационального характера. Это представляется вполне обоснованным, учитывая, что международные договоры, в частности, в сфере торговли, влекут значительные экономические последствия, что требует одобрения на государственном уровне.

В данном контексте актуальной представляется точка зрения А.Б. Лихачевой на состояние евразийской интеграции в условиях негативных последствий влияния на страны ЕАЭС так называемого нового протекционизма, под которым автор понимает инструмент борьбы с внешнеполитическими соперниками в условиях смены мирового лидерства, перехода от доминирования Запада в пользу все более мощного Востока.

Смешивание различных инструментов «нового протекционизма» – санкций, торговых войн, неформального давления – делает неконкурентоспособным принцип жесткого разделения торговых, валютных и инвестиционных мандатов между Евразийской экономической комиссией и национальными ведомствами. Выработать на разных уровнях эффективные инструменты предупреждения и реагирования на внешние шоки, вызванные «новым протекционизмом», становится значительно сложнее. Это создает новые стимулы к расширению мандата Евразийской экономической комиссии для разработки действенных инструментов интеграции в новых условиях. Тем не менее, пока и у стран-членов, и у Евразийской экономической комиссии в силу ограниченного мандата получается больше сталкиваться с вызовами, чем управлять возможностями, во многом в силу ограниченного восприятия нового феномена.

В связи с изложенным А.Б. Лихачева предлагает, как представляется, действенный инструмент эффективного противостояния последствиям «нового протекционизма» в виде создания обширной сети зон свободной торговли с зарубежными партнерами, которые плотно интегрированы в региональные и глобальные цепочки добавленной стоимости. Данная мера, помимо понятных экспортных выгод, способна повышать издержки принуждения за счет сети партнеров и участия евразийских компаний в

более сложных цепочках добавленной стоимости [Лихачева 2020:54]. Такой подход позволит установить прочные экономические связи и станет защитным механизмом от вовлечения партнеров в санкционную политику недружественных стран и их блоков.

При создании зон свободной торговли ЕАЭС с третьими странами необходимо учитывать соответствующие нормы ВТО и, как следствие, выстраивать с данной международной организацией сотрудничество не только на уровне государств – членов ЕАЭС, но и Союза в целом. В соответствии с Основными направлениями международной деятельности Союза на 2021 г.¹⁷ сотрудничество с ВТО должно осуществляться посредством:

- участия в деятельности рабочих органов ВТО, рабочих групп и регулярных комитетов ВТО,
- участия в процедурах разрешения споров ВТО по мерам, относящимся к компетенции Союза, в первую очередь, в сфере защиты внутреннего рынка Союза в соответствии с разделением национальной и интеграционной компетенций в рамках Союза,
- содействия дальнейшему развитию равноправной глобальной торговли,
- продолжения работы по получению Союзом статуса наблюдателя в отдельных органах ВТО в рамках компетенции Союза в соответствии с решениями Совета Комиссии,
- оказания содействия Республике Беларусь в переговорах по присоединению к ВТО.

Анализ данных направлений взаимодействия с ВТО требует комментария. Бросается в глаза отсутствие задачи по присоединению Союза к ВТО в качестве полноправного члена. Помимо прочего это связано с тем, что Республика Беларусь не является членом ВТО. В связи с этим, а также принимая во внимание неясные перспективы присоединения Республики Беларусь к ВТО, длительное отсутствие членства Союза в ВТО может негативно сказаться на восприятии ЕАЭС на международной арене в качестве полноценного торгово-экономического партнера при решении вопроса о заключении с ним соглашений о создании зон свободной торговли, а также иных торговых соглашений по вопросам, регулируемым нормами ВТО.

¹⁷ Утверждены Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 15.

По мнению видного специалиста по вопросам ВТО М.Ю. Медведкова, от ВТО Союз получит полноправный торговый режим в более чем 160 странах мира и право ведения переговоров по доступу на рынки и по правилам торговли от лица своих членов. Это не много и не мало – это ровно столько, сколько обычно получает динамично развивающаяся экономика от участия в ВТО. Но этого сейчас нет – и наш кусок пирога достается кому-то другому [Медведков 2020:118]. В связи с этим представляется целесообразным при разработке основных направлений международной деятельности Союза на 2022 г. сформулировать задачу вступления Союза в ВТО. Помимо дивидендов для международного имиджа Союза, это позволит ЕАЭС полноправно участвовать в разработке международных правил торговли, а также нарастить долю товаров и услуг государств – членов Союза на международных рынках.

4. Заключение и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что ЕС является более самостоятельным и гибким при реализации международной правосубъектности, чем ЕАЭС. Благодаря выверенному правовому закреплению своей международной правосубъектности, ЕС смог обеспечить широкую сеть соглашений о свободной торговле. Это в значительной степени обусловлено участием в такой деятельности исключительно наднациональных институтов без упоминания в нормативно-правовой базе по указанному вопросу полномочий государств – членов ЕС.

Таким образом, имеющиеся у ЕС международные полномочия, а также членство в ВТО позволяют ему быть полноценным участником международных экономических отношений, в т. ч. реализовывать полномочия по самостоятельному заключению международных договоров, а также участию в международных организациях.

В этой связи необходимо констатировать, что для развития международной деятельности ЕАЭС, в т. ч. по заключению соглашений с третьими странами и их объединениями, требуется делегирование органам Союза дополнительных полномочий для обеспечения его большей са-

мостоятельности и гибкости на международной арене.

Реализация данного предложения приведет к росту активности ЕАЭС на международной арене, в т. ч. позволит расширить сеть соглашений о создании зон свободной торговли. Кроме того, это повысит независимость ЕАЭС в международных отношениях и позволит стать самостоятельным участником международных организаций, например ВТО. Как показано выше, членство в данной организации способно принести Союзу ряд ощутимых дивидендов, в т. ч. усилить переговорные позиции с потенциальными торговыми партнерами, а также дать возможность продвигать удобные для государств – членов ЕАЭС стандарты в области международной торговли.

Это поможет формированию позитивного имиджа и усилению влияния ЕАЭС на международной арене, в т. ч. при решении глобальных проблем [Боркова, Кожина, Кудряшова 2019:53]. Кроме того, соглашения, заключаемые ЕАЭС с иностранными государствами и их объединениями в области торгово-экономического сотрудничества, будут способствовать устранению барьеров для экспорта продукции государств – членов на рынки зарубежных стран и росту внешней торговли товарами, услугами; движению капитала и рабочей силы.

Учитывая ограниченность платежеспособного спроса на международном рынке, а также принимая во внимание активность ЕС по развитию своего экспорта, настройка правового регулирования международной правосубъектности ЕАЭС приобретает особую актуальность и является залогом успеха в продвижении внешнеэкономических проектов государств – членов ЕАЭС.

Оценка успешности продвижения проектов государств – членов ЕАЭС должна находить отражение в ежегодно публикуемых комплексных отчетах. По аналогии с отчетами Европейской комиссии, о которых шла речь выше, подготавливаемые ЕАЭС обзоры могли бы включать детализированный экономический анализ практики реализации торговых соглашений Союза с зарубежными партнерами, а также оценку перспектив торговой политики ЕАЭС на предстоящий период.

Список литературы

1. Алексеева П.М. 2019. Тенденции и перспективы развития международного сотрудничества таможенных органов. – *Право и практика*. № 1. С. 258–262.
2. Бойцова М.И., Федоренко К.П., Митрофанова И.Б. 2019. Изменения в динамике и структуре российского импорта из Вьетнама после подписания Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 3. С. 27–35.
3. Боркова Е.А., Кожина П.О., Кудряшова П.О. 2019. Оценка перспектив экономического развития и международной деятельности Евразийского экономического союза. – *Государственный советник*. № 3. С. 49–55.
4. Вардомский Л.Б. 2019. Евразийская интеграция: некоторые и возможные сценарии развития. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 4. С. 110–126.
5. Данильцев А.В., Глазатова М.К. 2020. ЕАЭС как субъект мировой торговли и торговой политики: между новым регионализмом. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС*. Под науч. ред. Т.А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики С. 32–46.
6. Ефимова Н.А. 2020. Выявление приоритетных направлений внешних политик государств-членов Евразийского экономического союза в рамках двустороннего сотрудничества. – *Вестник университета*. № 1. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-5-11>
7. Зуев В.Н. 2020. Возможные форматы будущего взаимодействия ЕС – ЕАЭС. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС*. Под науч. ред. Т.А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 63–71.
8. Королев С.А., Малютина Д.И. 2020. Преимущества и возможности для государств-членов при развитии внешних связей ЕАЭС. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС*. Под науч. ред. Т.А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 55–62.
9. Лапенко М.В. 2017. Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнамом: итоги переговорного процесса. – *Известия Саратовского университета. Новая серия*. № 2. С. 212–215. DOI: [10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215)
10. Лихачева А.Б. 2020. Влияние санкций и торговых войн на продвижение евразийской интеграции. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС*. Под науч. ред. Т.А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики С. 47–54.
11. Маркосян А.Х. 2018. Оценка сравнительных преимуществ торговли государств-членов ЕАЭС с региональными мегаструктурами. – *Международная торговля и торговая политика*. № 1. С. 67–84. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-1-67-84>
12. Медведков М.Ю. 2020. ЕАЭС и ВТО – перспективы сближения. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС*. Под науч. ред. Т.А. Мешковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 112–118.
13. Мешкова Т.А. [и др.]. 2019. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. Т.21. № 1. С. 7–33. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33)
14. Михайленко А.Н., Ильина М.Ю. 2020. Актуальные вопросы развития Евразийского экономического союза. – *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 138–150. DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10062](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10062)
15. Молчанова Е.Р. 2020. Зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом: актуальные вопросы внешнеторговой деятельности. – *Бюллетень информационных технологий*. Т. 4. № 1. С. 101–103.
16. Ручкина Г.Ф., Шайдуллина В.К. 2019. Факторы, затрудняющие экспорт товаров ЕАЭС в третьи страны и понижающие экспортную конкурентоспособность России. – *Экономика. Налоги. Право*. № 1. С. 136–143. DOI: [10.26794/1999-849X.2019-12-1-136-143](https://doi.org/10.26794/1999-849X.2019-12-1-136-143)
17. Цыганков П.А. 2014. *Политическая динамика современного мира: теория и практика*. М.: Изд-во МГУ. 568 с.
18. Энтин М.Л. 2009. *Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы*. М.: Изд-во «Аксиом». 304 с.
19. Bukharitsina I.E. 2017. Russian foreign trade with EU in times of sanctions. – *Molodoi uchenyi*. No.24. P. 248–251.
20. Gstöhl S., De Bievre D. 2018. *The Trade Policy of the European Union*. London: Red Globe Press. 258 p.
21. Knobel A. [et al.]. 2019. Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalization?. – *Bank of Russia Working Paper Series*. No. 41. 72 p. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/107528/wp_41e.pdf (accessed 12.04.2021).
22. Potemkina O.Y. 2018. European Union - Eurasian Economic Union: cooperation or competition?. – *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. No. 4. P. 6–10. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018610](https://doi.org/10.15211/vestnikieran42018610)
23. Prytula N.V. 2015. Instruments of foreign trade policy of the European Union. – *ECONOMICS: time realities*. No.2. P.162–166.

References

1. Alekseeva P.M. Tendentsii i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva tamozhennykh organov [Trends and perspectives of development of international cooperation of customs authorities]. – *Pravo i praktika*. 2019. No. 1. P. 258–262. (In Russ.)
2. Boitsova M.I., Fedorenko K.P., Mitrofanova I.B. Izmeneniya v dinamike i strukture rossiiskogo importa iz V'etnama posle podpisanija Soglasheniya o zone svobodnoi trgovli mezhdru EAES i SRV [Changes and structure of Russia's imports from Vietnam after signing Free Trade Agreement between the EAEU and the SRV]. – *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2019. No. 3. P. 27–35. (In Russ.)
3. Borkova E.A., Kozhina P.O., Kudryashova P.O. Otsenka perspektiv ekonomicheskogo razvitiya i mezhdunarodnoi deyatel'nosti Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Assessment of prospects of economic development and international activity Eurasian economic union]. – *Gosudarstvennyi sovetnik*. 2019. No. 3. P. 49–55. (In Russ.)
4. Bukharitsina I.E. Russian foreign trade with EU in times of sanctions. – *Molodoi uchenyi*. 2017. No.24. P. 248–251.
5. Daniil'tsev A.V., Glazatova M.K. EAES kak sub'ekt mirovoi trgovli i trgovoi politiki: mezhdru novym regionalizmom [EAEU as a subject of world trade and trade policy: between new regionalism]. – *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES*.

- Pod nauch. red. T.A. Meshkovoi [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Ed. by T.A. Meshkova]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 2020. P. 32–46. (In Russ.)
6. Efimova N.A. Vyyavlenie prioritetykh napravlenii vneshnikh politik gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v ramkakh dvustoronnego sotrudnichestva [Identification of priority areas of foreign policies of the member states of the Eurasian economic union in the framework of bilateral cooperation]. – *Vestnik universiteta*. 2020. No. 1. P. 5–11. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-5-11>
 7. Entin M.L. Pravo Evropeiskogo Soyuzu. Novyi etap evolyutsii: 2009–2017 gody [European Union Law. A new stage of evolution: 2009–2017]. Moscow: Izd-vo "Aksion" Publ. 2009. 304 p. (In Russ.)
 8. Gstöhl S., De Bievre D. *The Trade Policy of the European Union*. London: Red Globe Press. 2018. 258 p.
 9. Knobel A. [et al.]. Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalization?. – *Bank of Russia Working Paper Series*. 2019. No. 41. 72 p. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/107528/wp_41e.pdf (accessed 18.04.2021).
 10. Korolev S.A., Malyutina D.I. Preimushchestva i vozmozhnosti dlya gosudarstv-chlenov pri razvitii vneshnikh svyazei EAES [Benefits and Opportunities for Member States in the Development of External Relations of the EAEU]. – *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES*. Pod nauch. red. T.A. Meshkovoi [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Ed. by T.A. Meshkova]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 2020. P. 55–62. (In Russ.)
 11. Lapenko M.V. Sozdanie zony svobodnoi trgovli mezhdu EAES i Respublikoi V'etnamom: itogi peregovornogo protsessu [Free Trade Zone EAEU – Vietnam: the Results of the Negotiations Process]. – *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya*. 2017. No. 2. P. 212–215. (In Russ.). DOI: [10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-2-212-215)
 12. Likhacheva A.B. Vliyaniye sanktsii i torgovykh voyn na proizvodstvo evraziiskoi integratsii [The Impact of Sanctions and Trade Wars on the Promotion of Eurasian Integration]. – *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES*. Pod nauch. red. T.A. Meshkovoi [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Ed. by T.A. Meshkova]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 2020. P. 47–54. (In Russ.)
 13. Markosyan A.Kh. Otsenka sravnitel'nykh preimushchestv torgovli gosudarstv-chlenov EAES s regional'nymi megastrukturnami [Estimation of comparative advantages of trade of the EAEU member states with regional megastucture]. – *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika*. 2018. No.1. P. 67–84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-1-67-84>
 14. Medvedkov M.Yu. EAES i VTO – perspektivy sblizheniya [EAEU and WTO – Prospects for Rapprochement]. – *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES*. Pod nauch. red. T.A. Meshkovoi [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Ed. by T.A. Meshkova]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 2020. P. 112–118. (In Russ.)
 15. Meshkova T.A. [et al.]. EAES v menyayushchemsya geopoliticheskom kontekste: priority mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in a changing geopolitical context: priorities for international cooperation]. – *RUDN Journal of Political Science*. 2019. Vol. 21. No. 1. P. 7–33. (In Russ.). DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33)
 16. Mikhailenko A.N., Il'ina M.Yu. Aktual'nye voprosy razvitiya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Topical issues of the development of the Eurasian economic union]. – *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. 2020. No. 5. P. 138–150. (In Russ.). DOI: [10.24411/2073-6487-2020-10062](https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10062)
 17. Molchanova E.R. Zony svobodnoi trgovli s Evraziiskim ekonomicheskim soyuzom: aktual'nye voprosy vneshnetorgovoi deyatel'nosti [Free trade zones with the Eurasian economic union: current issues of foreign trade activity]. – *Byulleten' informatsionnykh tekhnologii*. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 101–103. (In Russ.)
 18. Potemkina O.Y. European Union – Eurasian Economic Union: cooperation or competition?. – *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. 2018. No. 4. P. 6–10. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018610](https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018610)
 19. Prytula N.V. 2015. Instruments of foreign trade policy of the European Union. – *ECONOMICS: time realities*. No.2. P. 162–166.
 20. Ruchkina G.F., Shaidullina V.K. Faktory, zatrudnyayushchie eksport tovarov EAES v tret'i strany i ponizhayushchie eksportnyuyu konkurentosposobnost' Rossii [Factors Hindering the EAEU Exports to Third Countries and Reducing Russia's Export Competitiveness]. – *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2019. No. 1. P. 136–143. (In Russ.). DOI: [10.26794/1999-849X.2019-12-1-136-143](https://doi.org/10.26794/1999-849X.2019-12-1-136-143)
 21. Tsygankov P.A. *Politicheskaya dinamika sovremennogo mira: teoriya i praktika* [Political Dynamics of the Modern World: theory and practice]. Moscow: Izd-vo MGU Publ. 2014. 568 p. (In Russ.)
 22. Vardomsky L.B. Evraziiskaya integratsiya: nekotorye i vozmozhnye stsennarii razvitiya [Eurasian integration: some results and possible development scenarios]. – *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2019. No. 4. P. 110–126. (In Russ.)
 15. Zuev V.N. Vozmozhnye formaty budushchego vzaimodeystviya ES – EAES [Possible formats for future EU-EAEU interaction]. – *V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES*. Pod nauch. red. T.A. Meshkovoi [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Ed. by T.A. Meshkova]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 2020. P. 63–71. (In Russ.)

Информация об авторах**Даниил Александрович Турланов,**

кандидат юридических наук, начальник отдела развития межрегионального сотрудничества, Департамент развития интеграционных проектов и стран СНГ, Министерство экономического развития Российской Федерации

125039, Российская Федерация, Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2

daniil-turlanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1043-3347

Ирина Михайловна Турланова,

кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенной статистики, Российская таможенная академия

140015, Российская Федерация, Московская область, Люберцы, Комсомольский проспект, д.4.

irina-turlanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6890-1425

About the Authors**Daniil A. Turlanov,**

Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Interregional Cooperation Section of the Department for the Development of Integration Projects and the CIS Countries, Ministry of Economic Development of the Russian Federation

10-2, Presnenskaya nab., Moscow, Russian Federation, 125039

daniil-turlanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1043-3347

Irina M. Turlanova,

Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Customs Statistics, Russian Customs Academy

4, Komsomolsky prospect, Lyubertsy, Russian Federation, 140015

irina-turlanova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6890-1425

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-78-97>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 21.05.2021
Принята к публикации: 02.08.2021

Павел Петрович МЫСЛИВСКИЙ

Российский государственный университет правосудия

Новочеремушкинская ул., д. 69, Москва, 117418, Российская Федерация

pavelmyslivskiy@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3369-151X

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ И КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. С 1 января 2015 г. функционирует новый орган международного правосудия – Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд). Суд действует согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС), а также Статуту Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС; далее – Статут). Суд ЕАЭС пришел на смену Суду Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕвразЭС), который функционировал с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2014 г. и имел сопоставимый с действующим Судом ЕАЭС объем полномочий.

Указанные органы выработали существенный объем практики по различным вопросам евразийской интеграции, которая в силу п. 1 ст. 1 Договора о ЕАЭС предполагает свободу движения товаров, капитала, услуг, рабочей силы. Так, Суд ЕвразЭС и Суд ЕАЭС выносили акты по различным вопросам снятия барьеров на евразийском рынке, таможенной классификации, регулирования деятельности лизинговых компаний, антимонопольного права, статуса легионеров в спортивных соревнованиях, движения валюты между государствами – членами ЕАЭС и иным вопросам, в решении которых применялось и было истолковано международное право (право ЕАЭС).

Следует отметить, что в доктрине международного права нередки исследования вопросов исполнения решений международных судов. Однако ввиду относительной новизны Суда ЕАЭС вопрос испол-

нения решений данного органа не исследовался. В рамках настоящей статьи мы ставим цель рассмотреть, как исполняются решения и консультативные заключения Суда ЕАЭС – самим Судом, Евразийской экономической комиссией (далее – ЕЭК), государствами – членами Союза в своих национальных юрисдикциях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье обсуждается правовое регулирование деятельности и компетенция Суда ЕАЭС, а также судебная практика Суда ЕАЭС и Суда ЕвразЭС. Исследуются различия между выносимыми судебными актами Суда ЕАЭС – решениями и консультативными заключениями. Рассматривается доктрина, согласно которой решения данного наднационального судебного органа влекут правовые последствия для неопределенного круга лиц (*erga omnes*), а консультативные заключения являются необязательными актами Суда. (При этом под наднациональным органом понимается такой, доступ к которому осуществляется без исчерпания внутренних государственных средств защиты и которому государства – члены Союза передали компетенцию по урегулированию споров в отношении решений (действий, бездействия) государственных органов, ранее рассматриваемых в национальных судах). Разбирается практика исполнения решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС на различных уровнях.

При проведении исследования использовались исторический, формально-юридический методы, си-

стемный анализ, сравнительное правоведение и др. **ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ.** Настоящее исследование позволило прийти к выводу, что к настоящему времени в целом сформировалась позитивная практика исполнения решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС. Указанный орган влияет на правовую реальность как ЕАЭС, так и его государств-членов через выносимые им судебные акты. Решения Суда ЕАЭС в целом исполняются государствами – членами ЕАЭС, ЕЭК. Суд ЕАЭС при этом не всегда учитывает свою предыдущую практику по рассматриваемым делам. Консультативные заключения Суда ЕАЭС учитываются как ЕЭК, так и государствами – членами Союза в контексте правотворчества и правоприменения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования установлены особенности компетенции Суда ЕАЭС на современном этапе, а также возможные пути ее развития до 2025 г. Рассмотрены сходство и различие судебных актов Суда ЕАЭС – обязательных решений и рекомендательных консультативных заключений. Сделан вывод, что решения Суда ЕАЭС отличаются от решений других международных судов, поскольку являются общеобязательными *erga omnes* и способствуют восстановлению нарушенных прав и корректировке судебной практики национальных судов. Консультативные заключения Суда ЕАЭС можно признать исключительно рекомендательными лишь отчасти, поскольку они способствуют формированию *opinio juris* государств и ЕЭК.

Исследование показало, что исполнение решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС происходит на различных уровнях: самим Судом, добровольно или принудительно – стороной, против которой вынесен данный акт Суда, и национальными судебными органами. Изучение практики исполнения консультативных заключений Суда ЕАЭС выявило, что они имеют существенное значение, поскольку формируют *opinio juris* в ЕАЭС и учитываются национальными судебными и законодательными органами в различных сферах – антимонопольном регулировании, установлении статуса легионеров в спортивных соревнованиях и пр., а также помогают в защите интересов международных гражданских служащих органов ЕАЭС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Евразийский экономический союз, Суд Евразийского экономического союза, решение, консультативное заключение, исполнение, принудительное исполнение, *opinio juris*, *stare decisis*, восстановление нарушенных прав

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мысливский П.П. 2021. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза. – Московский журнал международного права. №3. С. 78–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-78-97>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-78-97>

Pavel P. MYSLIVSKIY

Russian State University of Justice

69, ul. Novocheremushkinskaya, Moscow, Russian Federation, 117418

pavelmyslivskiy@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3369-151X

Research article
Received 21 May 2021
Approved 2 August 2021

EXECUTION OF JUDGMENTS AND ADVISORY OPINIONS OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

INTRODUCTION. Since January 1, 2015, a new body of international justice, the Court of the Eurasian Economic Union (hereinafter – Court of the EAEU, the Court) has been functioning. This Court operates in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (hereinafter – the Treaty on the EAEU), as well as the Statute of the Court of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 2 to the Treaty on the EAEU; hereinafter – the Statute). The EAEU Court replaced the Eurasian Economic Community Court (hereinafter – the EurAsEC Court), which functioned from January 1, 2012 to December 31, 2014 and had a scope of powers comparable to the current EAEU Court. These bodies have developed a significant amount of case-law on various issues of Eurasian integration, which, by virtue of paragraph 1 of Article 1 of the Treaty on the EAEU, presupposes freedom of movement of goods, capital, services, and labor forces. Thus, the EurAsEC Court and the EEU Court have delivered judicial acts on various issues of lifting barriers in the Eurasian market, customs classification, regulation of the activities of leasing companies, competition law, the status of foreign athletes in sports competitions, currency movement between the EAEU member states and other issues in which international law (EAEU law) was applied and interpreted.

MATERIALS AND METHODS. The article examines law on the activities and competence of the EAEU Court, as well as the judicial practice of the EAEU Court and the EurAsEC Court. The article examines the differences between the judicial acts of the EAEU Court – judgments and advisory opinions. The doctrine is considered, which indicates that the decisions of this supranational judicial body (that is, the body to which the Union member states have transferred competence to consider disputes previously considered in national courts in relation to decisions (actions, inaction) of state bodies; access to which is without exhausting domestic legal remedies) entail legal consequences towards an indefinite set of persons (*erga omnes*), and non-binding acts of the Court, advisory opinions. The practice of execution of decisions and advisory opinions of the EAEU Court at various levels is considered in the present article. During the research, general scientific methods were used: historical, formal legal, system analysis, comparative analysis, etc.

RESEARCH RESULTS. The study made it possible to come to the conclusion that by now, in general, a positive practice of execution of decisions and advisory opinions of the EAEU Court has been formed. This body influences the legal reality of both the EAEU and

its member states through the judicial acts rendered by it – the EAEU Court makes decisions that are generally executed by the EAEU member states, the EEC voluntarily or compulsorily. At the same time, the EAEU court does not always take into account its own practice in the cases under consideration. The advisory opinions of the EAEU Court are considered by both the EEC and the member states of the Union in the context of law-making and law enforcement.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The topic of the article aims to reveal how the decisions and advisory opinions of the EAEU Court are executed. The study identified the features of the competence of the EAEU Court at the present stage, as well as possible ways of its development until 2025. The similarities and differences of judicial acts of the EAEU Court – binding decisions and non-binding advisory opinions – are considered. It was concluded that the decisions of the EAEU Court differ from decisions of other international courts – they are binding *erga omnes* and have the functions of restoring violated rights and directing the judicial practice of national courts, while the advisory opinions can be considered exclusively non-binding only in part, since they contribute to the formation of *opinio juris* of States and the Eurasian Economic Commission.

The study showed that the execution of decisions and advisory opinions of the EAEU Court occurs at various levels – by the Court itself, by the losing party (voluntarily or compulsorily), in the national judicial authorities; the practice of execution of advisory opinions made it possible to reveal that the advisory opinions of the EAEU Court are essential, since they form *opinio juris* in the EAEU and are taken into account by national judicial and legislative bodies in various fields – anti-trust regulation, establishing the status of foreign players in sports competitions and others, as well as helping to protect the interests of international civil servants of the EAEU bodies.

KEYWORDS: Eurasian Economic Union, Court of the Eurasian Economic Union, decision, advisory opinion, execution, enforcement, *opinio juris*, *stare decisis*, restoration of violated rights

FOR CITATION: Myslivskiy P.P. Execution of Judgments and Advisory Opinions of the Court of the Eurasian Economic Union. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 78–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-78-97>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Суд ЕАЭС: кратко о компетенции

Как установлено п. 2 Статута Суда ЕАЭС, целью функционирования данного органа международного правосудия является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза.

Не вдаваясь в особенности, преимущества и недостатки компетенции Суда ЕАЭС [Баишев 2019; Karliuk 2019], кратко отметим, что компетенция Суда ЕАЭС включает две группы полномочий – разрешение споров и разъяснение права Союза.

Компетенция Суда описана в гл. 4 Статута: по заявлению государства – члена ЕАЭС Суд проверяет соответствие международного договора Договору о ЕАЭС; рассматривает споры между государствами – членами Союза; проверяет решения, действия (бездействие) ЕЭК на соответствие Договору о ЕАЭС. По заявлению хозяйствующего субъекта Суд ЕАЭС также вправе проверять решения, действия (бездействие) ЕЭК на соответствие Договору о ЕАЭС или другим международным договорам.

Суд ЕАЭС по запросам государств, ЕЭК и международных служащих Союза также компетентен разъяснять Договор о ЕАЭС. Данный институт отчасти можно сравнить с эффективным в контексте европейской интеграции предварительным заключением (преюдициальным запросом)¹ в Суде Европейского Союза (далее – Суд ЕС)²: по запросу национальных судов государств – членов Европейского союза Суд ЕС разъясняет положения права европейской инте-

грации. Тем не менее, в настоящее время такое сравнение некорректно, поскольку, в отличие от Суда ЕС, судебные органы государств – членов ЕАЭС не уполномочены и не обязаны обращаться в Суд ЕАЭС за получением консультативного заключения.

Следует также отметить, что компетенция Суда ЕАЭС может быть модифицирована международными договорами (п. 40 Статута). В настоящее время такие договоры не заключены. Однако вследствие принятия «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»³ ожидается, что компетенция Суда ЕАЭС может быть усилена, например, через надделение ЕЭК правом обращаться в Суд с исками к государствам – членам ЕАЭС.

Следовательно, на данный момент Суд ЕАЭС функционирует согласно действующему Статуту, рассматривая споры между государствами – членами Союза, между государствами и ЕЭК, хозяйствующими субъектами и ЕЭК, а также разъясняет международные договоры. Тем не менее, в недалеком будущем компетенция Суда ЕАЭС может измениться.

2. Решения и консультативные заключения – акты, выносимые Судом ЕАЭС

В силу п. 96 Статута Суд ЕАЭС выносит решения по итогам разрешения споров и консультативные заключения в результате рассмотрения запроса о толковании⁴. Среди схожих черт данных актов – то, что они выносятся в достаточно короткий срок по сравнению с практикой других международных судов⁵ – 90 дней. В остальном данные судебные акты имеют принципиальные различия. Рассмотрим их более подробно.

¹ Терехов В. Глобализация и регионализация гражданского процесса: европейский и евразийский аспект. Дисс.... доктора наук: социальные науки: право. Вильнюс. 2018. С. 115.

² Court of Justice of the European Union: Recommendations to national courts and tribunals, in relation to the initiation of preliminary ruling proceedings. November 25, 2016. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016H1125\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016H1125(01)&from=EN) (accessed 09.03.2021).

³ См.: Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. №12 «О стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года». Раздел 9. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 09.03.2021).

⁴ Суд ЕАЭС также уполномочен выносить постановления. Однако данные акты являются процедурными и по своему содержанию схожи, например, с приказом (order) Международного суда ООН.

⁵ International Court of Justice: Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Order of 17 January 2018. P. 7. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/169/169-20180117-ORD-01-00-EN.pdf?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_11e520bd2f991cd52fb856a774070fc87ef55d3e-1628509089-0-gqNtZGzNAvijcnBszQii (accessed 09.03.2021).

2.1. Характеристика решений Суда ЕАЭС

Согласно классическому подходу решение международного судебного органа является актом органа, рассмотревшего спор⁶, и считается обязательным для сторон спора исключительно в рамках конкретного дела [Вылегжанин, Алферьева 2016:32]. Как следствие, только у сторон спора возникает обязанность по исполнению данного акта [Arnardóttir 2017:821].

Однако этот подход меняется в случае учреждения наднационального суда, который создается в рамках интеграционной международной организации. Так, решения Суда ЕС являются обязательными не только для сторон спора, но и для неопределенного круга лиц, *erga omnes*, и встраиваются в нормативное регулирование в рамках наднациональной международной организации [Нешатаева 2016:12-13]. Данная правовая позиция была выработана указанным органом в своей практике⁷, а также проанализирована в доктрине [Adam et al. 2020:57].

Статут Суда ЕАЭС исходит из того, что решения Суда ЕАЭС являются обязательными к исполнению (пп. 99-100 Статута). При этом Статут данного органа не содержит прямого указания на то, является ли вынесенное решение обязательным исключительно для сторон спора оно также обязательно для третьих лиц.

Однако, как было указано выше, ввиду того что Суд ЕАЭС учрежден в целях установления единообразия в правоприменении на территории ЕАЭС [Нешатаева 2015:115-125], решения данного органа не могут быть обязательными исключительно для сторон спора, а влекут правовые последствия и для третьих лиц, которые не участвовали в процессе, и впоследствии встра-

иваются в нормативное регулирование. Следует отметить, что Суд ЕАЭС на данный момент не провозглашал, что его практика имеет значение *erga omnes*, однако такую позицию уже занимал Суд ЕвразЭС⁸.

Надо сказать, что высшие суды России⁹ и Казахстана¹⁰ разделяют мнение, что правовые позиции Суда ЕАЭС имеют значение для неопределенного круга лиц, и заявляют, что решения Суда ЕАЭС должны учитываться национальными судами данных государств при рассмотрении конкретных споров. Тем не менее, подобные разъяснения высших судов пока не приняты высшими судебными органами в Армении, Беларуси и Кыргызской Республике.

Следовательно, в ЕАЭС начинает формироваться такая практика: даже если какое-либо лицо не участвовало в процессе в Суде ЕАЭС, оно вправе ссылаться на правовую позицию Суда ЕАЭС в национальной юрисдикции. Можно сказать, что в Союзе кристаллизуется такой подход: решения Суда ЕАЭС являются не просто обязательными для сторон спора, но также должны учитываться неопределенным кругом лиц, *erga omnes*.

2.2. Функции решения Суда ЕАЭС – восстановление нарушенных прав и формирование судебной практики

Любая сторона спора обращается в судебный орган за защитой своих прав. В случае удовлетворения требований эта сторона вправе рассчитывать, что негативные последствия, которые возникли из-за поведения ответчика, будут нейтрализованы.

Пункт 61 Статута Суда ЕАЭС содержит норму о том, что решение данного органа не может

⁶ Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г. Ст. 59. Доступ: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 09.03.2021).

⁷ См., например: Court of Justice of the European Communities: SpA International Chemical Corporation v Amministrazione delle finanze dello Stato. Case No. 66/80. Judgment of the Court of 13 May 1981. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61980CJ0066&from=EN> (accessed 09.03.2021).

⁸ Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 8 апреля 2013 г. Доступ: <https://rg.ru/2013/07/17/evrazes-site-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).

⁹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2013 г. №79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155037/ (дата обращения: 09.03.2021); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. №18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197839/ (дата обращения: 09.03.2021).

¹⁰ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. №7 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства». Доступ: <https://www.alta.ru/tamdoc/19kz0007/> (дата обращения: 09.03.2021).

затрагивать вопросы о возмещении убытков или иные требования имущественного характера. Как нами ранее заявлялось [Нешатаева, Мысливский 2013:98–100], из этого можно сделать вывод, что Суд не вправе обязать ответчика возместить убытки, понесенные вследствие нарушения права ЕАЭС.

По нашему мнению, данную усеченность компетенции Суда следует оценивать двояко. С одной стороны, ее можно признать излишней – у спорящих в Суде сторон все же должно быть право взыскать понесенные убытки в судебном порядке. Однако важно учитывать, что в контексте разрешения межгосударственных споров «политическая» ответственность в виде признания нарушения, возможно, более ценная и может быть использована для дальнейшего продвижения государственных интересов в других вопросах международных отношений.

Указанное, однако, не совсем применимо в том случае, когда предприниматель спорит с властным органом, Комиссией. Предприниматели не всегда занимаются политическими маневрами, но всегда – извлечением прибыли. При этом из-за решения (действия, бездействия) Комиссии они могут нести убытки, но взыскать их с Комиссии не могут, поскольку Суд не является компетентным органом в рассмотрении данных вопросов, а национальные судебные органы не являются компетентными в связи с наличием у Комиссии иммунитета от юрисдикции судов государств-членов согласно п. 4 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом Союзе (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС).

Тем не менее, в настоящее время наметился позитивный тренд: в п. 9.2.2. «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹¹ указывается, что планируется создать механизм обеспечения обязательного исполнения решений Суда Союза. В этой связи представляется разумным в ходе соз-

дания данного механизма предусмотреть принципиальную возможность взыскания убытков, понесенных пострадавшим предпринимателем.

Однако на данный момент полагаем, что указанную норму п. 61 Статута следует рассматривать в совокупности с положениями общего международного права и практикой других международных судебных органов касательно возмещения вреда с целью полного восстановления прав заявителя.

Согласно международным обычаям, кодифицированным в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.¹², любое нарушение международного права влечет обязанность государства-нарушителя полностью возместить как моральный, так и материальный вред (ст. 31). Аналогичное правило существует и в отношении международных организаций и содержится в проекте кодифицированного документа об ответственности международных организаций 2011 г.¹³

Полное возмещение вреда в международном праве осуществляется путем реституции [Kindji, Faure 2019:11], компенсации [Da Silva 2016:1423] (не может применяться Судом ЕАЭС вследствие п. 61 Статута Суда ЕАЭС) и сатисфакции [Mcintyre 2016:177]. В целях достижения полного возмещения вреда указанные меры могут применяться как по отдельности, так и в совокупности (т. е. международный суд вправе, например, обязать государство-нарушитель осуществить компенсацию и сатисфакцию). Принцип реституции предполагает, что государство-нарушитель или международная организация приобретает обязательство воссоздать ситуацию, которая существовала до момента совершения международного противоправного деяния (*status quo ante*)¹⁴. В соответствии с мнением Постоянной палаты международного правосудия, реституция как форма возмещения вреда является приоритетной по отношению к другим формам и наилучшим образом корреспондирует с обязательства-

¹¹ См. Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года». Раздел 9. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 09.03.2021).

¹² UN International Law Commission: Draft articles on responsibility of states for internationally wrongful acts. December 12, 2001. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (accessed 09.03.2021).

¹³ UN International Law Commission: Draft articles on the responsibility of international organizations. November 9, 2011. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_11_2011.pdf (accessed 09.03.2021).

¹⁴ UN International Law Commission: Draft articles on responsibility of states for internationally wrongful acts. December 12, 2001. Art. 34. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (accessed 09.03.2021).

ми нарушителя осуществить полное возмещение вреда¹⁵.

Важно, что реституция может производиться как в материальном виде (возврат территории, имущества), так и в юридическом (изменение законодательного положения, принятого в нарушение международных обязательств; пересмотр незаконного решения суда). В некоторых случаях применение материальной и юридической реституции возможно одновременно¹⁶.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) сформировал обширную практику применения реституции при нарушении государствами Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Chavez 2017: 372–392]. Так, Большая палата ЕСПЧ в деле «Скоззари и Джунта против Италии» постановила: во-первых, государство, допустив нарушение, должно не только выплатить денежную компенсацию истцу, но и осуществить меры индивидуального и общего характера для восстановления его прав. Во-вторых, государство само имеет право решать, какие меры использовать для того, чтобы восстановить права истца. В-третьих, ЕСПЧ закрепил взаимную дополняемость компенсации и реституции, установив, что присуждение компенсации предполагает возмещение только за понесенный пострадавшей стороной ущерб в той мере, в какой этот ущерб представляет собой последствие нарушения, неустранимое иным путем¹⁷.

Также формой возмещения вреда является *сатисфакция*, которая применяется в случае, если полное возмещение вреда невозможно путем реституции и компенсации. Сатисфакция может существовать в виде признания нарушения, выражения сожаления, формальных извинений¹⁸ и т. д.

Исходя из положений Статута, Суд ЕАЭС не вправе рассматривать вопрос о компенсации

убытков, понесенных заявителем вследствие принятия ЕЭК не соответствующего международным договорам акта или действия (бездействия) (п. 61 Статута Суда ЕАЭС). Однако, учитывая положения общего международного права о том, что основной целью восстановления прав пострадавшего лица является восстановление ситуации, которая существовала до момента нарушения, Суд ЕАЭС, признавая тот или иной акт, действие (бездействие) несоответствующим международным договорам *ab initio* (с момента их принятия или осуществления)¹⁹, восстанавливает права заявителя. Это может повлечь недействительность правовых последствий, возникших на основании актов, действий (бездействия), которые впоследствии были признаны ЕЭК не соответствующими нормам международного права.

На практике данная функция реализуется следующим образом.

При удовлетворении требований истца и признании решения ЕЭК несоответствующим международным договорам в рамках ЕАЭС у ЕЭК возникает обязанность по исполнению решению Суда ЕАЭС и приведению своего решения в соответствие с актами более высокого уровня (п. 111 Статута Суда ЕАЭС).

В этой ситуации, исходя из функций ЕАЭС, принцип *restitutio in integrum* юридически и фактически реализуется на двух уровнях – наднациональном и национальном. Так, реституция, которая осуществляется на наднациональном уровне, влечет отмену (изменение) акта, нарушающего право Союза. Например, вследствие вынесения решения Апелляционной палатой Суда ЕАЭС ЕЭК внесла изменения в правоприменительный акт, которым было признано нарушение антимонопольного права на трансграничном рынке ЕАЭС²⁰. В сфере таможенного регулирования на основании решения Коллегии Суда

¹⁵ См.: Permanent Court of International Justice: Chorzow factory case (Germany v. Poland). Judgment of 13 September 1928. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1928.09.13_chorzow1.htm (accessed 09.03.2021).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ См.: European Court of Human Rights: Scozzari and Giunta v. Italy. Applications No. 39221/98 and No. 41963/98. Judgment of 13 July 2000. Para. 249. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22%3A%22Scozzari%20and%20Giunta%20v.%20Italy%22%22%22documentcollectionid%22%3A%22GRANDCHAMBER%22%22CHAMBER%22%22itemid%22%3A%22001-58752%22%22%7D> (accessed 09.03.2021).

¹⁸ UN International Law Commission: Draft articles on responsibility of states for internationally wrongful acts. December 12, 2001. Art. 40. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (accessed 09.03.2021).

¹⁹ Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 8 апреля 2013 г. Доступ: <https://rg.ru/2013/07/17/evrazes-site-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).

²⁰ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии №178 от 22 декабря 2020 г. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428201/err_28122020_178 (дата обращения: 09.03.2021).

ЕАЭС от 18 июня 2019 г.²¹ ЕЭК была изменена таможенная классификация судового дизельного двигателя согласно Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза²².

При этом в случае, когда на основании признанного Судом ЕАЭС не соответствующим нормам международного права нормативного акта ЕЭК в национальной юрисдикции были приняты решения властных органов, реституция реализуется в национальной юрисдикции. Это означает, что государства – члены ЕАЭС должны изменить свою национальную правоприменительную практику. Так, например, на национальные суды возлагается обязанность пересмотра по заявлениям хозяйствующих субъектов своей практики, принятой согласно отмененным решениям ЕЭК²³. Следовательно, после удовлетворения требований заявителя от данного лица ожидается обращение в национальную судебную систему с требованием об отмене актов, вынесенных на основе отмененных норм права ЕАЭС.

Таким образом, решение Суда ЕАЭС выполняет комплексную функцию – восстановление нарушенных прав на наднациональном и национальных уровнях.

2.3. Консультативные заключения Суда ЕАЭС: природа и функции

Согласно п. 46 Статута Суда ЕАЭС по заявлению государства-члена или органа Союза Суд разъясняет положения Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также, по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда,

положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

В силу п. 47 Статута Суда ЕАЭС осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения. Это не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров.

Указанные нормы предполагают, что разъяснение позволяет Суду ЕАЭС отвечать на различные вопросы, возникающие у государств-членов и органов Союза в ходе законотворчества, нормоконтроля и правоприменения. Кроме того, международные гражданские служащие органов Союза вправе обращаться в Суд ЕАЭС с заявлениями о разъяснении в том случае, если им требуется разъяснение права Союза, регулирующее трудовые отношения с органами ЕАЭС.

Согласно п. 98 Статута Суда ЕАЭС консультативное заключение по заявлению о разъяснении носит рекомендательный характер. Данная норма согласуется с международными договорами, регулирующими деятельность других международных судов, согласно которым консультативное заключение всегда считается рекомендательным актом международного суда²⁴.

Суд ЕАЭС с 2015 г. по настоящее время вынес 18 консультативных заключений²⁵. При этом Суд ЕвразЭС с 2012 по 2014 г. не вынес ни одного консультативного заключения, прекратив производство дела по заявлению Республики Казахстан²⁶.

Вероятнее всего, рост заинтересованности государств и ЕЭК в консультативной процедуре объясняется тем, что она наилучшим образом соответствует современному международному

²¹ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 июня 2019 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c21/%D0%A0%D0%95%D0%A8%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95%20%D0%BE%D1%82%2018.06.2019.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

²² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 г. №20 «О внесении изменения в Решение Коллегии ЕЭК от 31.01.2018 г. № 15». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01424688/err_30012020_20 (дата обращения: 09.03.2021).

²³ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 марта 2014 г. по делу № А27-10894/2013. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/af956b8a-abf0-4424-afb6-db967013ad2e/4fa6f909-94a9-4a9d-88c9-893012f84c21/A27-10894-2013_20140326_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2021).

²⁴ См., например: Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice. URL: <https://icj-cij.org/en/advisory-jurisdiction> (accessed 09.03.2021).

²⁵ Статистические данные о деятельности Суда Евразийского экономического союза по состоянию на 21 декабря 2020 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/d21/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%2021.12.2020.pdf> (дата обращения: 09.03.2021). Отметим, что в 2021 году Суд Евразийского экономического союза вынес Консультативное заключение от 11 января 2021 г.

²⁶ Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 8 апреля 2013 г. Доступ: <https://rg.ru/2013/07/17/evrazes-site-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).

праву, где основными субъектами, вырабатывающими нормы, являются государства, согласовывающие свои воли [Тункин 2019:73–75]. При этом в рамках «мягкой» консультативной процедуры меняется тон общения международного суда и наднациональных (национальных) властей: властные органы получают не обязательное судебное решение, в резолютивной части которого будет провозглашено, например, что норма международного права нарушена каким-либо субъектом, а мягкую рекомендацию, как следует понимать соответствующую норму международного права. Кроме того, в результате вынесения консультативного заключения государства (наднациональные органы) не теряют свою нормотворческую компетенцию на принятие (отмену) каких-либо правил поведения.

Еще одно преимущество консультативного заключения перед решением по существу спора: если государство не удовлетворено выводами международного суда в консультативном заключении, то ничего негативного не произойдет: это государство продолжит отстаивать свою точку зрения на международной арене, а другие государства получат набор аргументов, которыми будут пользоваться впоследствии в рамках переговорного процесса. Возможно, консультативная процедура особенно эффективна, когда действующие разногласия касаются не толкования норм права или создания какой-либо новой конвенции, но тонких вопросов соотношения права, ценностей и морали.

Тем не менее, консультативные заключения можно назвать исключительно рекомендательными. К такому выводу позволяет прийти анализ учредительных документов международных судов и политических высказываний²⁷. Однако мы предлагаем определить на практике, как меняется правовая действительность вследствие принятия конкретного консультативного заключения, тем самым установив его функцию.

Полагаем, консультативное заключение имеет следующую функцию – быть основой для выработки *opinio juris*.

Как известно, для закрепления любой нормы права необходимо установление субъективного элемента – *opinio juris*, согласно которому

субъект признает, что данная норма определяет его поведение [Shaw 2008:84–89]. Безусловно, *opinio juris* не возникнет в силу того, что какой-либо международный судебный орган счел, принятое толкование единственно правильным. Наоборот, вопрос закрепления обязательности какого-либо правила поведения в любом случае зависит от государства (наднационального органа). Как следствие, консультативное заключение лишь побуждает государство (наднациональный орган) действовать изложенным образом.

Общепризнано, что вопрос формирования *opinio juris* является крайне сложным процессом и предполагает, что нужно в любом случае обращаться к законодательству государств, высказываниям правительств, актам международных организаций с целью установить, считает ли данное государство какую-либо норму обязательной²⁸. Соответственно для того, чтобы установить, получилось ли у Суда ЕАЭС поспособствовать формированию *opinio juris*, нужно проанализировать, было ли учтено соответствующее консультативное заключение на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что, с формально-юридической точки зрения, консультативное заключение Суда ЕАЭС является рекомендательным актом, у которого, тем не менее, есть важная функция – способствовать созданию убежденности (*opinio juris*) государств, наднациональных органов в том, что норма права должна применяться таким образом, как изложено в консультативном заключении.

3. Практика исполнения решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС самим Судом

Сначала необходимо рассмотреть, какое значение придает Суд ЕАЭС своей же практике в том ключе, в каком она влияет на выносимые им впоследствии судебные акты.

Следует отметить, что международное право не признает решений международных судов в качестве *stare decisis* в том смысле, который сформировался в доктрине обязательного прецедента в национальном праве англо-саксонских

²⁷ UN court rejects UK's claim of sovereignty over Chagos Islands. – *The Guardian*. February 25, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/25/un-court-rejects-uk-claim-to-sovereignty-over-chagos-islands> (accessed 09.03.2021).

²⁸ Ibidem.

государств [Crawford 2015:38]. Международные суды в последующих делах не связаны выводами по вопросам права, высказанными ранее (ст. 59 Статута МС ООН). Однако в международном праве сформировался подход, согласно которому данные органы редко отступают от своих же решений по конкретным делам, а если и делают это, то объясняя, чем данное дело отличается от ранее решенного – метод нахождения отличий (англ. *distinctions*)²⁹.

Суд ЕАЭС довольно неожиданно решил признать свои же решения в качестве обязательных для него прецедентов. Так, консультативное заключение Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г.³⁰ указывает, что «при разъяснении международно-правовых норм Большая коллегия, следуя принципу *stare decisis*, основывается на правовых позициях, ранее сформулированных Судом».

На данный момент сложно предугадать, как будет развиваться практика Суда ЕАЭС после провозглашения своей же практики *stare decisis*. В своем консультативном заключении Суд ЕАЭС не пояснил, учитывает ли он практику Коллегии (первой инстанции) Суда ЕАЭС или исключительно Апелляционной палаты, а также являются ли для него прецедентами выводы по вопросам права, содержащиеся в процессуальных постановлениях.

В то же время следует отметить, что после вынесения указанного консультативного заключения от 10 июля 2018 г. Суд ЕАЭС, скорее всего, отошел от признания своей практики в качестве *stare decisis*. Дело в том, что, начиная с 2020 г., наблюдаются существенные разногласия между двумя составами Суда по различным вопросам. Если ранее вопросы, например, о действии норм общего международного права в правовой системе Союза решались в пользу того, что общее международное право составляет часть права Союза³¹, то теперь одна из коллегий Суда ЕАЭС считает, что общее международное право не может составлять право Союза³². Кроме того, коллегии Суда ЕАЭС явно расходятся по отдельным вопросам таможенной классификации³³. Как следствие, в настоящее время сформировалась существенная проблема в учете решений Суда ЕАЭС самим Судом в контексте единообразия практики: орган, от которого ожидалось поддержание единообразия правоприменительной практики, отступает от своих же правовых позиций.

Следовательно, хотя Суд ЕАЭС продекларировал, что исходит из обязательности своих правовых позиций для него самого, необходимо учитывать, что он начал отступать от своей же практики, что может создавать существенные риски для правовой определенности.

²⁹ International Court of Justice: Case concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia). Judgment of 18 November 2008. Para. 53. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/118/118-20081118-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 09.03.2021).

³⁰ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2018 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/555/2.%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%AE%D1%81%D1%82%20%D0%A0%D0%91%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%A2%D0%A1%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2010.07.2018.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

³¹ Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза Т.Н. Нешатаевой от 6 ноября 2020 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/ba2/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BB%20%D0%9E%D0%9C%20%D0%9D%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

³² Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 марта 2020 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c1d/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20100320.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

³³ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/ee3/%D0%BB%20%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2006.11.2020.pdf> (дата обращения: 09.03.2021); Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 15 февраля 2021 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/2a0/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2015.02.21.pdf> (дата обращения: 09.03.2021); Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза К.Л. Чайки от 15 февраля 2021 г. Доступ: https://courteurasian.org/upload/iblock/d56/%D0%9E%D0%9C_%D1%81%D1%83%D0%B4%D1%8C%D0%B8_%D0%9A%D0%9B_%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BA%D0%B8%20150221.pdf (дата обращения: 09.03.2021).

4. Исполнение решений Суда ЕАЭС стороной, против которой вынесено решение

Согласно п. 102 Статута ЕАЭС решение Суда ЕАЭС не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых. Согласно п. 103 без ущерба положениям пп. 111 – 113 Статута Суда ЕАЭС стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда.

Следовательно, после признания какого-либо нормативного акта в виде решения ЕЭК (действия, бездействия) соответствующим или не соответствующим праву Союза Суд завершает свою миссию по формированию единообразия в правовом регулировании. Далее «эстафетная палочка» передается сторонам, которые должны выработать форму и способ исполнения решения Суда.

Практика показала, что можно разделить исполнение судебного решения сторонами на несколько видов:

- 1) простое исполнение резолютивной части судебного решения;
- 2) исполнение *obiter dictum* судебного решения;
- 3) исполнение решений Суда ЕАЭС в национальных судах государств – членах ЕАЭС;
- 4) принудительное исполнение судебного решения.

4.1. Исполнение резолютивной части судебного решения

Пожалуй, легче всего исполнение резолютивной части решения Суда ЕАЭС прослеживается

в той ситуации, когда хозяйствующий субъект доказал, что решение ЕЭК (нормативный акт) не соответствует нормам права Союза. Как следствие, после того как требования хозяйствующего субъекта были удовлетворены, ЕЭК в течение 60 дней должна изменить свое решение таким образом, чтобы оно соответствовало праву Союза (п. 113 Статута).

Практика показала, что удовлетворение требований хозяйствующих субъектов ЕЭК обычно выполняет в установленный решением Суда ЕАЭС 60-дневный срок. Так, начиная с 2012 г. на основании решения Суда ЕАЭС ЕЭК внесла изменения в свои акты, исключив положения о необходимости осуществления декларирования угля во время перевозки между государствами – членами ЕАЭС³⁴, внесла изменения в отдельные решения по таможенной классификации товаров³⁵, а также после признания не соответствующим решения в сфере антимонопольного регулирования³⁶.

В то же время наименее очевидным является то, как ЕЭК должна исполнить решение Суда ЕАЭС в случае, когда тот признал, что действие (бездействие) данного органа не соответствует праву Союза. Каков практический эффект, если хозяйствующий субъект доказал, что конкретное действие ЕЭК не соответствует праву Союза? Вероятнее всего, с точки зрения самого Суда, для исполнения решения Суда ЕАЭС, ЕЭК должна в будущем воздержаться от повторения такого же нарушения³⁷.

При этом пока не является очевидным, как будут исполняться решения Суда ЕАЭС по межгосударственным спорам. В единственном на данный момент межгосударственном споре

³⁴ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 января 2013 г. № 7 «О внесении изменения в Решение Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 335». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/902398136> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁵ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 января 2020 г. № 20 «О внесении изменения в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 года № 15». Доступ: <https://www.alta.ru/tamdoc/20kr0020/> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁶ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 178 «Об исполнении решения Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/573225475> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁷ Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 июня 2019 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/d60/5.%20%D0%9E%D0%B9%D0%BB%20%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%20%D0%93%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%20-%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%A1%20%D0%BE%D0%B1%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82-%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%2012.06.19.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

³⁸ Решение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. Доступ: <https://>

[Чайка 2019:153] в Суде ЕАЭС по делу «Россия против Беларуси»³⁸ Суд ЕАЭС рассматривал вопрос, нарушает ли практика Республики Беларусь право Союза? Эта практика заключалась в непризнании решений таможенных органов Российской Федерации о выпуске товаров в оборот. Еще один вопрос, который должен был рассмотреть Суд: соответствуют ли арест белорусскими таможенными органами товаров калининградских производителей вследствие непризнания решения таможенных органов Российской Федерации? Убытки калининградских производителей составляли около 500 миллионов российских рублей (около семи миллионов долларов США).

В ходе судебного разбирательства требования Российской Федерации были удовлетворены, Суд признал, что Республика Беларусь исполняет право Союза не в полном объеме. Как было заявлено предпринимателями впоследствии, за те товары, которые были арестованы, Республика Беларусь так и не выплатила компенсацию³⁹. Вряд ли данный факт можно признать позитивным, тем не менее, представитель России в Суде ЕАЭС заявил, что у них нет цели возратить товары, которые были изъяты у российских предпринимателей из Калининграда, а также получить компенсацию, поскольку Суд не может рассмотреть требования имущественного характера. В том деле их цель была иной – не допустить возникновения подобных ситуаций в будущем. Следует отметить, что в настоящее время отсутствует информация о том, что Республика Беларусь вновь не исполняет положения права Союза.

Следовательно, в настоящее время практика исполнения решений Суда ЕАЭС складывается

следующим образом: ЕЭК исполняет решения Суда ЕАЭС, в которых требуется исправить действующее нормативное регулирование, путем внесения изменений в оспоренные решения; однако в делах об оспаривании действий (бездействия), а также в межгосударственных спорах заявители, скорее всего, могут надеяться лишь на невозможность повторения спорной ситуации в будущем.

4.2. Исполнение *obiter dictum* решения Суда ЕврАзЭС

Довольно интересно, как исполняется та часть решения Суда ЕАЭС, в которой формально не сделан вывод, что нарушено право Союза, а лишь приводятся рассуждения суда (*obiter dictum*) [Galand 2015:3], составляющие мотивировочную часть судебного акта.

В 2012 г. Суд ЕврАзЭС в деле «Южный Кузбасс против ЕЭК» обратил внимание на следующее: на начальном этапе функционирования Евразийская экономическая комиссия не разработала какого-либо акта, который бы регулировал процедуру досудебного разрешения споров между хозяйствующими субъектами и ЕЭК⁴⁰. Суд ЕврАзЭС не указывал это в резолютивной части решения по данному делу и не возлагал напрямую на ЕЭК обязанность по принятию данного акта. Однако ЕЭК учла правовую позицию Суда ЕАЭС, вынесенную в *obiter dictum* решения, и приняла соответствующий акт, установив процедуру досудебного разрешения споров в Комиссии⁴¹. В конце 2020 г. этот акт был дополнен новыми положениями, соответствующими актуальному нормативному регулированию⁴².

Следовательно, можно прийти к выводу, что положения из мотивировочной части решения

[courteurasian.org/upload/iblock/7bc/2.%20%D0%A0%D0%A4%20v%20%D0%A0%D0%91%20\(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4\)%20-%20%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%91%D0%9A%2021.02.17.pdf](http://courteurasian.org/upload/iblock/7bc/2.%20%D0%A0%D0%A4%20v%20%D0%A0%D0%91%20(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4)%20-%20%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%91%D0%9A%2021.02.17.pdf) (дата обращения: 12.03.2021).

³⁹ Беларусь так и не выплатила компенсацию за изъятые в 2014 г. телевизоры. – Издание «Новый Калининград». 15.11.2019. Доступ: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/economy/23585101-ktpp-belorussiya-tak-i-ne-vyplatila-kompensatsiyu-za-izyatyie-v-2014-godu-televizory.html> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁰ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического сообщества от 5 сентября 2012 г. Доступ: <https://rg.ru/2012/12/03/reshenie-site-dok.html> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴¹ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 г. № 46 «О Порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/499009249> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. №179 «О внесении изменений в решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 года №46». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/573225478> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴³ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2013 г. №79 «О неко-

Суда, в которых изложены правовые позиции (*obiter dictum*), также могут исполняться ЕЭК в ходе своей деятельности.

4.3. Исполнение решений Суда ЕАЭС в национальных судах

Зачастую складывается ситуация, в которой национальные органы, руководствуясь нормами права наднациональной организации, нарушают права хозяйствующих субъектов. Впоследствии хозяйствующий субъект успешно оспаривает нормы права данной организации в наднациональном суде, что ставит вопрос о том, каким образом ему следует отменить решение национального суда.

Данная ситуация предполагает, что хозяйствующему субъекту следует обратиться в национальную юрисдикцию с заявлением об отмене актов, вынесенных на основе отмененных наднациональным судом решений. Как уже указывалось выше, Верховные суды Российской Федерации⁴³ и Республики Казахстан⁴⁴ заявляют, что нижестоящим судам следует учитывать практику Суда ЕАЭС при рассмотрении дел. Это означает, что национальные суды государств – членов ЕАЭС должны учитывать в своих судебных актах правовые позиции Суда ЕАЭС. Таким образом, правовые позиции Суда ЕАЭС входят правовую систему государств – членов Союза через учет практики Суда в ходе отправления правосудия на национальном уровне.

Следует отметить, что, например, в Российской Федерации данная система работает следующим образом: опираясь на решения судов

евразийской интеграции, национальные суды Российской Федерации пересматривают решения публичных органов власти РФ, вынесенные на основе отмененных норм⁴⁵, но могут отказать в признании решения международного суда в качестве нового или вновь открывшегося обстоятельства, имеющего значение для дела⁴⁶.

Тем не менее, обязанность учитывать правовые позиции Суда ЕАЭС в национальной юрисдикции не является абсолютной и ничем не ограниченной [Karliuk 2017: 38–42]. Так, в Российской Федерации от Суда ЕАЭС ожидается уважение основополагающих российских конституционных принципов (ст. 79 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. в редакции от 4 июля 2020 г., далее – Конституция). В противном случае Конституционный Суд Российской Федерации вправе задействовать механизм, описанный в п. 5.1 ст. 125 Конституции, и решить вопрос о неисполнении в Российской Федерации решения Суда ЕАЭС⁴⁷.

Следовательно, по общему правилу, национальные судебные органы учитывают практику Суда ЕАЭС; при этом национальный конституционный правопорядок вправе поставить вопрос о возможности исполнения решения Суда ЕАЭС в том случае, если практика Суда ЕАЭС не соответствует Конституции данного государства – члена ЕАЭС. На данный момент тяжело предугадать, насколько часто будет задействован данный механизм и каким образом. Тем не менее, в практике Европейского союза иногда возникают случаи, когда конституционные суды

торых вопросах применения таможенного законодательства». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155037/ (дата обращения: 09.03.2021); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. №18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197839/ (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁴ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. №7 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства». Доступ: <https://www.alta.ru/tamdoc/19kz0007/> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁵ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 марта 2014 г. по делу № А27-10894/2013. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/af956b8a-abf0-4424-afb6-db967013ad2e/4fa6f909-94a9-4a9d-88c9-893012f84c21/A27-10894-2013_20140326_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁶ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2020 г. № 08АП-2420/2020 по делу № А46-11894/2014. Доступ: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8487c9cc-398b-4f1d-b5c8-46f29c59b126/61e37449-42da-4dd3-8e40-975c77c93d88/A46-11894-2014_20200610_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁷ См., например: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. №417-о. Доступ: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03032015-n-417-o-po/> (дата обращения: 09.03.2021).

⁴⁸ Federal Constitutional Court of Germany: Judgment of the Second Senate of 5 May 2020. URL: <https://www.bundesver->

ставят под сомнение практику наднациональных органов (например, в Германии⁴⁸), что может критиковаться в обществе⁴⁹.

4.4. Принудительное исполнение решений Суда ЕАЭС

Как было указано выше, по общему правилу решения Суда ЕАЭС являются обязательными актами и должны исполняться (пп. 111, 113 Статута Суда ЕАЭС). Однако что происходит, когда сторона, чьи требования не были удовлетворены, не исполняет решение Суда ЕАЭС и, соответственно, какова процедура принудительного исполнения решения Суда ЕАЭС?

Нормы, применимые в данной ситуации, установлены в пп. 114-115 Статута Суда ЕАЭС. Так, в случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер. В случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению.

Суд в течение 15 календарных дней с даты поступления этого ходатайства обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу.

Следовательно, данные пункты предполагают дифференцированный порядок принудительного исполнения решения Суда ЕАЭС: при неисполнении решения по делу, по которому заявителем является государство – член Союза, оно вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет (на уровне глав государств); хозяйствующий субъект вправе обратиться в Высший совет в случае неисполнения ЕЭК ре-

шения Суда ЕАЭС через «фильтр» в виде Суда ЕАЭС.

На практике п. 114 Статута, согласно которому заявителем является государство, еще не был реализован (в теории Российская Федерация могла обратиться в Высший совет после решения по делу «Россия против Беларуси»⁵⁰).

Пункт 115 Статута Суда ЕАЭС был реализован дважды в делах по заявлению хозяйствующих субъектов и позволил сформировать Суду ЕАЭС следующие правовые позиции. Решением по делу «Ойл Марин Групп против ЕЭК» требования заявителя были удовлетворены частично: Суд ЕАЭС признал, что непроведение ЕЭК мониторинга правоприменительной практики государств – членов ЕАЭС составляет бездействие Комиссии и нарушает право Союза. После получения решения Суда заявитель обратился к ЕЭК с требованием направить в национальные таможенные органы требование об изменении правоприменительной практики. ЕЭК отказалась направить такое предписание национальным органам. Тогда «Ойл Марин Групп» снова обратилась в Суд ЕАЭС, но уже с требованием о передаче данной спорной ситуации на уровень президентов государств – членов ЕАЭС, поскольку посчитала, что факт признания бездействия Комиссии возлагает на нее обязанность по ликвидации последствий ее бездействия⁵¹.

Суд ЕАЭС отказал в передаче данной ситуации на уровень президентов государств – членов ЕАЭС, поскольку заявитель не доказал, что ЕЭК не учитывает правовую позицию Суда ЕАЭС касательно необходимости мониторинга правоприменительной практики, а также то, что согласно п. 103 Статута Суда ЕАЭС стороны спора

fassungsgericht.de/SharedDocs/Downloads/EN/2020/05/rs20200505_2bvr085915en.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (accessed 09.03.2021).

⁴⁹ German ruling potentially a fatal threat to EU Law. – *Law Society Gazette*. June 5, 2020. URL: <https://www.lawsociety.ie/gazette/top-stories/german-court-ruling-poses-potentially-fatal-threat-to-eu-law/> (accessed 09.03.2021).

⁵⁰ Решение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. Доступ: [https://courteurasian.org/upload/iblock/7bc/2.%20%D0%A0%D0%A4%20v%20%D0%A0%D0%91%20\(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4\)%20-%20%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%91%D0%9A%2021.02.17.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/7bc/2.%20%D0%A0%D0%A4%20v%20%D0%A0%D0%91%20(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4)%20-%20%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%91%D0%9A%2021.02.17.pdf) (дата обращения: 09.03.2021).

⁵¹ Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 июня 2019 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/d60/5.%20%D0%9E%D0%B9%D0%BB%20%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%20%D0%93%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%20-%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%A1%20%D0%BE%D0%B1%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82-%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%2012.06.19.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵² Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2020 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/d60/5.%20%D0%9E%D0%B9%D0%BB%20%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%20%D0%93%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%20-%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%A1%20%D0%BE%D0%B1%20%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82-%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%2012.06.19.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

сами определяют форму и способ исполнения решения Суда.

В деле ООО «Шиптрейд» против Комиссии» оспаривалось решение ЕЭК от 31 января 2018 г. № 20, по которому были установлены особенности классификации судовых дизельных двигателей согласно товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности. Заявителю удалось доказать, что решение ЕЭК нарушает право Союза. Впоследствии ЕЭК исполнила решение Суда ЕАЭС, изменив критерии классификации судового дизельного двигателя, но это не повлекло изменения ставки ввозной таможенной пошлины. ООО «Шиптрейд» было вынуждено обратиться в Суд ЕАЭС с заявлением о понуждении ЕЭК к исполнению решения Суда.

Суд отказал в передаче данной ситуации на уровень президентов государств – членов ЕАЭС, поскольку ЕЭК в силу п. 103 стороны спора сами определяют форму и способ исполнения решения Суда⁵².

Следовательно, Суд ЕАЭС установил такой стандарт: бремя доказывания возлагается на хозяйствующего субъекта в делах по оспариванию действия публичной власти в ходе исполнения решения Суда ЕАЭС. Кроме того, Суд ЕАЭС исходит из того, что п. 103 Статута подразумевает, что ЕЭК вправе сама решить, как она будет исполнять решение Суда. Данный подход Суда ЕАЭС говорит о том, что принцип *restitutio in integrum* реализуется в практике Суда достаточно осторожно, – решение Суда ЕАЭС по делам о бездействии Комиссии предполагает, что Комиссия в будущем должна воздерживаться от такого бездействия, которое было признано неправомерным, но в делах об оспаривании решений ЕЭК у Комиссии есть дискреция по вопросу о том, как наилучшим образом исполнить решения Суда ЕАЭС. Суд при этом доверяет ЕЭК на стадии исполнения и скрупулезно не проверяет избранный способ исполнения.

По нашему мнению, вряд ли можно полностью согласиться с избранным Судом ЕАЭС подходом, возлагающим бремя доказывания на невластного субъекта по вопросу исполнения решения Суда ЕАЭС властным органом, а также не ограничивающим дискрецию по вопросу исполнения решений Суда. На данный момент на практике начали возникать ситуации, когда ответчик формально исполнит решение Суда⁵³, но реально такое исполнение не позволит реализовать принцип *restitutio in integrum* и полностью нейтрализовать негативные правовые последствия, которые привели истца в Суд ЕАЭС.

5. Исполнение консультативных заключений Суда ЕАЭС

Как было указано выше, исполнение решения и консультативного заключения – это неравнозначные процессы. Если исполнение решения Суда ЕАЭС в конечном итоге предполагает восстановление нарушенных прав заявителя, и при неисполнении решения можно требовать передать рассмотрение вопроса на уровень президентов государств – членов ЕАЭС, то консультативное заключение невозможно исполнить принудительно, оно предполагает содействие государствам – членам ЕАЭС в формировании их *opinio juris*.

Следовательно, при рассмотрении вопроса о том, исполнено ли консультативное заключение, нужно выяснить, его влияние на то, как изменилось международное (национальное) право и подходы государств – членов ЕАЭС в соответствующей сфере.

Остановимся на нескольких примерах, иллюстрирующих данную тему, с целью установить, получилось ли у Суда ЕАЭС способствовать созданию *opinio juris* в различных сферах интеграции.

[org/upload/iblock/582/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2002.06.20.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/582/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2002.06.20.pdf) (дата обращения: 09.03.2021).

⁵³ См., например: Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/b36/3.%20%D0%97%D0%90%D0%9E%20%D0%94%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%80%D1%83%D1%81%20II%20-%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%A1%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%2016.02.2021.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁴ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2017 г.

5.1. Дело «О «вертикальных» соглашениях»

Данное дело впервые касалось антимонопольного регулирования в ЕАЭС.

Республика Беларусь обратилась в Суд ЕАЭС с просьбой вынести консультативное заключение⁵⁴ о том, может ли национальное право изменить условия допустимости «вертикальных» соглашений, установленных правом Союза.

В силу подпункта 1) п. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о ЕАЭС) (далее – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции) под «вертикальным» соглашением понимается соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом.

Иными словами, под «вертикальным» соглашением понимается соглашение (устное или письменное) между хозяйствующими субъектами, которые не являются конкурентами, но при этом один из них приобретает, или возможно, приобретет соответствующий товар, а другой – предоставляет, или возможно, предоставит, соответствующие товары и услуги [Rachkov, Kazankova 2011: 238].

Правом Союза такие соглашения допускаются, если они являются договорами коммерческой концессии; доля хозяйствующего субъекта, являющегося предметом «вертикального» соглашения, на товарном рынке не превышает 20 процентов (п. 6 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции).

Суд отметил, что национальное право государств – членов ЕАЭС не может изменить эти

условия. Впоследствии Конституционный суд Республики Беларусь поддержал выводы Суда ЕАЭС⁵⁵ и был принят закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 8 января 2018 г.

Следовательно, Суд ЕАЭС содействовал Республике Беларусь в формировании *opinio juris* в сфере антимонопольного регулирования в Союзе.

5.2. Дело «О спортсменах»

ЕЭК обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении норм Договора о ЕАЭС применительно к свободе движения рабочей силы в ЕАЭС. По мнению Комиссии, установление для Российской Федерации количественных ограничений (так называемого «лимита на легионеров») на участие спортсменов из других государств – членов ЕАЭС в соревнованиях в России не соотносится с правом Союза⁵⁶.

Следует отметить, что данная проблема не является новой в мировой практике: как известно, Суд ЕС в деле «*Union royale belge des sociétés de football association and Others v Bosman and Others*» указал, что практика ограничения участия спортсменов в соревнованиях в связи с их гражданством не соотносится с правом ЕС⁵⁷.

Суд ЕАЭС высказал сопоставимую правовую позицию и признал, что существование «лимита на легионеров» для граждан государств – членов ЕАЭС не соответствует праву ЕАЭС. Впоследствии Российская Федерация восприняла изложенный подход и внесла изменения, установив, что она не применяет «лимит на ле-

Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c3a/2.%20%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D0%AE%D1%81%D1%82%20%D0%A0%D0%91%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2004.04.2017.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁵ Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. Доступ: <http://www.kc.gov.by/document-48093> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁶ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 7 декабря 2018 г. Доступ: [https://courteurasian.org/upload/iblock/84a/2.%20%D0%95%D0%AD%D0%9A%20\(%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%81%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8B\)%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2007.12.18.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/84a/2.%20%D0%95%D0%AD%D0%9A%20(%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%81%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8B)%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2007.12.18.pdf) (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁷ Court of Justice of European Communities: *Union royale belge des sociétés de football association and Others v Bosman and Others*. Case No. C-415/93. Judgment of 15 December 1995. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:61993CJ0415&from=EN> (accessed 09.03.2021).

⁵⁸ См., например: Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 3 декабря 2019 г. № 1023 «О внесении из-

гионеров» к гражданам государств – членов ЕАЭС⁵⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что Суд ЕАЭС своим консультативным заключением поспособствовал изменению подхода Российской Федерации в сфере спорта.

5.3. Дело «О регулировании деятельности лизинговых компаний в Российской Федерации»

Российская Федерация обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о вынесении консультативного заключения по вопросу о возможности введения пруденциального регулирования: наблюдения за банками и небанковскими организациями, оказывающими различные финансовые услуги; применения предупредительных и принудительных мер воздействия к кредитным организациям-нарушителям; установления минимального размера риска для заемщика; нормативов достаточности собственных средств (капитала), отчетности и иное⁵⁹ деятельности российских лизинговых компаний. Суд ЕАЭС вынес консультативное заключение, признав, что Договор о ЕАЭС позволяет введение пруденциального регулирования деятельности российских лизинговых компаний⁶⁰.

В настоящее время законопроект, разработанный с учетом правовой позиции Суда ЕАЭС,

находится на обсуждении в Государственной Думе Российской Федерации⁶¹. Как следствие, пока преждевременно говорить о существовании *opinio juris* Российской Федерации по данному вопросу.

5.4. Дела «Об исключениях из правил функционирования внутреннего рынка»

В 2017 и 2020 гг. ЕЭК испрашивала консультативные заключения Суда ЕАЭС и просила разъяснить применение ст. 29 Договора о ЕАЭС. Она предусматривает особенности для установления изъятий из внутреннего рынка для целей защиты публичного порядка⁶². Кроме того, ЕЭК выясняла мнение Суда ЕАЭС по вопросу о том, могут ли такие изъятия вводиться однократно или многократно в контексте государственных закупок⁶³.

В результате консультативное заключение Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. помогло сформировать *opinio juris* Российской Федерации по вопросу регулирования таможенного транзита при перемещении продукции из государств, ранее вводивших санкции в отношении российских компаний (Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн). Так, 5 ноября 2020 г. Верховный суд Российской Федерации принял

менения в приказ Минспорта России от 3 сентября 2015 г. № 859 «Об утверждении ограничений на участие спортсменов, не имеющих права выступать за спортивные сборные команды Российской Федерации, во всероссийских спортивных соревнованиях по виду спорта "хоккей на траве"». Доступ: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minsporta-Rossii-ot-03.12.2019-N-1023/> (дата обращения: 09.03.2021).

⁵⁹ Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза Т.Н. Нешатаевой от 10 июля 2020 г. Доступ: https://courteurasian.org/upload/iblock/f7b/%D0%9E%D0%9C_%D0%9D%D0%B5%D1%88%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 09.03.2021).

⁶⁰ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. Доступ: https://courteurasian.org/upload/iblock/ca8/%D0%9A%D0%97_10_%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8F.pdf (дата обращения: 09.03.2021).

⁶¹ Законопроект №586986-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности специальных субъектов лизинговой деятельности». Доступ: https://sozd.duma.gov.ru/bill/586986-7?sortEventsByDate=datend_down&sortEventsByNum=num_up (дата обращения: 09.03.2021).

⁶² Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 г. Доступ: [https://courteurasian.org/upload/iblock/3e3/2.%20%D0%95%D0%AD%D0%9A%20\(%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2\)%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA-%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2030.10.17.pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/3e3/2.%20%D0%95%D0%AD%D0%9A%20(%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2)%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA-%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2030.10.17.pdf) (дата обращения: 09.03.2021).

⁶³ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 января 2021 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c03/%D0%9A%D0%97%20%D0%BE%D1%82%2011.01.2021%20%D0%B3..pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

⁶⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября

решение, основанное на правовой позиции Суда ЕАЭС⁶⁴.

Кроме того, правовая позиция Суда ЕАЭС касательно возможности многократного введения изъятий в исключительных случаях для поддержания публичного порядка была «в целом» поддержана государствами – членами ЕАЭС⁶⁵, что предполагает существование *opinio juris* всех государств, участвующих в ЕАЭС.

5.5. Дело «О конфликте интересов в органах ЕАЭС»

Сотрудники ЕЭК обратились в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении положений права Союза, применимого при проведении аттестации. В основе данного заявления лежало следующее: в одном из департаментов ЕЭК возникла конфликтная ситуация между руководством и подчиненными, при этом руководство данного структурного подразделения входило в аттестационную комиссию, которая должна была оценивать подчиненность этих работников и их способность работать в ЕЭК⁶⁶.

В своем консультативном заключении Суд ЕАЭС дал толкование понятию «конфликт интересов», а также указал, что членам аттестационной комиссии в ходе аттестации следует раскрывать, существует ли конфликт интересов у одних и тех же лиц как руководителей аттестуемых и как членов аттестационной комиссии.

После вынесения консультативного заключения Суд ЕАЭС не сталкивался с ситуациями, в которых наблюдался конфликт интересов в ходе аттестации сотрудников ЕЭК. Вероятнее всего, *opinio juris* Комиссии в этом контексте также было сформировано.

6. Выводы

Несмотря на относительно недолгую историю существования, Суд ЕАЭС в ходе своей

деятельности вынес существенное количество решений и консультативных заключений в различных сферах интеграции. К настоящему моменту следует признать успешным опыт исполнения актов Суда ЕАЭС – решения, имеющие значение *erga omnes*, способствуют восстановлению нарушенных прав и направлению судебной практики, исполняются ЕЭК, а также государствами – членами ЕАЭС в национальных юрисдикциях (за исключением случаев, когда Суд ЕАЭС «посягает» на конституционный правопорядок); консультативные заключения Суда ЕАЭС помогают формированию *opinio juris* государств – членов Союза и самой ЕЭК.

Тем не менее, Суд ЕАЭС в своей деятельности не слишком внимательно относится к своей же практике по предыдущим делам, порой отступая от выработанных ранее им самим подходов. Кроме того, проблемным вопросом является отсутствие разъяснений со стороны всех верховных судов государств – членов Союза о том, какое значение следует придавать практике Суда ЕАЭС при разрешении дел национальными судами. Принятие данных разъяснений в Армении, Беларуси и Киргизии помогло бы национальным судам указанных стран более внимательно относиться к практике Суда ЕАЭС.

По нашему мнению, также спорной является практика Суда ЕАЭС по принудительному исполнению его же решений. В настоящее время Суд исходит из того, что Комиссия вправе самостоятельно решать, как следует исполнять его решения, Суд при этом не подвергает в этой части Комиссию скрупулезному контролю, что может негативно сказываться на защите прав лиц, чьи требования были удовлетворены в судебном порядке, а также на интеграции в целом.

Разрешение указанных вопросов на национальных и наднациональном уровнях помогло бы исполнимости решений и консультативных заключений Суда ЕАЭС.

2020 г. № 309-ЭС20-6309 по делу № А76-43058/2018. Доступ: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112020-n-309-es20-6309-po-delu-n-a76-430582018/> (дата обращения: 09.03.2021).

⁶⁵ Справка о реализации поручения Совета Евразийской экономической комиссии от 11 сентября 2020 г. № 37 (Опубликована не была).

⁶⁶ Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 3 июня 2016 г. Доступ: <https://courteurasian.org/upload/iblock/909/2.%20%D0%A1%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%95%D0%AD%D0%9A%20-%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%2003.06.2016.pdf> (дата обращения: 09.03.2021).

Список литературы

- Баишев Ж.Н. 2019. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования. – *Труды Института государства и права РАН*. Т. 14. № 1. С. 57–75.
- Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е. 2016. Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 31–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-31-48>
- Нешатаева Т.Н. 2015. Единообразное правоприменение – цель Суда Евразийского экономического союза. – *Международное правосудие*. № 2. С. 115–125.
- Нешатаева Т.Н. 2016. О проблемах в действии решений органов ЕАЭС в национальных правовых порядках государств-членов. – *Международное правосудие*. №3. С.10–17.
- Нешатаева Т.Н., Мысливский П.П. 2013. Первый год существования Суда Евразийского экономического сообщества: итоги и перспективы. – *Международное правосудие*. № 2. С. 88–100.
- Тункин Г.И. 2019. *Теория международного права*. М.: Зерцало. 416 с.
- Чайка К.Л. 2019. Суд интеграционного объединения как международный судебный орган. – *Труды Института государства и права РАН*. Т. 14. № 3. С. 147–166.
- Adam C. [et al.]. 2020. *Taking the EU to Court*. Cham: Palgrave Macmillan. 239 p. DOI: 10.1007/978-3-030-21629-0
- Arnardóttir O.M. 2017. Res Interpretata, Erga Omnes Effect and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the European Court of Human Rights. – *European Journal of International Law*. Vol. 28. Issue 3. P. 819–843. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chx045>
- Chavez L.C. 2017. New Remedial Responses in the Practice of Regional Human Rights Courts: Purposes beyond Compensation – *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 15. Issue 2. P. 372–392. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mox018>
- Crawford J. 2019. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 872 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/he/9780198737445.001.0001>
- Da Silva Monaliza. 2018. Compensation Awards in International Environmental Law: Two Recent Developments. – *New York University Journal of International Law and Politics*. Vol. 50. No. 4. P. 1417–1430.
- Galand A. S. 2015. Judicial Pronouncements in International Law: The Arrest Warrant Obiter Dicta. – *Interdisciplinary Research: Are We Asking the Right Questions in Legal Research?* Ed. by L. Vicente and H.-W. Micklitz. Fiesole: European University Institute. P. 3–9. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/35064/LAW_2015_04.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 09.03.2021).
- Karliuk M. 2017. Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: An Uneasy Relationship. – *Russian Law Journal*. Vol. 5. Issue 2. P. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-2-33-52>
- Karliuk M. 2019. The Disintegration of the Judiciary Within Eurasian Integration. – *Review of Central and East European Law*. Vol. 44. P. 406–435. DOI: 10.1163/15730352-04403001
- Kindji K., Faure M.G. 2019. Assessing Reparation of Environmental Damage by the ICJ: A Lost Opportunity?. – *Questions of International Law*. Vol. 57. P. 5–33.
- McIntyre J. 2016. The Declaratory Judgment in Recent Jurisprudence of the ICJ: Conflicting Approaches to State Responsibility?. – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 29. Issue 1. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156515000709>
- Rachkov I., Kazankova T. 2011. Russia. – *Vertical Agreements. The regulation of distribution practices in 39 jurisdictions worldwide*. Ed. by Kinsella S. London: Law Business Research Ltd. P. 238–249.
- Shaw M. 2008. *International Law*. 6th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1710 p.

References

- Adam C. [et al.]. *Taking the EU to Court*. Cham: Palgrave Macmillan. 2020. 239 p. DOI: 10.1007/978-3-030-21629-0
- Arnardóttir O.M. Res Interpretata, Erga Omnes Effect and the Role of the Margin of Appreciation in Giving Domestic Effect to the Judgments of the European Court of Human Rights. – *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. Issue 3. P. 819–843. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chx045>
- Baishev Zh.N. Sud Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: problemy funktsionirovaniya [The Court of the Eurasian Economic Union: Challenges of Functioning]. – *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 57–75. (In Russ.)
- Chaika K.L. Sud integratsionnogo ob"edineniya kak mezhdunarodnyi sudebnyi organ [Court of Integrative Organization as International Judicial Body]. – *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 147–166. (In Russ.)
- Chavez L.C. New Remedial Responses in the Practice of Regional Human Rights Courts: Purposes beyond Compensation – *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Issue 2. P. 372–392. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/mox018>
- Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/he/9780198737445.001.0001>
- Da Silva Monaliza. Compensation Awards in International Environmental Law: Two Recent Developments. – *New York University Journal of International Law and Politics*. 2018. Vol. 50. No. 4. P. 1417–1430.
- Galand A. S. Judicial Pronouncements in International Law: The Arrest Warrant Obiter Dicta. – *Interdisciplinary Research: Are We Asking the Right Questions in Legal Research?* Ed. by L. Vicente and H.-W. Micklitz. Fiesole: European University Institute. 2015. P. 3–9. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/35064/LAW_2015_04.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 09.03.2021).
- Karliuk M. Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: An Uneasy Relationship. – *Russian Law Journal*. 2017. Vol. 5. Issue 2. P. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-2-33-52>
- Karliuk M. The Disintegration of the Judiciary Within Eurasian Integration. – *Review of Central and East European Law*. 2019. Vol. 44. P. 406–435. DOI: 10.1163/15730352-04403001
- Kindji K., Faure M.G. Assessing Reparation of Environmental Damage by the ICJ: A Lost Opportunity.

- nity?. – *Questions of International Law*. 2019. Vol. 57. P. 5–33.
12. McIntyre J. The Declaratory Judgment in Recent Jurisprudence of the ICJ: Conflicting Approaches to State Responsibility?. – *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29. Issue 1. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156515000709>
 13. Neshataeva T.N. Edinobraznoe pravoprimerenie – tsel' Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Uniform Law Enforcement as a Purpose of the Eurasian Economic Union Court]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2015. No. 2. P. 115 – 125. (In Russ.)
 14. Neshataeva T.N. O problemakh v deistvii reshenii organov EAES v natsional'nykh pravoporyadkakh gosudarstv-chlenov [On ambiguous effects of the EAEU bodies' decisions within national legal systems of the member states]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2016. No. 3. P.10–17. (In Russ.)
 15. Neshataeva T.N., Myslivskiy P.P. Pervyi god sushchestvovaniya Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva: itogi i perspektivy [Jurisprudence from the first year of the Court of the Eurasian Economic Community: perspectives and results]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2013. No. 2. P. 88–100. (In Russ.)
 16. Rachkov I., Kazankova T. Russia. – *Vertical Agreements. The regulation of distribution practices in 39 jurisdictions worldwide*. Ed. by Kinsella S. London: Law Business Research Ltd. 2011. P. 238–249.
 17. Shaw M. *International Law*. 6th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 1710 p.
 18. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Zertsalo Publ. 2019. 416 p. (In Russ.)
 19. Vylegzhanin A.N., Alfer'eva K.E. Vklad Mezhdunarodnogo Suda OON v razvitie mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava [Contribution of the International Court of Justice to the Development of International Economic Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No.3. P. 31–48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-31-48>

Информация об авторе

Павел Петрович Мысливский,

советник судьи Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия

117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, д.69.

pavelmyslivskiy@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3369-151X

About the Author

Pavel P. Myslivskiy,

Judge's Advisor at the Court of the Eurasian Economic Union, Cand. Sci. (Law), Lecturer at the Department of International Law, Russian State University of Justice (RSUJ), Judge's Advisor, Court of the Eurasian Economic Union.

69, ul. Novocheremushkinskaya, Moscow, Russian Federation, 117418

pavelmyslivskiy@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3369-151X